ГЕННАДИЙ ТРОШЕВ

ЧЕЧЕНСКИЙ РЕЦИДИВ

Записки командующего

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рецидивы террора на Кавказе, судя по всему, будут продолжаться еще долго.

Революционными методами в одночасье теракты не прекратить.

Путь к миру — процесс эволюционный, и участвовать в нем должны не только силовики.

- Геннадий Николаевич Трошев
  - Предисловие
  - Глава 1
    - Покорение Кавказа
    - Особый менталитет
    - Операция «Чечевица»
  - Глава 2
    - Волчий оскал
    - Режим действует
  - Глава 3
    - Глобализация террора
    - Пылающий Кавказ
    - Наемный «Интернационал»
    - «Надежная основа»
    - Политика «двойных стандартов»
    - Тайны Панкисского ущелья
    - Кто финансировал убийц
    - Диаспоры и деньги
    - Хочешь жить? Плати или работай!
    - Опиум для свободы
    - Сжать пальцы в кулак
  - Глава 4
  - Глава 5
    - Когда «простота хуже воровства»
    - Арифметика сокращений
    - Термины вместо денег
    - …Плюс контрактизация всей страны?
    - «Дикие гуси»
    - Один — с сошкой, девятеро — с ложкой
    - Обреченные на нищету
    - Об исторических параллелях и перпендикулярах
    - Кто научит любить Россию?
    - Кто залечит душевные раны?
    - У семи нянек…

        - Оружие: от шоу до поля боя
        - Не благодаря, а вопреки
    - Глава 6
        - Место и время
        - «Стройбат из поднебесья»
        - В бой идут… квартирмейстеры
    - Глава 7
        - Минно-фугасная война
        - О «тактике пчел» и камикадзе
        - Чем занимается сегодня армия в Чечне?
        - Как переломить ситуацию?
        - История вопроса
        - Народ сделал выбор
        - Нефтяной Гольфстрим
    - Послесловие
    - Иллюстрации
- notes
    - 1
    - 2

Геннадий Николаевич Трошев
Чеченский рецидив
Записки командующего

Предисловие

Когда осенью 2001 года вышла книга «Моя война. Чеченский дневник окопного генерала», я даже не мог предположить, что она будет иметь такой успех: ее общий тираж с допечатками приближается к 100 тысячам экземпляров.

Кстати, первоначально и в издательстве «Вагриус», и я сам считали, что тираж в двадцать тысяч экземпляров люди могут не раскупить… Раскупили. Больше того, я стал получать письма от читателей. И не по одному-два, а пачками. Не успевал прочитывать. Их авторы меня и хвалили, и благодарили, но порой и ругали за книгу. Однако не это было главным.

Зацепило за живое то, что в большинстве писем (впрочем, об этом говорили и при личных встречах люди разного возраста, общественного положения и рода занятий) меня спрашивали: почему в книге говорится только о войне, ведь Чечня — это еще и особый менталитет населения, и богатая, сложная история, и специфическая социально-экономическая ситуация, и объект политических интриг в международных отношениях? Читатели хотели узнать мою точку зрения и на Кавказскую войну XIX века, и на депортацию, и на личность Д. Дудаева, и на тейповую систему взаимоотношений, и на роль нефтебизнеса в чеченской драме, и на восстановление республики, и на ситуацию вокруг Панкисского ущелья, и на военную реформу… Кроме того, абсолютное большинство читателей спрашивали: что в Чечне творится сейчас, после 2000 года («Моя война…» заканчивалась именно этим годом)? В общем, стало понятно, что без второй книги не обойтись. И я ее написал. При этом постарался ответить на все основные читательские вопросы. Что из этого получилось — судить уже не мне.

Вынужден оговориться. Книга была в основном закончена в начале декабря 2002 года, буквально за несколько дней до известного Указа Президента России, согласно которому меня освободили от должности командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. И я чуть было не поддался на соблазн дописать книгу, то есть рассказать об этой истории с «кадровым вопросом», как говорится, по полной программе. Но в конце концов все взвесил и принял решение не потешать публику подробностями «генеральских интриг». Во-первых, в этом мало общественно значимых моментов. Во-вторых, эта история была бы похожа на кухонную разборку в коммунальной квартире и не вписывалась в общий контекст книги. В-третьих, есть определенные правила этики, которые я не намерен нарушать.

Единственное, что позволю себе, — внесу ясность в освещение происшедшего в связи с этим эпизодом, который пресса и отдельные представители политической элиты в своих публичных комментариях изобразили в извращенном виде, исказив действительное положение вещей. Это касается так называемого невыполнения Трошевым приказа о новом назначении.

Объясняю: никакого приказа не было, было предложение, а это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Министр обороны РФ позвонил мне и попросил подумать о новой должности. Я подумал и ответил, что предложение возглавить Сибирский военный округ малопривлекательно, оно мне неинтересно. Вот и все. Вернее, почти все.

Самое любопытное произошло позже. Дело в том, что наши разговоры с С. Б. Ивановым были, естественно, сугубо конфиденциальными. Я и предположить не мог, что информация о планируемой кадровой рокировке уже пошла гулять по свету. Выяснилось это во время моей рабочей поездки в Дагестан. В один из моментов меня подкараулила группа журналистов центральных СМИ, на постоянной основе работающих в республике.

— Как вы прокомментируете ваше новое назначение? — спросили телевизионщики.

Я опешил.

— А вы откуда о нем знаете? — удивленно интересуюсь.

— Да нам уже из Москвы руководство звонило и попросило выяснить, — ответили журналисты.

В Ростове «утечки информации» не могло быть. В этом я был уверен. Значит, понял я, «слили» из Минобороны. И я подумал, что храню «секрет Полишинеля», о котором все знают. А раз так, возмутился я, то чего тут молчать?! И прямо перед камерой сгоряча высказал свое отношение. Мало того что тем самым придал сплетням официальную «упаковку», так еще и невольно помог разжиганию скандала…

Уже потом, когда успокоился и поразмышлял, то пожалел о публичном «демарше». Надо было сказать, как обычно делаю: дескать, слухи и сплетни не комментирую. Но слово не воробей…

Позже выяснилось, что сплетню запустил кто-то из «арбатских военных клерков». Но поезд уже ушел, как говорится. Что сделано, то сделано.

Кстати, после случившегося, когда меня отправили в длительный отпуск и я дожидался решения своей дальнейшей судьбы, в один из январских дней 2003 года я получил приглашение приехать в Москву на встречу с Президентом России

В. В. Путиным. Я подробно доложил ему о случившемся, высказал свои соображения в связи с отстранением меня от занимаемой должности. Беседа была длительной. В ходе ее президент предложил мне новую должность, на которой я нахожусь сегодня.

Вот и вся история. Надеюсь, теперь многим станет понятно, что в декабре 2002 года был не «военно-политический скандал», а, скорее, недоразумение. Понимаю, что для любителей «жареного» это малоинтересно. Тем не менее дело обстояло именно так.

Кстати, о Владимире Владимировиче Путине. В книге есть подглавка о Президенте России. Но и в ней я не касаюсь последних событий. Речь идет там о моем видении первого лица страны глазами командующего войсками Северо-Кавказского военного округа (СКВО). Потому что и книга сделана так: взгляд командующего на военно-политические проблемы Юга России. В ней нет ничего о казачестве, о моей новой работе. Это совершенно другая тема. Будет необходимость и желание — расскажу и об этом, но позже. А пока увольте. Перед читателем, как я уже говорил, — скорее ответы на многочисленные вопросы, возникшие у него после прочтения «Моей войны». Плюс я добавил «портреты» людей (и военных, и политиков), которые сыграли и продолжают играть существенную роль и в моей судьбе, и в судьбах армии и страны. Впрочем, что тут объяснять — книга перед вами.

Надо, правда, добавить следующее. Если «Моя война» основывалась почти исключительно на личных наблюдениях и дневниках, которые я вел по ходу военных действий, то здесь есть ссылки на свидетельства очевидцев событий, в которых я не участвовал, документы разных периодов и по разным темам, есть размышления или, как говорят литераторы, публицистика. Короче говоря, эта книга менее личностная, что вполне объяснимо. Ведь я не участвовал в Кавказской войне XIX века, не общался с Д. Дудаевым, не был в Панкиси и т. п. Однако это не значит, что я не владею информацией и не могу высказать свое суждение. Как говорил английский писатель Бернард Шоу, «я прожил долгую жизнь и за всю эту жизнь не снес ни одного яйца. Однако это не мешает мне судить о вкусе яичницы».

Остается только добавить, что книга не состоялась бы без помощи многих людей, любезно предоставивших мне необходимые материалы, цифры, другие данные. Они помогли мне также уточнить некоторые оценки, доработать текст…

Большую благодарность я выражаю Геннадию Алехину, Федору Бокову, Олегу Воле, Сергею Морозову, Сергею Прыганову, Александру Сапронову, Сергею Тютюннику, Илье Шабалкину и

фотокорреспондентам Михаилу Климентьеву, Валерию Матыцину, Владимиру Сварцевичу и всем, кто участвовал в выпуске книги. В значительной мере это и их книга. Надеюсь, что она получит признание читателей.

Глава 1
Синдром вражды

Покорение Кавказа

До начала 90-х годов в столице Чечено-Ингушетии на одной из тихих, примыкающих к Дому политического просвещения улочек (названия которых я не могу, к сожалению, сегодня вспомнить) стоял памятник Алексею Петровичу Ермолову. Говорили, что он был сооружен именно на том месте, где при закладке крепости Грозная в XIX веке находилась его землянка. Не знаю, насколько это достоверно, но памятник прославленному русскому генералу местные чеченцы старались особенно не показывать гостям города. Бронзовый бюст Ермолова, как считалось, напоминал самые трагические годы покорения Кавказа. Больше того, он рассматривался как символ драматической судьбы горских народов, их колонизации.

Такая оценка личности прославленного полководца на обывательском уровне, очевидно, во многом была связана с пробелами самой истории. В школьных и вузовских учебниках Кавказской войне отводилось не более одного-двух абзацев, а между тем она длилась 47 лет… Молодежь в основном черпала знания о ней из обрывочных сведений художественной литературы, а наиболее любознательные — из монографий, исследований местных ученых, тенденциозно использовавших в своих работах отдельные документы того периода, достаточно вольно их трактуя. Словом, Ермолов представлялся как беспощадный колонизатор, «придерживавшийся реакционных взглядов», как генерал, «с варварской жестокостью» истреблявший целые народы во имя завоевания Кавказа. Соответственно, памятник был «бельмом в глазу» для чеченцев. При советской власти его с завидной периодичностью взрывали по ночам и так же по ночам восстанавливали, благо бюст был отлит на местном заводе «Красный молот» не в одном экземпляре.

В 1991 году командир Окружного учебного центра, бывшей учебной дивизии, генерал-майор Соколов предложил Д. Завгаеву, возглавлявшему тогда руководство республики, демонтировать памятник и перенести его на территорию одной из воинских частей. Доку Гапурович отказался. Правильным ли было такое решение, носившее в то время явно политический оттенок, судить не берусь. Но в любом случае сейчас можно сказать с полной уверенностью: перенос памятника не спас бы его от уничтожения. В сознании вайнахов[1], опять же по вине как местных, так и московских историков (особенно в перестроечные годы), культивировалась мысль, что якобы Россия руками Ермолова и

военачальников из его окружения осуществляла на Кавказе политику геноцида, чтобы ослабить людской потенциал населения и расчистить пространство для казачества и других переселенцев в Северокавказском регионе. Понятно, подобное истолкование событий Кавказской войны позапрошлого века ничего, кроме возбуждения ненависти к русским, принести не могло и не может.

Не надо забывать, что А. П. Ермолов был прежде всего человеком военным, и его трагедия заключалась в том, что волею императора генералу необходимо было привести к покорности народы, признававшие лишь законы гор, уважавшие лишь одно право — право силы. При этом государь хотел выглядеть в глазах Европы гуманным правителем. Сам же Алексей Петрович считал, что крайние меры порой оправданны, но только в отношении преступников, грабителей, убийц, работорговцев. «Наказывать нетрудно, — писал Ермолов в одном из своих писем, — но по правилу моему надобно, чтобы самая крайность к тому понудила». По отношению к пленным он требовал, чтобы противника, сложившего оружие, щадили непременно. Однако «хищничество», как называл тактику горцев Ермолов — набеги, было так распространено, а взаимное ожесточение столь велико, что правила эти не могли не нарушаться.

В конце 1816 года, по прибытии на Кавказ, Ермолов искренне верил, что обеспечить безопасность Грузии и оградить русскую границу от разорительных набегов горцев ему удастся, не прибегая к крайним мерам. Но вскоре вынужден был от мирного, достаточно сдержанного обращения перейти к все более жестким мерам. «Учитывая фанатизм горских племен, их необузданное своеволие и враждебное отношение к русским, а также особенности их психологии, новый главнокомандующий решил, что установить мирные отношения при существующих условиях совершенно невозможно, — писал А. Керсновский в «Истории русской армии». — Надо было заставить уважать горцев русское имя, дать им почувствовать мощь России, заставить себя бояться. А этого можно было добиться лишь силой, ибо горцы привыкли считаться только с силой». Так родился известный план Ермолова, утвержденный Александром I и ставший отправной точкой в развязывании вооруженного конфликта, получившего название Кавказской войны 1817–1864 годов. Не спускать горцам ни одного грабежа, не оставлять безнаказанным ни одного набега — этот положенный генералом в основу военной тактики принцип не мог не привести к эскалации вооруженного насилия.

Но вот что интересно: изучая исторические документы того времени, читая «Записки» А. Ермолова, дневники и воспоминания

его современников, я невольно ловил себя на мысли, что насилие носило чисто военно-стратегическое значение и никак не было колонизационным. И это принципиально важно. Основная территория Северо-Восточного Кавказа, где разворачивались решающие события российско-кавказской драмы (особенно Дагестан, горная Чечня), вовсе не прельщала переселенцев из России. Даже если бы она оказалась свободной от коренного населения. Никто туда ехать не хотел из «большой России».

О какой же колонизации могла идти речь? Тогда почему началась та знаменитая Кавказская война, знаковой фигурой которой был А. Ермолов? Как развивалась история после ее окончания — в конце XIX века, начале, середине, а потом и в конце XX века? Не задаваться этими вопросами — значит не понимать смысла происходящего на Кавказе сегодня.

Вообще-то завоевание Северного Кавказа Россией длилось несколько столетий. Первый этап Кавказской войны Россия начала еще во второй половине XVI века, когда войска Ивана Грозного покорили Черкесское и Кабардинское княжества. Свои первые шаги внедрения на Северный Кавказ царь начал со строительства терских городков, своего рода укрепленных крепостей, где стрельцы создавали гарнизоны. После этого началось заселение бассейнов рек, включая Сунжу и Терек. Итогом стало образование Гребенского, а позже Сунженского и Терского казачеств.

Второй этап покорения Кавказа — Персидский поход Петра Великого в 1722–1723 годах. Тогда Петр I ограничился захватом побережья Каспийского моря и высадкой десанта недалеко от нынешней Махачкалы с устройством в последующем порта Петровск.

Третий этап — восстание горцев Северного Кавказа под руководством шейха Мансура против царской России — длился с 1785 по 1791 год. Этому восстанию предшествовало строительство российскими войсками Кавказской укрепленной кордонной линии, продолжавшееся вплоть до окончания Кавказской войны в 1864 году.

Четвертый этап Кавказской войны начался в 1817 году, с 1834 по 1859 год сопротивление возглавлял имам Шамиль. И уже пятый — это покорение Западного Кавказа с 1859 по 1864 год.

Будучи командующим армейской группировкой в Чечне в первую кампанию (1995 год), а затем во вторую (1999–2000 годы), первым заместителем, а впоследствии и командующим войсками СКВО, я не раз бывал в самых отдаленных уголках Дагестана и Чечни. В горах до сих пор сохранились приметы того

далекого периода истории. И прежде всего старинные башни — крепости, слава о неприступности которых распространялась далеко за пределы Кавказа.

Горы здесь изрезаны бездонными ущельями, а дороги такие узкие, что двоим порой не разойтись. Диву даешься, как воевали в этих местах наши предки, как перебирались они через высокогорные перевалы, бушующие водные потоки… Сколько же русских солдат погибло при штурмах крепостей, аулов!

Горцы, прирожденные воины, сопротивлялись до последнего дыхания. Энергия и фатализм, страсть и упорство — основа их национального характера.

Дух вооруженной демократии, издревле вошедший в кровь и плоть жителей Кавказа, не допускает и тени зависимости. Потому и сражения были отчаянными. Насмерть. Особенно в период проконсула А. Ермолова. Ему, генералу от инфантерии, было поручено императором окончательное покорение Кавказа.

Международные отношения в начале XIX века определялись интригами и беспрерывной сменой политических интересов. Европейские державы то провоцировали восточные государства на войну против России, то занимали совершенно противоположную позицию…

Россия не только разгромила в 1812–1814 годах войска Наполеона. В XVII — начале XVIII века, одержав ряд побед над Персией, она смогла формально включить в свою территорию весь Кавказ. Однако это вовсе не означало установление полного господства над регионом. В Санкт-Петербурге периодически рождались проекты мирного и взаимовыгодного привлечения горцев к жизни под покровительством империи. Предполагалось осуществить политические меры, способные укрепить позиции России на беспокойном Кавказе. Но в эйфории отгремевших побед на Западе и Востоке многим тогда в России казалось, что подобные задачи проще решать с помощью оружия.

Войска с восторгом встретили одного из героев Отечественной войны 1812 года, главнокомандующего в Грузии, командующего Отдельным Кавказским корпусом Ермолова. Алексей Петрович прибыл на Кавказ с большими планами переустройства края, но обнаружил, что со времени походов графа Валериана Александровича Зубова здесь мало что изменилось. Влияние России не распространялось за пределы крепостей, и о покое на Кавказе оставалось только мечтать. К тому же Персия требовала возвращения северных провинций, которые ей обещал вернуть Александр I.

Ермолов отправился в Персию, где встретился с шахом, и

нашел, что возвращать земли не обязательно. Считая этот вопрос решенным, он принялся за радикальные преобразования на Кавказе.

При Алексее Петровиче началось бурное строительство, повсюду развивались торговля, ремесла. Для примера ведения хозяйства на Кавказе были поселены колонисты из Германии. На европейский лад устраивались курорты на минеральных водах. Виноделие ставилось на промышленную основу. В прикаспийских районах поощрялось шелководство, ковроткачество. Зарождалась нефтяная промышленность.

Для развития края необходим был порядок, и Ермолов начал наводить его твердой рукой. Не желая ждать, он хотел осуществить свои планы сразу. В то время когда силы европейских держав, бесцеремонно грабивших Африку и Индокитай, были отвлечены в эти регионы, Ермолов считал возможным полностью решить кавказскую проблему. 12 мая 1818 года он отдал приказ войскам перейти Терек. А уже в июне была заложена крепость Грозная. На протесты горцев Ермолов отвечал, что выполняет волю императора.

На помощь чеченцам из Аварии потянулись отряды добровольцев. Завязались ожесточенные бои в Дагестане, где горцы разгромили отряд генерал-майора Б. Пестеля. Заволновались кабардинцы, вспыхнуло восстание в Имеретии.

Ермолов понял, что усмирить Кавказ в течение полугола, как он обещал императору, не удастся. Сюда были направлены дополнительные силы: шесть имеющих боевой опыт пехотных полков — Апшеронский, Тенгинский, Куринский, Навагинский, Мингрельский и Ширванский. С помощью прибывших свежих сил Ермолов разгромил Гасан-хана в Дагестане, а затем подавил еще несколько вспыхнувших восстаний. Побежденные были приведены к присяге и обложены данью. Ермолов перешел кумыкскую равнину, вышел к Каспию, где заложил крепость Бурную, отрезав Чечню от кумыков и прибрежного Дагестана…

Сегодня некоторые историки утверждают, что это была «беспощадная война против мирного населения». В такой интерпретации действия российского главнокомандующего действительно выглядят как бессмысленная и неоправданная жестокость. Однако достаточно обратиться к страницам знаменитых «Записок» Ермолова, взглянуть на общую политическую обстановку, сложившуюся в те годы вокруг Кавказа, чтобы понять, где же на самом деле истина.

В апреле 1820 года, например, Ермолов писал в своем дневнике: «Получено известие о злодейском убийстве полковника Пузыревского, отличного офицера, начальствовавшего войсками в

Имеретии. Один князь, дядя родного владетельного князя Гурийского, пригласив его на свидание, подослал одного из прислужников убить его, когда беспечно проезжал он через лес. Вот мои слова о первом при сем известии: «Не при мне умирать достойному офицеру без отмщения!»»

Июль 1825 года. «Получил известие, что в ночь с 7 на 8 июня возмутившиеся чеченцы, возбужденные лжепророком, напав на укрепленный пост Амир-Аджи-Юрт, сожгли оный».

Сентябрь того же года. «Получено известие о возгоревшемся в Кабарде мятеже. Изменники, пришедшие на помощь партии чеченцев, напав на селение Солдатское, большую часть оного разорили…»

Таких документальных свидетельств много в дневниках главнокомандующего, в воспоминаниях его современников. Все они говорят о том, что жестокость Ермолова имела в своей основе трудноосporимый принцип «око за око» — в современном понимании далекий от законности, но все же имевший в сложившейся в то время обстановке моральную подоплеку.

При этом еще раз хочу подчеркнуть: русские войска никогда не воевали с мирным населением. Это нынешние «борцы» за свободу чеченского народа, легко и беспощадно распорядились жизнями ни в чем не повинных людей в Буденновске, Кизляре, Первомайске и совсем недавно в Москве при взрыве во время рок-фестиваля в Тушино и взрыве военного госпиталя в Моздоке.

Однако вернемся к XIX веку. Неожиданная кончина императора Александра I в ноябре 1825 года в Таганроге повлекла за собой грандиозные события. Восстание декабристов всколыхнуло страну. Начались расследования и репрессии, которые докатились и до Кавказа. Под следствие попал и Александр Грибоедов. И кто знает, на какой каторге оказался бы этот замечательный поэт и дипломат, если бы не гигантская фигура Ермолова. Их дружбе не мешали идейные противоречия. Грибоедов, особенно в последние годы жизни, по-своему осмысливал идеи Ермолова. Он доказывал необходимость культурного воздействия на горцев в целях их свободного развития в лоне империи. Но идеи Грибоедова, как и других представителей либеральной интеллигенции, не имели под собой почвы. Кавказ уже пылал, а персидская армия в 1826 году вторглась в Закавказье. Пройдя Армению, персы подступили к Грузии. Персидские войска были разбиты, но спокойствие не наступило. Ермолов, подозреваемый в связях с декабристами, так и не сумев погасить пожар в горах, вынужден был в 1827 году покинуть Кавказ. На его место заступил И. Ф. Паскевич.

Император Николай I велел новому главнокомандующему

«усмирить навсегда горские народы или истребить непокорных». Паскевич взялся за дело основательно и для начала разделил Кавказ на несколько частей: Грузия (шесть уездов), пять татарских дистанций, семь провинций (Карабахская, Шекинская, Ширванеская, Бакинская, Кубинская, Дербентская, Ахалцыхская), четыре области (Армянская, Имеретия, Мингрелия, Гурия), ханство Талышинское и земли разных горских народов вдоль Главного Кавказского хребта. Кроме того, под надзором царских чиновников управлялись собственными владетелями Абхазия и Сванетия, а в Дагестане — шамхальство Тарковское и ханства Казикумухское, Аварское и Мехтулинское.

Однако начавшаяся в 1828 году война с Турцией вынудила Паскевича этим ограничиться и перейти на самом Кавказе к пассивной обороне. Он больше воевал с Турцией, решившей заменить Персию в кавказских делах. Паскевич действовал успешно, взял Карс, Эрзурум, заставил Турцию в 1829 году подписать Андрианопольский мир. По этому соглашению к России отошли: Анапа, Поти, Ахалцых, Ахалкалаки. Граница была проведена по западному Арпачаю, а от его верховьев — по ряду хребтов до Аджарских гор и берега Черного моря.

Но союзники Турции — Франция и Англия — не оставляли надежды ослабить влияние России, а заодно отторгнуть от нее Крым и Кавказ. Намерения Англии были связаны с созданием Черкесского государства под ее и турецким протекторатом, а Грузию предполагалось «расчленить наподобие дунайских княжеств». В планы Франции входило полное вытеснение России с берегов Черного моря.

Ставка была сделана на сепаратизм. Так, например, серьезное значение союзники придавали движению адыгов, считая, что, настроив их против России, тем самым смогут взорвать Кавказский фронт. Царское правительство тоже опасалось этого и даже в самые сложные периоды Крымской войны 1853–1856 годов держало на Кавказе армию в 270 тысяч человек.

К середине XIX века война с горцами велась уже с большей систематичностью, чем в предшествующий период.

Ситуация усугублялась тем, что на Кавказ хлынуло большое количество всякого рода иностранных эмиссаров и агентов, особенно из числа польских и венгерских эмигрантов, которые надеялись, что впоследствии Англия поможет им восстановить независимость Польши и Венгрии. Польские эмиссары, рассредоточившись между горцами, превратно толковали им намерения России, запугивая угнетенным положением, в котором те могут оказаться, находясь в российском подданстве. Они не скупились на клевету, зная, что, заставляя горцев бояться

русских, одновременно укрепляют их уверенность в своих силах в борьбе с Россией.

Большие надежды в этом плане возлагались на движение имама Шамиля — личность в истории Кавказской войны не менее яркая, чем генерал Ермолов.

Впервые (во всяком случае, в Чечне) об этом человеке стало широко известно в 1832 году, когда Гази-Магомед, близкий друг, единомышленник Шамиля, при штурме одной из крепостей был тяжело контужен. Встревожившись, горцы спросили его, кто теперь будет командовать ими. По преданию, Гази-Магомед ответил: «Шамиль. Он будет долговечнее меня и успеет сделать гораздо больше благодеяний для мусульман».

Шамиль родился в 1797 году в аварском ауле Гимры в семье кузнеца. На мовлид — благодарственную молитву в честь рождения мальчика — собралась вся аульская община — джамаат. Дед по обычаю шепнул в правое ухо младенца особую молитву — азан, а в левое его имя — Али.

Ребенок оказался слабым и болезненным, к тому же заразился оспой, от которой тогда умирали даже взрослые. Однако мальчик выжил, и аксакалы расценили это как доброе предзнаменование, но посоветовали дать ребенку новое имя. Родители выбрали имя очень редкое — Шамиль. Кто же тогда знал, что именно он, сын простого кузнеца, станет обновителем веры? Но что это такое — обновление ислама на Северном Кавказе в XIX веке?

Известно, что ислам на Кавказ принесли арабы еще в VII веке во времена стремительных завоеваний Халифата. Постепенно арабы ушли, но ислам, его суннитская ветвь, остался, вытесняя древние языческие культы. На суннитской ветви расцвели несколько суфийских тарикатов. Это были братства (ордена), открывавшие своим поклонникам пути к духовному совершенству и постижению божественной истины. В результате таких, как может показаться на первый взгляд, отвлеченных занятий на Кавказе зародился мюридизм.

Руководство орденом осуществляли шейхи, которые затем передавали его своему преемнику. Послушниками или учениками шейхов были мюриды. Этот институт тоже со временем претерпел некие изменения, и наряду с тарикатскими появились имамские мюриды — нечто вроде гвардии из отборных воинов.

Они служили безотказным механизмом, приводившим в движение огромные массы людей, когда вожди поднимали знамя газавата — борьбы за веру.

Простых людей привлекал демократизм суфизма, проповедовавшего свободу и равенство, чистоту веры и шариат

как единый для всех закон. В начальный период наместничества Ермолова опорой суфизма на Кавказе был Исмаил-ал-Ширвани. У Исмаила было много мюридов, которые призывали народ к открытому неповиновению русским. Видя, что обстановка обостряется, становится все более опасной, и подозревая в этом происки иностранных эмиссаров, Ермолов предпринял самые решительные меры для водворения в крае спокойствия и порядка. Часть приверженцев шейха была казнена, остальные изгнаны из края. Сам шейх эмигрировал в Турцию. Однако у него нашлось много последователей. В том числе Гази-Магомед и Шамиль, сумевшие создать жесткое теократическое государство, которое просуществовало двадцать пять лет.

Если посмотреть на карту, то видно, что граница Грузии с Чечней, Дагестаном и Азербайджаном пролегает дугообразно. Причем на пограничном участке Дагестана находится печально известный Ботлихский район, с вторжения в который в августе 1999 года боевики Басаева и Хаттаба, по сути, развязали «вторую чеченскую войну».

Задумка лидеров сепаратистов не была бандитской авантюрой или бездумным шагом. Ботлихский район еще задолго до начала боевых действий стал, по существу, чеченским анклавом. Ботлихцы занимают промежуточное положение между чеченцами и аварцами, говорят на своем наречии, живут по своим обычаям, уходящим корнями к временам имамов.

В ходе Кавказской войны XIX века именно ботлихцы поставляли Шамилю самых преданных мюридов. Кстати, суфизм, который исповедуют здесь, очень близок ваххабизму своей крайней нетерпимостью к инакомыслию, суровостью нравов и твердостью в вере. Потому он нашел такой живой отклик в горных районах Дагестана и в Чечне — от Хунзаха, бывшей столицы Шамиля, до Ботлиха. Об этом ныне, к сожалению, мало кто знает, даже те, кто профессионально занимается военно-политическими проблемами Кавказа.

Война с Шамилем, третьим имамом Дагестана и Чечни (в 1834–1859 годах), была самой долгой за всю историю позапрошлого века. К концу 1836 года Шамиль подчинил своей власти весь горный Дагестан. Его крепости в разные периоды штурмовали войска многих прославленных генералов. Но результаты всех этих военных экспедиций были прямо противоположны их целям. Авторитет и власть Шамиля только усиливались, набеги на «русские линии» учащались, а восстания горцев охватывали даже прежде спокойные области.

Вместе с тем Шамиль, понимая, что в покое его не оставят, возвел столицу имамата — крепость Ахульго. Остатки этой крепости на огромной скале, окруженной глубокими ущельями, и теперь еще поражают своей грандиозностью. Тогда же твердыня Ахульго (Призывная гора) считалась и вовсе неприступной. Мощные защитные сооружения, обустроенные пещеры и подземные ходы, многоярусные боевые укрепления строились лучшими мастерами под руководством наиба Магомеда Ахвердилава и искусного военного инженера чеченца Хаджи-Юсуфа, изучавшего премудрости строительного дела в Египте и Турции.

Штурм крепости был поручен новому начальнику войск на Кавказской линии и в Черномории генерал-лейтенанту графу П. Граббе, имевшему боевой опыт войны с Наполеоном, против турецких войск и в польской кампании 1831 года.

9 мая 1839 года, при выступлении из крепости Внезапной в Чечне, отряд Граббе имел 8 тысяч штыков и сабель, до трех тысяч горской милиции и 22 орудия. 12 июня, после нескольких серьезных стычек с горцами, Граббе дошел до резиденции имама. Грозный вид Ахульго поразил даже видавших виды русских солдат, которые говорили: «Легче снять месяц с неба, чем полумесяц с минаретов Ахульго». Но штурм все-таки начался. Поразительными были мужество защитников крепости и храбрость русских солдат, штурмовавших Ахульго, на плечах друг друга взбиравшихся на веревках и лестницах над головокружительной пропастью под огнем и лавиной камней…

История оставила потомкам картину тех незабываемых дней. Написал ее великий русский художник Франц Рубо. Над панорамой штурма Ахульго он работал три года. На выставке в Париже художник получил за нее орден. Но вот что интересно: панорама таинственно исчезла из дагестанского музея. О ее судьбе мне ничего неизвестно. Вроде бы СМИ что-то сообщали о находке части этой панорамы…

Битве за крепость не было конца. Как писали очевидцы, гора содрогалась от взрывов. Только в августе Ахульго была взята. П. Граббе рапортовал: «Два батальона Апшеронского полка брали приступом нижние пещеры, в которых засели мюриды, и истребили всех тех, которые не решились немедленно сдаться… Потеря неприятеля огромна — 900 тел убитых на одной поверхности Ахульго, исключая тех, которые разбросаны по пещерам и оврагам, с лишком 700 пленных и имущество осажденных, множество оружия, один фальконет и два значка

остались в наших руках…»

Однако Шамиля взять в плен не удалось. Он вместе с женой и старшим сыном чудом остался жив и ушел в Чечню.

Окончание властвования Шамиля на Северном Кавказе связано с именем князя А. И. Барятинского.

В 1835 году князь в возрасте тридцати лет, командуя сотней казаков, участвовал в экспедиции генерал-лейтенанта Вельяминова в Дагестане, был тяжело ранен. Вернувшись для лечения в Петербург, был произведен в поручики, награжден золотой саблей за храбрость и назначен состоять при наследнике цесаревиче Александре Николаевиче.

В 1845 году вновь оказался на Кавказе, уже в чине полковника. Успешно командуя третьим батальоном Кабардинского пехотного полка, обратил на себя внимание наместника на Кавказе М. С. Воронцова. Снова был ранен. В 1847 году Барятинский назначен командиром Кабардинского пехотного полка. Через три года князя опять отозвали с Кавказа и в том же году вернули на юг, произведя в генерал-майоры.

Барятинский предпринял целый ряд экспедиций в «большую Чечню». Прокладывая новые дороги и просеки, разрушая непокорные аулы, он не забывал уделять внимание административному устройству «замиренных» чеченцев и организации нового управления.

Однако военная судьба распорядилась так, что князь должен был опять покинуть ненадолго Кавказ. Вернулся в 1856 году и стал командовать войсками.

В августе 1857 года был произведен в звание генерала от инфантерии и назначен наместником края. С 1859 года — генерал-фельдмаршал.

Получив одобрение Александра II, Барятинский начал осуществлять кардинальные реформы. Театр военных действий он разделил на пять военных отделов. Для местного управления учредил округа, подразделив их на приставства, участки или наибства. Кавказский корпус был переименован в Кавказскую армию. В распоряжении наместника оказалось более 200 тысяч солдат.

В 1856 году Барятинский сумел установить контроль над восточными районами Чечни. Тем временем Шамиль отступал с боями, используя любую возможность перехватить инициативу. Весной 1858 года назрановские ингуши подняли восстание против занятия их земель казачьими станицами. Разворачивались бои и в Дагестане. Но наступление на горы шло с нескольких сторон. Численное преимущество российских войск было столь

велико, что разбить их стало невозможно. Горцам едва удавалось сдерживать натиск. Оставляя свои укрепления, Шамиль уводил людей в горы, сжигал аулы.

В 1858 году имам покинул Ведено и отошел к аулу Эрсеной. Бои в Чечне еще продолжались, а Барятинский главные силы нацелил на Шамиля в Дагестане, где в Гунибе и произошла развязка.

Гора Гуниб возвышалась над окрестными хребтами, как папаха над буркой. На плоской вершине, посреди большой ложбины располагался сам аул Гуниб. Сюда Шамиль загодя послал своего сына Магомед-Шапи для постройки крепости. Вместе с жителями в Гунибе было 400 защитников с четырьмя пушками.

На что рассчитывал имам? Очевидно, Шамиль считал свою природную крепость совершенно неприступной, а может быть, надеялся просидеть здесь до зимы, пока войска наместника не вернутся на зимние квартиры или не произойдет еще что-нибудь. О чем он думал, когда 9 августа 1859 года Гуниб был полностью блокирован русскими войсками?

Четырнадцать батальонов окружили Гуниб, когда сюда прибыл сам князь Барятинский. Колоссальный перевес в силе, безусловно, не оставлял защитникам крепости никаких шансов… Любопытный факт: незадолго до прибытия наместника к Гунибу через симферопольскую телеграфную станцию Барятинскому доставили телеграмму из Петербурга — военный министр и министр иностранных дел А. М. Горчаков сообщали, что агент Шамиля явился в русское посольство в Стамбуле с предложением имама о мирных переговорах. Сам государь нашел это возможным и считал, что «примирение с Шамилем было бы самым блестящим завершением оказанных уже князем Барятинским великих услуг». Барятинскому предлагалось заключить мир с Шамилем, ибо мирное покорение Кавказа могло придать России особый вес в международной политике.

Барятинский был готов пойти на большие уступки, лишь бы поскорее закончить войну, но мир с Шамилем представлялся ему собственным поражением. Наместник мечтал о другом: одержать победу над Шамилем до 26 августа, чтобы преподнести драгоценный подарок ко дню коронации Александра II. Однако переговоры состоялись. Шамиль просил дать ему месяц на сборы в Мекку, а его сподвижникам-мюридам разрешить жить там, где они хотят. Барятинский требовал немедленной сдачи, ждать месяц он не мог. Ответ Шамиля был короткий: «Сабля наточена, и рука готова».

Штурм Гуниба был жестоким. Современники писали, что

Барятинский сам ужаснулся его последствиям, когда 26 августа поднялся на Гунибское плато. Убитые лежали повсюду, маленькая речка сделалась красной от крови.

Дальнейшая судьба Шамиля известна. С небольшой группой мюридов и семьей он сдался Барятинскому и с почетом был отправлен в «большую Россию». До 1868 года жил в Калуге, а затем направился в Мекку. Через три года, в феврале 1871-го, имам упал с коня, сильно расшибся и умер в Медине. Шамиля похоронили на кладбище аль-Бакия.

Но главное в этой истории — не пленение имама и финал его жизни, а невероятная трансформация политических взглядов Шамиля. Этому в немалой степени способствовало и то, что один из сыновей Шамиля попал в плен, однако русские воспитали его, дали образование и отпустили. Приехав к отцу, сын не уставал повторять, что Россия — великая, передовая страна, русские — благородные люди, с которыми надобно дружить, а не воевать. И дружба эта будет на пользу горцам.

Неизвестно, насколько повлиял сын на отца. Может, Шамиль просто устал от войны, понял ее бессмысленность, пожалел своих соплеменников, сотнями гибнущих в бесконечных боях… Одно ясно совершенно точно: плен, а затем путешествие по России, визит к царю в Петербург, пребывание в Калуге, по всей видимости, вызвали в Шамиле искреннее уважение и любовь к нашей огромной стране и ее народу. Он никогда больше ни одного «кривого слова» не сказал о России и самодержавии, о людях, населяющих империю. Больше того, Шамиль не уставал призывать горцев никогда не воевать с русскими, а жить с ними в дружбе.

Короче говоря, чуть позже сына отец все же усвоил его систему ценностей. И даже сожалел, что столько сил и времени потратил на войну. Из злейшего врага России он стал ее рьяным сторонником.

Когда я размышляю о судьбе Шамиля, невольно прихожу к выводу, что он — яркий образец религиозно-политического заблуждения, которое в конце концов сменилось прозрением. Жаль, что те, кто борется сейчас с Россией под лозунгами «раннего Шамиля», забывают о финале его жизни. Надеюсь, что рано или поздно они задумаются и изменят свою позицию.

Особый менталитет

С победой над Шамилем наступил новый, достаточно мирный этап во взаимоотношениях России с Кавказом. Не вмешиваясь в дела горцев (шариат, адаты, порядок землепользования), искусно применяя методы административного и силового давления в сочетании с проведением социально-экономических мероприятий, в целом улучшающих положение горцев, царское правительство сумело добиться хрупкого социального, национального и религиозного согласия в регионе. Исключением является разгром восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году.

Сильное сопротивление центральной власти было оказано позже, в период Гражданской войны. Вооруженное сопротивление горцев сначала войскам Добровольческой армии генерала Деникина, а затем частям Красной армии, антисоветские выступления чеченских и дагестанских повстанцев в 1920–1930 годы, обусловленные серьезными изъянами в национальной политике, массовыми репрессиями конца 1930-х годов, привели к тому, что в ряде горных районов Чечни советской власти, можно сказать, вообще не существовало. Фактически еще тогда начался рецидив Кавказской войны XIX века — уже для Советской России.

Здесь нужно сказать, что чеченцы всегда оставались носителями особого бунтарского духа. Причем это не зависело от того, под кем они были — под царем или большевиками. Именно чеченцы становились «застрельщиками» противостояния великой державы и горских народов Северного Кавказа. И, на мой взгляд, это связано с некоторыми особенностями психологии, духовной культуры вайнахов, их социальной организацией.

Во-первых, история вайнахского народа (чеченцев, ингушей) не знала ни антагонистических классов, ни деспотических форм правления. У чеченцев и ингушей не было феодально-княжеского института. Узденем (князем) считал и считает себя каждый чеченец и ингуш. Французский писатель Шантре в свое время писал, что чеченцы живут в отдельных обществах, управляемых через народное собрание, не зная классового различия.

Во-вторых, нужно отметить исключительную религиозность этого народа. К примеру, в значительно уступающих по территории и населению Дагестану Чечне и Ингушетии в 1917 году было 2675 мечетей, 140 духовных школ, 850 мулл, 38 шейхов и более 60 тысяч мюридов. Больше, чем у соседей.

В-третьих, издавна среди вайнахов поощрялись набеги с целью захвата пленных и скота, или так называемое абречество, которое всегда идеализировалось населением. В

действительности оно приносило немало бед и страданий народам, проживающим рядом с Чечней. Так, в начале XX века длительное время в крае бесчинствовал абрек-чеченец Зелимхан. Это он устроил набег на Кизляр, где, вырезав всю охрану, ограбил банк и фактически показал пример своим преемникам по бандитскому ремеслу Ш. Басаеву и С. Радуеву.

Есть и более свежий факт. В 1970-е годы в результате специальной операции правоохранительными органами, тогда еще Чечено-Ингушетии, в Советском районе (Шатой) был обезврежен восьмидесятилетний Хасуха. При задержании абрек был убит. Но погиб и сотрудник Госбезопасности подполковник Салько. Кстати, его похороны в Грозном едва не вылились в массовые беспорядки.

И, наконец, последнее. В чеченском обществе исключительно велики роль и значение тейповых отношений. Чеченское общество — это конгломерат тейпов, от взаимоотношений внутри которых зависит в целом мир в регионе.

Что же такое тейп? Это группа нескольких родов, живущих на общей территории и находящихся между собой, говоря научным языком, в отношениях социального равенства.

Тейпов насчитывается множество. На один из них — аллерой — опирается А. Масхадов.

В свое время представители тейпов мялхи, нох-чмакхой и зумсой были инициаторами отрешения Масхадова от власти. Дело в том, что между этими тейпами и тейпом аллерой существуют серьезные противоречия. Все ключевые посты в официальном руководстве так называемой республики Ичкерия занимали какое-то время члены тейпа аллерой и их союзники. Иногда эти должности переходили по наследству. Скажем, после убийства в 1998 году охранниками Радуева руководителя службы национальной безопасности Лечи Хултыгова этот пост автоматически занял его младший брат Ибрагим.

Затем наметились некоторые тенденции к уступкам Масхадова требованиям враждебных ему тейпов ввести в состав высшего руководства своих представителей. Первой такой уступкой стало назначение в октябре 1998 года на должность начальника главного штаба вооруженных сил малоизвестного Абубакара Мантаева, который является родственником Ш. Басаева. Алхазур Абуев из тейпа аллерой с поста начальника главного штаба был уволен.

Все эти составляющие предопределили особый менталитет вайнахов, традиционно претендующих на национальное, религиозное и военно-политическое лидерство на Северном Кавказе.

Но вернемся к истории.

После установления в 1920 году в регионе советской власти горцы, до того воевавшие вместе с большевиками против Деникина, выступили теперь против нового режима.

Мятежи имама Н. Гоцинского и внука Шамиля Саидбека, подавленные частями Красной армии, стали для Советской России первым серьезным предупреждением. На несколько лет в горах Чечни и Дагестана наступило затишье. Но ситуация резко изменилась в начале 1925 года. Нерешенность земельного вопроса, экономическая отсталость нагорной Чечни, усилившаяся религиозная пропаганда подготовили почву для вооруженных выступлений в Урус-Мартане, Ачхой-Мартане и в других местах.

«Инструкция РККА по разоружению населения Чеченской автономной области» от 4 августа 1925 года возлагала руководство этой операцией на военное командование всех степеней с широким привлечением руководящих работников и частей ОГПУ. Документ предусматривал следующую тактику действий. Намеченный к разоружению аул окружался войсками. Руководитель операции на сходе предъявлял требование о сдаче всего оружия в течение двух часов. При невыполнении этих условий в качестве предупреждения открывался десятиминутный артиллерийский огонь нацеленными снарядами на высокие разрывы и полупоражение, а затем после отбоя требование повторялось. После его выполнения предусматривался арест только бандитов. В случае отказа подчиниться этому требованию оперативная группа ОГПУ должна была провести поголовный обыск и задержание всех подозрительных лиц. Применение оружия на поражение допускалось при оказании вооруженного сопротивления. Инструкция была разработана начальником войск СКВО М. Алафузо и утверждена командующим войсками округа И. Уборевичем.

Операция началась 25 августа 1925 года и завершилась успешно. Арестовано было более 300 повстанцев, среди которых оказались все их лидеры. Изъято 25 299 винтовок, 4319 револьверов, 1 пулемет и около 80 тысяч патронов. Воздушной бомбардировке подверглись 16 аулов из общего числа — 242. Взорвано 119 домов. Потери населения составили 6 убитых и 30 раненых. Погибло 5 красноармейцев и чекистов, раненых было 9 человек.

Наиболее ожесточенно сопротивлялся Урус-Мартан, являвшийся в то время неофициальной столицей Чечни. Населению был предъявлен ультиматум — сдать 4 тысячи винтовок и 800 револьверов, которые, по оперативным данным,

имелись у жителей. Но фактически было сдано чуть более 1 тысячи винтовок и 400 револьверов.

Требованию выдать шейхов, возглавивших восстание, жители также не подчинились. Тогда был начат артобстрел. Всего было выпущено около 900 снарядов. Бомбежка производилась и с воздуха. В результате 12 домов оказались разрушенными. После этого оружие было сдано полностью.

Как видим, по сравнению с нынешними временами операция 1925 года была минимальной и по количеству жертв, и по срокам боевых действий. И все же… В сентябре 1929 года вспыхнуло новое антисоветское восстание, принявшее вскоре всеобщий характер в Чечне и Дагестане. Причем сначала повстанцы выдвигали только социально-политические требования, но после проведения войсками некоторых карательных действий восстание стало проходить под лозунгом газавата.

Первоначально командование СКВО сформировало отряд численностью в 2000 человек при 75 пулеметах, 11 орудиях и 7 самолетах. 10 октября 1929 года начались активные военные действия. Ожесточенные бои развернулись в окрестностях аулов Шали, Гойты, Беной.

Но руководители операции допустили ряд тактических просчетов, и это сказалось на эффективности действий войск. В результате большинство повстанцев ушло в горы, количество изъятого оружия оказалось небольшим. Более того, лидеры восставших, а это были духовные и национальные авторитеты, сумели даже усилить свое влияние на территории, не охваченные восстанием. Они попытались даже установить связь с жителями ряда казачьих станиц Терека, недовольных политикой советской власти, а также с населением соседней Грузии, Ингушетии и Дагестана. Эти процессы таили в себе для властей серьезную опасность.

В марте 1930 года была создана Оперативная группа войск для ликвидации повстанческого движения. В ее составе насчитывалось уже около 4 тысяч штыков и сабель при 8 орудиях, 10 пулеметах и одном авиазвене. Войска группы представляли собой сводные подразделения четырех пехотных дивизий, а также трех артдивизионов, двух полков горных стрелков, трех кавалерийских эскадронов войск ОГПУ, нескольких рот курсантов Владикавказского пехотного и Краснодарского кавалерийского училищ.

К середине апреля 1930 года восстание было подавлено. Однако, несмотря на итог операции, военно-политическое противостояние в регионе не смягчилось. Большое количество жителей восставших аулов ушло в горы и продолжало борьбу.

По результатам кампании высшее армейское руководство сделало определенные выводы. Архивные материалы тех лет содержат подробный анализ военных действий. В них говорится о необходимости создания специальных горных войск, повышения полевой выучки в ночных условиях.

Свои выводы из причин и уроков восстания сделали и руководители центральных органов власти. Некоторые крайности коллективизации были устранены, проведена массовая амнистия участников восстания, в регион завезли огромное количество промтоваров по низким ценам. Но главное — был обновлен состав руководителей на местах.

Однако уже через непродолжительное время из-за очередных непродуманных, а зачастую просто провокационных действий со стороны представителей власти социально-политическая обстановка вновь осложнилась, и в марте 1932 года в Чечне началось новое восстание. Центром восставших стал Беной. А возглавили их духовенство и местные лидеры постоянных вооруженных групп, действовавшие в горах. Повстанцы планировали захватить ряд нефтепромыслов, овладеть железнодорожной станцией Гудермес, соединиться с антисоветским подпольем смежных с Чечней районов Дагестана…

Попытки войск ОГПУ подавить конфликт собственными силами успеха не имели. Переломили ситуацию армейские части. За неделю боев потери восставших были по тем временам огромными — 333 убитых, 150 раненых. Красноармейцев погибло 27 человек, 30 получили ранения.

Опять же при упоминании этих цифр приходят на ум данные о потерях в последних двух чеченских кампаниях, в которых мне довелось принимать участие. Ужасно, что цифры отличаются на порядок. В худшую для нас сторону.

Подводя итоги боевых действий, командующий войсками СКВО Н. Д. Каширин в апреле 1932 года отмечал, что в отличие от проведения операции 1930 года армейские части действовали организованно и решительно. Им же было предложено ввести постоянные воинские гарнизоны РККА или ОГПУ в крепости Шахар (Карачаевск), Шатой, Гуниб и в аул Беной. Вскоре это было осуществлено.

После 1932 года открытых вооруженных выступлений стало гораздо меньше. Но недовольство деятельностью властей, ОГПУ, созданием колхозов население горных районов Чечни и Дагестана периодически выражало убийствами чекистов, милиционеров, активистов органов власти.

Ситуация стала меняться с раскручиванием маховика репрессий в 1937–1938 годах, которые не обошли и Чечено-

Ингушетию. (К этому времени прошло два года, как она была образована из Чеченской и Ингушской автономных областей.) Только за два дня, с 31 июля по 1 августа 1937 г., по спискам НКВД было арестовано 14 тысяч человек, что составило почти три процента населения республики. В числе жертв первой волны репрессий оказались в основном бывшие рядовые участники повстанческого движения, а также те, кто оказывал им помощь.

В этих условиях вооруженное противостояние в регионе вновь резко обострилось. Размах политического терроризма стал стремительно нарастать. Были убиты трое начальников отделов НКВД Чечни, пущен под откос военный железнодорожный состав на перегоне Грозный — Назрань…

В конце 1930-х годов в Чечне начался новый этап партизанской борьбы. К руководству повстанческим движением на смену шейхам и муллам, призывавшим к возрождению имамата, пришли люди, выступавшие с более широких в социально-политическом плане позиций. Например, Хасан Исраилов стал лидером восстания в Галанчожском районе в январе 1940 года. Несмотря на молодость (ему было всего тридцать лет) он был членом ВКП(б) с 1929 года. Тогда Исраилов работал в «Крестьянской газете», писал стихи, пьесы. Направленность его публицистических статей — борьба с коррупцией в органах власти, резкая критика чиновничьего произвола. Неоднократно арестовывался, впоследствии был исключен из партии, стал очень популярен в народе…

Через несколько месяцев восстания партизаны полностью овладели Галанчожским районом, частью Шатойского района, аулами Саясан и Чаберлой. На своем съезде повстанцы провозгласили Временное народно-революционное правительство Чечено-Ингушетии. Главное требование — достижение полной и реальной независимости. И только благодаря вводу нескольких воинских частей восстание было локализовано. Однако Исраилову и нескольким сотням его сторонников удалось уйти в горы.

К концу 1940 года ситуация в горных районах вновь стабилизировалась. Но стоило только проявиться признакам ослабления центральной власти с началом Великой Отечественной войны, как пламя сопротивления вспыхнуло вновь. В начале 1940-х годов в республике произошло заметное сокращение численности партийных организаций и резко возросла роль религии, повысился авторитет религиозных сект «Кунтахаджи», «Дени Арсанова», «Батал-хаджи».

С начала 1942 года стала намечаться тенденция ухода с партийной и советской работы местных кадров. В горах скрылось

80 ответственных работников. Среди них — 16 партийных, 8 функционеров райисполкомов, 14 председателей колхозов.

В то же время в республике разгорелся новый очаг сопротивления советской власти. В Шатое и Итум-Кале выступил со своими сторонниками М. Шарипов, брат известного чеченского большевика А. Шарипова, погибшего в Гражданскую войну. Вскоре отряды Шарипова и Исраилова объединились. Повстанцы выпустили воззвание к народу, в котором говорилось, что кавказцы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство только при признании их независимости. В свою очередь в ряде приказов войскам вермахта, воевавшим на Кавказе, указывалось на необходимость здесь радикально иного поведения немецкого солдата по сравнению с тем, что имело место на Украине и в других оккупированных фашистскими войсками районах СССР.

Весной 1942 года советская авиация дважды подвергала воздушным бомбардировкам некоторые районы горной Чечни. Особенно пострадали населенные пункты, бывшие очагами восстания.

Иным стало отношение к кавказским народам, особенно к чеченцам и ингушам, в частях действующей армии. В Красную армию они призывались в части со смешанным национальным составом, где чувствовали себя неуверенно. Их обучение и воспитание строилось, как правило, без учета национально-религиозных особенностей, традиций бытового уклада.

Следует сказать, что в русской армии начала XX века были национальные вооруженные формирования народов Кавказа. Так, в Туземной дивизии в годы Первой мировой войны своей удалью выделялись Чеченский и Ингушский полки, кстати, не давшие ни одного дезертира. Примечательно, что для чеченцев и ингушей в дореволюционной России не существовало обязательной воинской повинности, но многие шли на службу добровольно. В своей дооктябрьской истории русская армия знала девять генералов из числа чеченцев и ингушей.

Операция «Чечевица»

С началом Великой Отечественной войны началось массовое дезертирство чеченцев и ингушей из армии. Только за период с июля 1941 по апрель 1942 года из числа призванных в РККА и трудовые батальоны дезертировало и уклонилось от воинской службы 1500 человек.

При таком положении дел Государственный комитет обороны (ГКО) принял решение вообще не призывать их в армию, а находящихся в ее рядах — освободить от службы. Но в первые месяцы войны ГКО разрешил формирование нескольких десятков национальных кавалерийских дивизий и стрелковых бригад. Так в Чечено-Ингушской АССР была сформирована 114-я и в Кабардино-Балкарии — 115-я кавалерийские дивизии.

Весной 1942-го части этих соединений прибыли на фронт и приняли участие в боях под Сталинградом. Кавказские части понесли большие потери, после чего их вывели во второй эшелон. А вскоре в Чечено-Ингушетии начала формироваться еще одна дивизия, на этот раз стрелковая. Но она так и не вышла на фронт, ее буквально захлестнуло дезертирство.

Сложной обстановкой в республике не могли не воспользоваться немецкие спецслужбы. На Кавказ они забрасывали террористические группы из числа бывших военнопленных и дезертиров, сотрудников абвера. Только летом 1942 года было заброшено четыре такие группы. Они входили в тесный контакт с местными антисоветскими формированиями, совершая террористические и диверсионные акты. Для борьбы с десантами противника и поддержания порядка в прифронтовой полосе Северо-Кавказского региона ГКО образовал 12 истребительных батальонов.

С приближением фронта к Северному Кавказу обстановка в Чечено-Ингушетии еще больше обострилась. Уже к концу 1941 года в республике действовало около 20 террористических групп. На их счету было несколько убийств, носивших явно демонстративный характер: республиканского прокурора Газиева, народного судьи Албогачиева, начальника милиции Хуптаева… Поданным НКВД, с сентября 1942 по февраль 1944 года на территории республики было ликвидировано 87 террористических групп, арестовано около 300 повстанцев.

Всего в результате проведения войсковых операций в Чечено-Ингушетии с июня 1941 по январь 1945 года было ликвидировано 232 террористические группы, 1815 террористов-одиночек. Арестовано 1714 их пособников. Изъято 18 046 автоматов и

11 366 винтовок.

Руководство страны искало выход из создавшегося положения. Как свидетельствуют документы, во многом на принятие решения о депортации чеченцев и ингушей повлияла в значительной степени искаженная оперативная информация по линии НКВД о десятках тысяч бандитов в республике, о многочисленных немецких десантах в горах, действующих вместе с ними. Сказалось также особое отношение Сталина и его соратников к вайнахам как носителям идей открытого сопротивления методам сталинской национальной политики, стремление произвести акт возмездия и преподнести урок другим народам.

Уже в ноябре 1943 года план переселения чеченцев и ингушей обсуждался на совещании начальников УНКВД ряда краев и областей Сибири, куда предполагалось выселить эти народы. Местами переселения также были определены Казахстан и Киргизия. В середине декабря 1943 года этот план был окончательно утвержден.

Будущая операция должна была быть проведена скрытно. В январе 1944 года Совнарком Чечено-Ингушской АССР и обком партии приняли совместное решение «Об обеспечении подготовки тактических учений войсковых частей СКВО в горных условиях». А к концу января в республике уже находилось около 100 тысяч военнослужащих частей НКВД и почти 19 тысяч работников НКГБ и СМЕРШа. Такой концентрации войск Чечено-Ингушетия раньше не знала.

20 февраля 1944 года в специальном вагоне в Грозный прибыли нарком внутренних дел СССР Л. Берия и его заместители генералы Б. Кобулов, И. Серов, С. Мамулов.

* * *

Поражает точность и тщательность всего того, что делалось при подготовке к переселению. Взять хотя бы дороги в республике. Они изучались до деталей. Отметки подъемов и спусков чуть ли не на каждом километре, выбоины и колеи, обрывы и ущелья, места возможных оползней, состояние переправ, бродов. Но еще тщательнее отрабатывались вопросы железнодорожных перевозок. Ответственным уполномоченным по организации транспорта Берия назначил начальника 3-го управления НКГБ СССР комиссара Госбезопасности третьего ранга С. Мильштейна. Генерал-майору Бочкову, начальнику управления конвойных войск НКВД СССР, вменялось в

обязанность организовать «охрану спецконтингентов на станциях погрузки и конвоирование до мест расселения».

В плане мероприятий по обеспечению специальных железнодорожных перевозок значилось: «Всего для обеспечения перевозок спецконтингентов сформировать и отправить 152 маршрута, общим количеством 14 200 крытых вагонов и 1 тысяча платформ. Эшелоны формировать по 65 вагонов по схеме: в голове поезда ставить два вагона прикрытия (или один пульмановский), 33-й вагон отвести для конвоя, 34-й под медизолятор…»

Вся операция получила странное название «Чечевица». Сейчас вряд ли можно сказать, кто и когда придумал такое нелепое название. Очевидно, сыграло роль созвучие первых букв депортируемого народа, но так или иначе «Чечевица» была подготовлена и проведена на самом высоком организационном уровне. Как ни странно это звучит. А в феврале был уже подведен окончательный итог — 97 635 семей, или 459 486 чеченцев и ингушей, должны покинуть республику. (Эти расчеты были сделаны по итогам предшествующей переписи населения.) Начало операции назначено на 22–23 февраля.

Удивительно, но выселение всех «виновных» народов проходило под праздники или сразу после красных дней календаря. Так, карачаевцев выслали под 7 ноября, калмыков — под Новый год, чеченцев и ингушей — в годовщину Красной армии. И только выселение крымских татар проходило спустя почти три недели после первомайских торжеств.

В ночь на 23 февраля 1944 года были оцеплены все населенные пункты республики, организованы засады в ущельях и на тропах. Каждой опергруппе, состоящей из одного оперативника и двух бойцов войск НКВД, было предписано произвести выселение четырех семей. В специальной инструкции предписывалось, что по прибытии в дом выселяемых нужно произвести обыск, изъять огнестрельное и холодное оружие, валюту, антисоветскую литературу. Главе семьи предложить выдать властям участников созданных немцами отрядов и лиц, помогавших фашистам. Здесь же объявить причину выселения: «В период немецко-фашистского наступления на Северный Кавказ чеченцы и ингуши в тылу Красной армии проявили себя антисоветски, создавали бандитские группы, убивали бойцов Красной армии и честных советских граждан, укрывали немецких парашютистов». Затем надлежало погрузить на транспортные средства имущество и людей, в первую очередь женщин с грудными детьми, и под охраной отправить к месту сбора. С

собой разрешалось брать продовольствие, мелкий бытовой и сельскохозяйственный инвентарь… Но не более полутонны на семью. В случае сопротивления или попыток к бегству применять решительные меры, вплоть до расстрела. Примечательно, ни в Чечено-Ингушетии, ни чуть ранее в Карачаеве и позже в Балкарии войска НКВД так и не встретили ни разу организованного отпора.

Пущенные в черное небо осветительные ракеты стали сигналом к началу операции. Каждые шесть часов руководители оперативных секторов докладывали ее результаты Л. П. Берия.

Самой большой неожиданностью стал мощный снегопад, начавшийся во второй половине дня во всех районах республики. Но погода не помешала. К 11 часам утра, как следует из телеграммы Сталину № 6051, «…вывезено из населенных пунктов 94 тысячи 741 человек, то есть свыше 20 процентов подлежащих выселению. Погружено в железнодорожные эшелоны из этого числа 20 тысяч 23 человека». А уже к исходу первого дня операции появилась первая суммарная сводка о ходе погрузки и отправлении эшелонов: 39 готовы к отправке, 32 — находятся под погрузкой, 18 — находятся в пути. 107 431 человек, в том числе 43 529 детей, потеряли в этот день свой дом, сменив его на теплушку. В среднем на каждый поезд приходилось по 2,5 тысячи человек.

В отчетных документах на имя Берии эшелоны обозначались индексом «СК» (спецконтингент) и трехзначной цифрой:

«Из эшелона СК-349 на ст. Куйбышев снят труп ребенка восьми месяцев. Умер от истощения. Из эшелона СК-368 снято четыре трупа».

Гибли в основном старики и дети из-за истощения, инфекционных заболеваний, воспаления легких. Не упоминались ни имена, ни фамилии умерших. Впрочем, иногда фамилии попадались. Это в тех сводках, где докладывалось о попытках к бегству или о сопротивлении конвою.

По некоторым данным, спецпереселение только чеченцев и ингушей обошлось стране в 150 миллионов рублей. На эти деньги можно было бы построить около 700 танков. Но кто считал затраты? А тем более людские потери. Пути следования железнодорожных составов в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию до сих пор отмечены могилами людей, не перенесших тяжелой дороги. Без малого полмиллиона чеченцев и ингушей были буквально оторваны от родной земли и смогли вернуться на родину лишь в 1957 году.

После депортации в самой Чечено-Ингушетии вытравливалась память о веками живших здесь народах, уничтожались любые следы их пребывания. Вывозились

материальные ценности из опустевших домов. Были сожжены уникальные древние рукописи. Разбивались кладбищенские плиты, надгробья шли на строительство мостов и дорог. Взрывались мечети и средневековые башни, другие древние сооружения. Переименовывались названия селений, улиц, площадей, колхозов. Из библиотек и музеев изымались книги и документальные материалы о «врагах народа». Задним числом менялась даже национальность погибших во время войны чеченцев — Героев Советского Союза. А. Байбулатов был записан кумыком, Х. Магомед-Мирзоев — таджиком, Х. Нурадилов — татарином.

Между тем после выселения с Северного Кавказа чеченцев, ингушей, карачаевцев и балкарцев к оставшимся в горных районах антисоветским группам присоединились легализованные до депортации жители и те, кто сумел избежать ее. Лишенные основных баз, но располагая оружием, они активизировали свои действия. К этому их побуждало естественное желание мести.

Проблему умиротворения в регионе депортация народов не решила. Наоборот, еще туже завязался узел противоречий на национальном, социально-политическом и религиозном уровне. Карательные меры, впрочем, как и вся политика России, а позже и СССР в период 1920–1940 годов на Кавказе, были зачастую необоснованны. Этот вывод, на мой взгляд, логично вытекает из самой истории социально-политической борьбы, военного противостояния в регионе начиная с XIX века. Лидеры советской власти под видом создания федерации фактически продолжали имперскую политику самодержавия по насаждению жесткого централизованного государства, при этом пренебрегая национальными и религиозными особенностями того или иного народа.

Советский Союз с самого рождения стал унитарным государством, в котором многие вопросы национальной политики решались с позиции силы. Все это воспринималось нерусской частью населения через призму обид и недовольства. Некоторые мероприятия, планирующиеся центром, на местах осуществлялись русскоязычными начальниками без учета местной специфики, что только подрывало престиж власти, перечеркивало лучшие достижения в области межнациональных отношений (ликвидация неграмотности, формирование национальных кадров, искоренение нищеты, модернизация всех сфер жизни).

Народы Северного Кавказа, сохранившие патриархально-родовой строй, оказались в свое время присоединенными к России насильственным путем. Затем последовала ломка вековых

устоев, традиций, экономического уклада жизни этих народов в целях установления имперской стабильности, а позже — строительства социализма. И эта ломка, к сожалению, представлялась руководству государства единственно верным средством в решении национальных конфликтов.

Однако такая негибкая политика центра зачастую провоцировала на местах сопротивление вплоть до вооруженной борьбы. Причем своего пика эта борьба достигала в тот момент, когда центральная власть испытывала серьезные проблемы в руководстве регионами. Так было в период революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. Это, к несчастью, произошло и в годы распада СССР.

Так случилось, что в кризисные 1990-е годы я оказался не только свидетелем, но и активным участником «политической разборки метрополии со своей национальной окраиной». Я многое отдал бы в своей жизни, лишь бы мои современники не знали никогда, что такое вооруженная смута в стране.

Глава 2
Новейшая история: Смута

Волчий оскал

Во второй половине 1980-х годов в Чечне вовсю начал раскручиваться маховик националистического беспредела. Его пик пришелся на начало 1990-х годов, когда к власти пришел Джохар Дудаев. И вовсе не случайно площадь имени Ленина, аэропорт в Грозном были названы в честь шейха Мансура. По любому поводу это имя стало выдвигаться как символ сопротивления всему русскому, всему российскому.

Отдавая должное исторической личности шейха Мансура, следует отметить, что для своего времени он был довольно широко образован, пользовался большим авторитетом среди местного населения, обладал немалыми организаторскими способностями. Народ пошел за ним. Уже в 70-х годах XVIII столетия он вступил в войну с царскими войсками и несколько сражений даже выиграл.

Кстати, об идее «добровольного вхождения». В истории чеченского народа происходили и героические, и трагические события. Известно, что объединителем различных племен и народов в единое централизованное Российское государство волею истории стало Московское княжество, ставшее затем царством, а затем и могучей империей. Однако в советское время с благословения ЦК КПСС в пропагандистский оборот была запущена идея «добровольного вхождения» в состав России народов, населявших к этому времени ее территорию. Но даже по школьным учебникам очевидно, с какой «добровольностью» входило в состав России, скажем, Казанское или Сибирское ханство. Менее известно, пожалуй, насколько «добровольно» входила в состав России Чечня. Менее известно об этом потому, что здесь завоевательной политике русского царизма было оказано, пожалуй, самое ожесточенное и длительное сопротивление.

Но вернемся к шейху Мансуру. Существует предание о том, что в одном из сражений с царскими войсками в районе селения Алды он пленил, а затем, учитывая молодость лет, отпустил юного корнета, ставшего впоследствии блистательным генералом, героем Бородина, князя П. И. Багратиона.

Однако долго противостоять более многочисленной, более организованной, лучше вооруженной русской армии шейх Мансур не мог. Он ушел в районы западного Кавказа. Там, после захвата русскими войсками в осажденной ими крепости Туапсе, он был пленен и закончил жизнь в казематах Шлиссельбургской крепости. Существует предание о том, что сама Екатерина

Великая захотела лицезреть этого знаменитого горца.

Некоторые историки пытались представить его как революционера. С этим вряд ли можно согласиться. Но народным героем он был несомненно. Все дело лишь в том, что те, кто поднимал и продолжает поднимать на щит его имя, оказались неспособными понять, что он действовал в совершенно иной политической обстановке, в иное время, что его имя принадлежит истории. Кстати, именно тогда, когда поднялась мутная пропагандистская волна за выход Чечни из состава России, раздавались голоса и здравомыслящих людей. Так, в газете «Голос Чечни» была опубликована статья рядового учителя сельской школы. В ней он, обращаясь к поборникам независимости, писал: «Не забывайте, что под вами земля, над вами небо, а вокруг Россия»…

В конце 1980-х — начале 1990-х годов я проходил службу в советских Вооруженных силах, находившихся в ГДР. За событиями, происходившими на моей родине, следил в основном по газетам и телевизионным программам. Но когда в 1994 году оказался на Кавказе, мне не раз доводилось встречаться с людьми, которые находились в эпицентре событий начала 1990-х. Они рассказали мне многие факты, о которых порой умалчивали центральные средства массовой информации. И хотя о Чечне периода 1991–1995 годов говорилось много, мне все же хочется поделиться с читателями мнением людей, которых давно хорошо знаю и которым доверяю.

Среди них — Федор Павлович Боков, доктор исторических наук, преподаватель Грозненского университета, живший в Грозном с 1952 по 1994 год. Вот что он мне поведал в одном из наших разговоров.

«Весной 1992 года на Северный Кавказ прибыл Президент России Б. Ельцин в сопровождении своей прочной опоры — демократов первого поколения — Старовойтовой, Бурбулиса и других приближенных к нему господ. Мне довелось его послушать на митингах, сначала во Владикавказе, а затем в Назрани. Общие фразы, рассчитанные на дешевый эффект. И не более того. Зато в Грозном, выступая перед чеченской и ингушской интеллигенцией, он, ко всему прочему, озадачил аудиторию следующим пассажем: «Здесь я должен заявить, понимаешь, что мы всячески будем поддерживать казачество, которое всегда было надежной опорой России в ее борьбе, понимаешь, со всякими там инородцами». Ему невдомек было, что выступает он перед потомками тех, кого в царской России

презрительно называли инородцами. Ему невдомек было, какую реакцию в душах этих потомков вызовет этот его ляп. Но этот просчет — мелочь по сравнению с безоглядной, безответственной, ничем не оправданной поддержкой руководством России того периода (1991–1993 годы) абсолютно бездарного политика (если его вообще можно назвать таковым) генерала Д. Дудаева, что в конечном итоге привело к роспуску Верховного Совета республики и превращению бывшего советского комдива в неподконтрольного никому узурпатора. Какой из Д. Дудаева политик, говорят сами за себя некоторые факты.

Летом 1993 года, когда уже четко обозначилась линия на выход Чечни из состава России, когда уже вовсю звучали автоматные очереди, но еще продолжались различного рода съезды, конференции, митинги и т. д., в Грозном в здании республиканского драматического театра состоялось собрание чеченской интеллигенции. Мне довелось на нем присутствовать. Шло оно, за редким исключением, на русском языке. Вел его доктор исторических наук, профессор, к тому времени уже весьма поднаторевший в умении служить одновременно нескольким господам, получая при этом определенные политические дивиденды, Ж. Гакаев. Центральной же фигурой и президиума, и собрания вообще, как мне представляется, был доктор химических наук, профессор, директор научно-исследовательского института нефти и химии Саламбек Хаджиев. Когда ему было предоставлено слово, он вышел на трибуну и рассказал интересную историю.

Он, по его словам, был приглашен Джохаром Дудаевым к нему домой. Встреча проходила в теплой семейной обстановке, как говорится, за чашкой чая. После некоторого общего обмена мнениями Дудаев предложил Хаджиеву возглавить правительство Чечни. Прежде чем что-то ответить, Хаджиев попросил Дудаева обозначить свое видение перспектив развития республики, концепцию руководства социально-экономической, политической, общественной жизнью Чечни. И никакой концепции в его общих, путаных, сбивчивых фразах не обнаружил. А поэтому от предложения отказался.

Весной 1994 года, — продолжал Ф. П. Боков, — когда в Грозном уже шли ожесточенные стычки между различными криминальными группировками, начался значительный отток студентов из университета. Академические группы быстро таяли, в связи с чем неизбежным стало сокращение преподавателей. Мне, как самому старшему на кафедре, уже пенсионеру, дальнейшая моя перспектива стала совершенно ясной и определенной. Уход был, в общем-то, безболезненным, однако

несколько омраченным некорректностью руководства.

Однажды зазвонил телефон и состоялся такой вот разговор:

— Федор Павлович, вас беспокоит Юсуп (так условно назовем его).

— Узнаю. Рад слышать.

— Федор Павлович, это правда, что вас сократили?

— Да, это правда. А что поделаешь. Так сложились обстоятельства.

— При чем тут обстоятельства? Почему вы молчите? Можно я к вам сейчас подъеду?

— О чем речь! Буду рад встрече.

Буквально через десять-пятнадцать минут он подъехал. За это время мы с женой, как и положено на Кавказе, накрыли скромный пенсионерский стол. Войдя в квартиру и бросив взгляд на этот стол, гость правой рукой хлопнул себя по бедру, а левой указал на бутылки и закуски и эмоционально высказался: «Ради бога, извините! Это должен был сделать я. Но, надеюсь, мы встречаемся не в последний раз»…

В общем-то, дело не в этом, а в том, что он пришел не один, а с компанией. С ним были еще двое. Один из них — явно не интеллектуал и ни единого слова так и не произнес. Другой — плотный, крепкого телосложения, со вкусом одетый, чисто выбритый, сразу же произвел хорошее впечатление.

Разговор повел Юсуп. Его суть сводилась к следующему: не думайте, дескать, что вы останетесь забытыми и никому не нужными. В ближайшие дни мы доложим о вас Джохару, организуем встречу с ним, специально под вас введем должность инспектора высших учебных заведений, и вы будете инспектировать тех мерзавцев, которые вас сократили.

Трезво оценив его эмоциональный манифест, я ответил: «Юсуп! Дело не во мне. Вряд ли стоит отнимать у Джохара Мусаевича столь дорогое для него время на встречу со мной. Все, что я могу сказать ему, лучше скажу сейчас вам, а вы при случае передайте. Постарайтесь понять, что Россия ни при каких обстоятельствах не выпустит вас из своих крепких объятий. Хотя бы потому, что ни с экономической, ни с политической, ни с какой другой точки зрения это просто было бы неразумно. Если это, паче чаяния, произойдет, то неминуемо принесет вред России, а Чечне — тем более. Максимально, чего вы можете добиться, то это того, чего добился Татарстан. Там, как я понимаю, сформировалась группа молодых ученых-экономистов, историков, политологов, которая стала опорой М. Шаймиева. Так вот, пусть Джохар Мусаевич сформирует такую группу и пошлет ее в Татарстан, за опытом».

И тут гость, произведший на меня довольно приятное впечатление, изрек: «Если Джохар хотя бы только подумает об этом, его завтра же не будет».

Через некоторое время Дудаев действительно позвонил мне и пообещал при первой же возможности встретиться. В целом его разговор представлял набор общих фраз и обтекаемых формулировок.

Мне довелось быть и очевидцем штурма бывшего Дома политического просвещения в тот момент, когда там проходила сессия Верховного Совета республики. Мимо меня, оказавшегося в 15–20 шагах от этого Дома, пронеслась толпа молодежи и средних лет мужчин. Причем внешне они выглядели явно не городскими жителями и вооружены были в буквальном смысле кольями (очевидно, заранее приготовленными). Осталось впечатление, что эту публику привезли из какого-то района вместе с кольями. Цепь милиционеров была смята. Часть толпы ворвалась в здание и учинила погром, остальные по пожарной лестнице взобрались на крышу, как бы показывая этим, кто «наверху» (то есть власть переменилась). На фоне этого и других подобных событий невольно подумалось: а кто же берет власть?

Вскоре после разгрома Дома политпросвета прошел слух: вечером в нефтяном институте состоится встреча Дудаева с преподавателями и студентами института. В назначенное время я был там. И что же увидел? Для встречи была отведена аудитория, хотя и довольно большая по площади, но находившаяся далеко не в лучшем состоянии. Ее даже не убрали после окончания занятий. Кстати, никого из преподавателей там не оказалось. А студенты если и были, то ничем не отличались от той толпы, которая громила Дом политпросвета. Сложилось впечатление, что участниками этой встречи были те же самые лица.

Можно приводить много примеров для характеристики Дудаева как политика, но без следующего факта эта характеристика будет не полной. Выступая как-то по местному телевидению, уже укрепившись во власти, сопровождаемый не толпой, вооруженной кольями, а надежной, вооруженной до зубов охраной, он заявил: «Ко мне поступает много жалоб от учителей, медицинских работников, пенсионеров на невыплату им заработной платы и пенсии, а посему они находятся якобы на грани голода. Должен заявить, что подобные жалобы совершенно беспочвенны. В лесах Чечни столько даров природы, что говорить о голоде могут только демагоги и лентяи. Нужно только умело пользоваться этими дарами. А тех, кому у нас не нравится, мы не удерживаем».

Хотел Дудаев того или нет, но он сам выдал здесь

квинтэссенцию своей социально-экономической программы. Но дело в конечном счете не в нем. Дело в том, что он поддерживался высшим руководством России. Широко известен факт, когда весь личный состав учебной дивизии, расквартированной на территории республики, был выведен за ее пределы, а техника, вооружение, боеприпасы, продовольственные и вещевые запасы почти полностью оказались в распоряжении Дудаева.

В подтверждение того, что это был вовсе не случайный «просчет», еще один факт.

Бывший работник КГБ, хорошо знакомый мне, с нескрываемой душевной болью делился: «В нашем здании, — говорил он, — сколько этажей над землей (здание четырехэтажное), столько же и под землей. Там было автономное электро- и водоснабжение. Там было столько вооружения, боеприпасов, продовольствия, что мы три года могли держаться. Но из Москвы дали приказ оставить все это на месте. И «добро» перешло в распоряжение Шамиля Басаева.

Еще один «просчет» федерального руководства: начало разгрома высшего законодательного органа — Верховного Совета республики. Он был избран народом на основе существовавших тогда законов, а разогнан — толпой фанатиков и хулиганов, вооруженных кольями. Ну и чем все это закончилось?..

Где-то в середине 1992-го, за год до расстрела Белого дома в Москве, председатель Верховного Совета России («лицо кавказской национальности») Р. Хасбулатов побывал в Грозном. В это время проходила очередная сессия Верховного Совета республики. Явившись на заседание сессии, он, уподобившись легендарному матросу А. Железняку, разогнавшему в январе 1918 года Учредительное собрание, потребовал от Верховного Совета республики принятия решения о самороспуске и в конечном итоге добился этого. А председателю Верховного Совета республики Доку Завгаеву пригрозил, что если он будет здесь проявлять какую-либо самостоятельность, то он (то есть Хасбулатов) доставит его (то есть Завгаева) в Москву в клетке. Так «демократом» Хасбулатовым без танков, без стрельбы был практически «расстрелян» высший законодательный орган республики и установлена диктатура генерала Дудаева. А в октябре 1993-го, но уже в Москве, все это, только в более ярком проявлении, бумерангом возвратилось Хасбулатову. Воистину, посеявший ветер — пожнет бурю.

Ненароком коснувшись фамилии Завгаева, невольно задумываюсь над вопросом: а что могло бы произойти, если бы федеральное руководство в начале 1990-х поддержало не

Дудаева, а Завгаева? Есть немало оснований полагать, что Чеченская Республика осталась бы Чеченской Республикой, а не стала бы Ичкерией, и избежала бы той трагедии, в пучину которой ее ввергли определенные силы в Грозном и Москве.

Известно, что во всех сегодняшних республиках Северного Кавказа после ГКЧП остались почти те же руководители, что были и до ГКЧП. Они смогли уберечь свои регионы от тех катаклизмов, которые обрушились на Чечню. А смог бы добиться этого Завгаев? Абсолютно убежден в том, что при соответствующей поддержке Москвы, даже при условии ее невмешательства, он смог бы добиться этого.

Дело в том, что на всем протяжении существования советской власти в соседних республиках их первыми лицами были представители местных национальностей. И только в Чечне первым лицом был обязательно русский, а уже вторым — чеченец. Доку Завгаев был первым чеченцем, ставшим первым лицом в своей республике! Но это, скажем так, между прочим. Главное же состоит в том, что это был крепкий хозяйственник, достаточно дальновидный, хладнокровный и принципиальный политик. Пользовался вполне заслуженным авторитетом и уважением у населения республики. К тому же вокруг него уже формировалась группа разносторонне образованных молодых политиков, вооруженная не кольями, а глубокими знаниями в различных областях.

Два факта. По инициативе и по протекции некоторых моих коллег, — рассказывает далее Ф. Боков, — Завгаев принял меня. Внимательно выслушал и при мне же дал распоряжение не препятствовать открытой критике пресловутой «концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России». Хотя незадолго до этого секретарь обкома партии по пропаганде (между прочим, «лицо кавказской национальности») убеждал в своем кабинете группу оппонентов этой «концепции» в том, что она уже принята обществом, вошла в сознание народа, что всякая критика ее лишь раскалывает общественное мнение, дестабилизирует обстановку в республике и т. д., и т. п. «Кому это нужно?» — вопрошал он.

Могу также свидетельствовать, что Завгаев не в своем кабинете, а в открытой аудитории встречался с представителями обозначившейся тогда оппозиции в лице З. Яндарбиева, М. Удугова и других. Открыто с ними полемизировал. Свидетельствую об этом потому, что присутствовал на этих встречах, при этой полемике, на основании чего могу сделать вывод: он не приветствовал отделение Ингушетии от Чечни, был достаточно трезвым политиком, чтобы не видеть абсурдность и

пагубность набиравшей обороты тенденции выхода Чечни из состава России. Говорил об этом открыто и делал все, что можно было в тех условиях, чтобы не допустить развития событий в гибельном направлении»…

Федор Павлович со своей семьей вынужден был покинуть Грозный, как вынуждены были сделать это десятки тысяч русских, коренных жителей республики. А новоявленный президент Ичкерии Дудаев, выступая на митингах, не уставал повторять: «Противостояние аппетитам хищного российского правительства не должно распространяться на беззащитных российских граждан. Раз они живут вместе с нами — они стали полноправными гражданами нашей республики. А мы в обиду своих людей не дадим!» Поразительный цинизм.

О том, как русские, армяне, евреи, представители других национальностей, проживающие в Чечне, почувствовали себя «полноправными жителями республики» (и, что немаловажно, сами чеченцы), — разговор еще впереди. Хотелось бы остановиться наличности Джохара Дудаева.

Мятежный генерал Джохар Дудаев

Штрихи к портрету

Родился Джохар Дудаев в 1943 году в селении Ялхорой Галанчожского района Чечено-Ингушетии. В большой семье он был тринадцатым ребенком. От первой, старшей жены Даны у его отца Мусы было четверо сыновей — Бексолт, Бекмурза, Мурзабек и Рустам — и две дочери — Албика и Нурбика. От второй, Рабиат, родилось четверо сыновей — Махарби, Басхан, Халмурз, Джохар — и три дочери — Базу, Басира и Хазу. Говорят, что точную дату рождения Джохара никто не знает. Документы во время высылки чеченцев в Казахстан были утеряны. В личном деле указана дата — 15 мая 1944 года.

После окончания в 1960 году грозненской средней школы Дудаев подал документы на физмат Североосетинского госуниверситета, где проучился до второго курса. Затем забрал документы и тайком от родителей уехал в Тамбов, где поступил в военное летное училище имени Марины Расковой.

В 1966 году, по окончании училища, получил диплом с отличием. Начал военную службу в Московском военном округе. Затем 15 лет проходил службу на различных должностях в Сибири. В 1974 году окончил командный факультет Военно-

воздушной академии имени Ю. А. Гагарина. В 1969 году женился на Алевтине Куликовой. Трое детей. Два сына — Овлур и Деги, дочь — Дана.

Член КПСС с 1968 года. Из партийной характеристики: «Принимал активное участие в партийно-политической работе. Выступления всегда носили деловой, принципиальный характер. Зарекомендовал себя политически зрелым и добросовестным коммунистом. Морально устойчив. Идеологически выдержан…».

В 1985 году назначается начальником штаба авиационной дивизии в Полтаве. Последняя должность — командир дивизии тяжелых бомбардировщиков в эстонском городе Тарту.

Осенью 1989 года Дудаеву присваивается звание генерал-майора. За плечами двадцать девять лет службы в армии. Ордена Красной Звезды и Красного Знамени, более двадцати медалей. Блестящая карьера военного летчика… Но Дудаев решает круто изменить свою жизнь. Его захлестывает водоворот политических событий. Разваливается Советский Союз, экстремисты и националисты всех мастей при молчаливом согласии федерального центра запускают идеи о независимости и суверенитете. А затем, опять же пользуясь нерешительностью Москвы, переходят в открытое наступление. Чечня не становится исключением.

Призыв Председателя Верховного Совета РСФСР Б. Ельцина в 1990 году к автономиям: «Брать суверенитета столько, сколько смогут» в Чечне в буквальном смысле восприняли как руководство к действию. Лидеры Вайнахской демократической партии Яндарбиев, Умхаев и Сосламбеков уговаривают Дудаева возглавить Исполнительный комитет Общенационального конгресса чеченского народа (ИК ОКЧН). Им нужен был лидер — смелый, решительный, напористый. На эту роль весьма подходил Дудаев.

«Пламенного борца за демократию», как окрестили тогда Дудаева некоторые органы российской прессы, уже к концу 1990 года знала вся Чечня. Он часто выступал на митингах и съездах. Вот, к примеру, выдержка из одной из многочисленных грозненских газетных статей о Дудаеве: «Его блестящая речь, решительность и напор, прямота и резкость высказываний — внутренний огонь, не ощутить который было невозможно, — все это создавало притягательный образ человека, способного справиться с хаосом смутного времени. Это был сгусток энергии, копившийся именно для такого часа, пружина, до поры до времени сжатая, но готовая в нужный момент распрямиться, высвобождая накопленную кинетическую энергию для выполнения благородной задачи».

Какую «благородную задачу» решал Дудаев и его сторонники, вскоре узнает не только Чечня, но и вся Россия, а по большому счету и весь мир.

До сих пор некоторые политологи наивно полагают, что Дудаев был чуть ли не единственной фигурой, сумевшей возглавить «демократию» в Чечне и повести борьбу, вначале против партократии, а затем и против всей России. На самом же деле Дудаев, видимо, и сам не понимал того, что стал жертвой сложившихся обстоятельств и оказался просто пешкой в политических игрищах того времени. Неоднократно доводилось слышать и мнение весьма солидных политиков, которые рассуждали примерно так: «Зная Джохара, следовало бы присвоить ему звание генерал-лейтенанта, и тогда, мол, все было бы нормально, и Дудаев стал бы вполне управляем». Увы. Не было бы Дудаева, пришел бы другой — Яндарбиев или Масхадов. Так, впрочем, и произошло. И что? Чеченцы прекратили сопротивление и в республике установился порядок? Ничего подобного.

Дудаевы, Масхадовы, Яндарбиевы и им подобные появились на политической арене в результате развала Союза, на волне всеобщего хаоса и беспредела, которые назывались не иначе как «демократические преобразования».

Кстати, будущий президент самопровозглашенной Ичкерии А. Масхадов, проходивший военную службу в Прибалтике, в 1991 году принимал активное участие в событиях возле Вильнюсского телецентра. «Не понимаю, — говорил он в кругу сослуживцев, — ну что этим литовцам не хватает?..» И еще неизвестно, как поступил бы Джохар Дудаев, получи он приказ из Москвы о наведении порядка в Эстонии, которая также провозгласила свою независимость. Думается, с присущей ему энергией и напором Дудаев выполнил бы его.

Любопытен такой факт. Перед тем как написать рапорт об увольнении из рядов Вооруженных Сил и дать согласие возглавить «национально-освободительную борьбу» на своей родине, Дудаев был замечен в приемной командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. «Зондировал почву», как говорят военные, чтобы продолжить службу в округе. Но ему отказали.

…Как грибы после дождя разрастались конфликты в разных точках Советского Союза: Сумгаит, Карабах, Ош, Абхазия… И все они имели национальную окраску. В Чечне происходило немного по-другому. С одной стороны, националисты выдвигали популистские лозунги о свободе и независимости «порабощенного Россией» народа, а с другой — в республике

началась самая настоящая межтейповая борьба за власть, что привело в итоге к гражданской войне 1991–1994 годов. Но об этом открыто и прямо тогда никто не говорил. Многие считали, что, придя к власти, Дудаев сумел сплотить нацию и стал оплотом «демократии». Во всяком случае, так преподносилось на телевидении и в прессе.

В Москве шли свои разборки, центру было не до Чечни. В мутной воде беспредела и вседозволенности многие надеялись поймать свою рыбу. Дудаев этим воспользовался и стал создавать собственные вооруженные силы. Причем говорил об этом открыто. Как человек военный, он хорошо понимал: чтобы удержать власть в своих руках, необходимо оружие.

На территории Чечено-Ингушетии в тот момент дислоцировались части и подразделения окружного учебного центра (173-й ОУЦ). В оружейных комнатах, на складах, в парках находилось большое количество оружия, боеприпасов, боевой и автомобильной техники, немало запасов продовольствия и вещевого имущества. Кроме этого в республике располагались также отдельные части ПВО, учебный авиационный полк Армавирского авиационного училища летчиков, части и подразделения внутренних войск… Все они также имели оружие и боевую технику.

Уже осенью 1991 года участились случаи нападения не только на военнослужащих и членов их семей, но и на контрольно-пропускные пункты частей, склады с оружием и боеприпасами. Командир окружного учебного центра генерал П. Соколов постоянно докладывал в штаб округа, в Москву о создавшемся положении. Требовал незамедлительно принять решение о вывозе оружия и техники за пределы Чечни. В Ростове-на-Дону помочь ничем не могли. Ждали, как всегда, соответствующих приказов и распоряжений из Москвы. А в столице, похоже, выжидали: как, мол, развернутся дальнейшие события? Военное руководство не проявляло или не хотело проявлять решительность, боялось брать ответственность на себя.

Нерешительность проявлялась и на политическом Уровне. В ноябре 1991 года был принят Указ о введении на территории Чечено-Ингушетии чрезвычайного положения. В Ханкале даже высадились на транспортных самолетах десантники и спецназ. Но Указ отменили. Решили не «дразнить гусей». Фактически все воинские части в республике — офицеры, солдаты, члены их семей — стали заложниками, а огромный арсенал оружия, боеприпасов, боевой техники отдавался на разграбление дудаевцам.

Джохар в отличие от федерального центра действовал

решительно и напористо. 26 ноября 1991 года своим указом он запрещает все перемещения техники и вооружения. К армейским частям он прикрепляет представителей «национальной гвардии», которые производят проверку автомобилей и документов, а также имущества, ввозимого и вывозимого с территории воинских частей. Этим же указом все вооружение, техника и имущество были «приватизированы» Чеченской Республикой и не подлежали отчуждению.

В тот же день, 26 ноября, Дудаев вызвал к себе генерала П. Соколова и военного комиссара республики капитана 1-го ранга И. Дениева и заявил:

— Кто переступит границы Ичкерии, будет арестован. Личный состав окружного учебного центра вывести за пределы республики. В военных городках этого центра мы разместим две чеченские дивизии, которые сформируем в конце года. Вся техника и вооружение переходят в собственность вооруженных сил республики. Все командиры, и вы в том числе, подчиняются мне лично…

Вот так, ни больше ни меньше.

В те же дни корреспонденту газеты «Красная звезда» Николаю Асташкину удалось взять у Дудаева интервью. Новый лидер Ичкерии не скрывал своих замыслов:

«На сегодняшний день, — заявил Дудаев, — в республике сформирована национальная гвардия численностью 62 тысячи человек и народное ополчение — 300 тысяч человек. Мы приступили к законодательной разработке оборонных структур и самой оборонной системы.

Вопрос: Не говорит ли это о том, что вы готовитесь к войне?

Ответ: Смею вас заверить: любое вооруженное вмешательство России в дела Чечни будет означать новую кавказскую войну. Причем войну жестокую. За последние триста лет нас научили выживать. И выживать не индивидуально, а в качестве единой нации. Да и другие кавказские народы не будут сидеть сложа руки.

Вопрос: Вы хотите сказать, что в случае возникновения вооруженного конфликта это будет война без правил?

Ответ: Да, это будет война без правил. И будьте уверены: на своей территории мы воевать не собираемся. Мы перенесем эту войну туда, откуда она будет исходить…»

«Красная звезда» интервью напечатала в сокращенном виде, сгладив все острые углы. Асташкин неоднократно бывал в 1991–1992 годах в Грозном. Проводил журналистское расследование фактов произвола в отношении российских военнослужащих.

Об этом он написал в своей книге «Прыжок одинокого волка».

С начала 1992 года в штаб Северо-Кавказского военного округа один за другим поступали тревожные донесения. Вот некоторые из них:

«В ночь с 4 на 5 января неизвестные совершили нападение на контрольно-технический пункт отдельного батальона связи. Убит дежурный по части майор В. Чичкан»;

«7 января на территорию поста, который охранял младший сержант А. Петруха, проникли двое неизвестных. Скрытно подобравшись к часовому, они нанесли ему многочисленные удары по голове и скрылись»;

«9 января убит дежурный по отдельному учебному автомобильному батальону капитан А. Аргашоков»;

«1 февраля в районе станицы Ассиновская неизвестные лица, вооруженные автоматами, захватили 100 единиц нарезного оружия и другого военного имущества»;

«4 февраля — нападение на конвойный полк МВД России. Похищено со склада свыше трех тысяч единиц нарезного оружия, 184 тысячи штук боеприпасов и все материальные средства и запасы полка»;

«6 февраля — нападение на военный городок радиотехнического полка ПВО. Похищено большое количество оружия и боеприпасов»;

«8 февраля совершаются нападения на 15-й и 1-й военные городки 173-го окружного учебного центра (ОУЦ). Со складов было похищено все оружие, боеприпасы, продовольствие и вещевое имущество».

Участились случаи нападений на квартиры, где проживали офицеры и члены их семей. Бандиты требовали их выселения, угрожали физической расправой.

Положение становилось угрожающим.

В начале февраля 1992 года в Грозном побывал министр обороны Павел Грачев. К тому времени Советской армии уже не существовало, российская еще не образовалась. Короче, полная неразбериха. Грачев встретился с офицерами гарнизона, вел переговоры с Дудаевым. 12 февраля за его подписью ушла докладная на имя Б. Ельцина.

Президенту Российской Федерации Ельцину Б. Н.

Докладываю:

Изучением положения дел на месте установлено, что в последнее время обстановка в Чеченской Республике резко осложнилась. В течение трех суток, с 6 по 9 февраля, организованными группами боевиков совершены нападения и разгромы военных городков с целью захвата оружия, боеприпасов и

грабежа военного имущества.

6–7 февраля разгромлен 566-й полк внутренних войск МВД России, захвачены расположение 93-го радиотехнического полка 12-го корпуса ПВО и пункт дислокации 382-го учебного авиационного полка (пос. Ханкала) Армавирского высшего военного авиационного училища летчиков.

В результате этих противоправных действий захвачено около 4 тысяч единиц стрелкового оружия, нанесен материальный ущерб на сумму свыше 500 млн. рублей.

С 18 часов 8.02 по настоящее время в г. Грозном боевики незаконных бандитских формирований Чеченской Республики осуществляют нападения на военные городки 173-го ОУЦ.

Личный состав воинских частей оказывает сопротивление противоправным действиям. Имеются убитые и раненые с обеих сторон. Сложилась реальная угроза захвата складов с оружием и боеприпасами, на которых хранятся более 50 тысяч единиц стрелкового оружия и большое количество боеприпасов.

Кроме того, в опасности находятся и семьи военнослужащих, которые, по сути дела, являются заложниками чеченских националистов. Морально-психологическое состояние офицеров, прапорщиков и их семей напряженное, на пределе возможного.

По своему боевому и численному составу войска Северо-Кавказского военного округа и внутренних войск МВД России не способны оперативно влиять и оказывать должное противодействие националистическим группировкам, которые на территории Северного Кавказа постоянно увеличиваются.

Учитывая сложившуюся обстановку в Российской Федерации, необходимо для защиты интересов и обеспечения безопасности граждан России иметь собственные вооруженные силы.

Докладываю на ваше решение.

Грачев

12.02.1992 года.

К сожалению, на высшем политическом уровне никаких четких и внятных решений принято не было. С большим трудом удалось вывезти за пределы Чечни военнослужащих и членов их семей. Это произошло только 6 июля 1992 года, спустя пять месяцев после пребывания П. Грачева в Грозном. И все это время российские военные подвергались всяческим унижениям и издевательствам. Война без правил, о которой говорил Дудаев в беседе с журналистом «Красной звезды», проявилась в полной красе.

В Москве праздновали победу новой российской демократии, а в Грозном бандиты приобрели огромный арсенал оружия, чтобы

потом, как мы уже знаем, направить его против России. Тоже был праздник.

В руки Дудаева попало столько оружия, что им можно было вооружить до зубов армию небольшого государства. Одного только стрелкового вооружения осталось на складах и базах 400 тысяч единиц! Вот лишь некоторые цифры: 42 танка, 34 боевые машины пехоты, 14 бронетранспортеров, 139 артиллерийских систем, 1010 единиц противотанковых средств, 27 зенитных орудий и установок, 270 самолетов (из них 5 боевых, остальные, учебные, могли быть использованы как боевые), 2 вертолета, 27 вагонов боеприпасов, 3050 тонн горюче-смазочных материалов, 38 тонн вешевого имущества, 254 тонны продовольствия…

В апреле 1996 года в результате спецоперации «новоявленный» лидер Ичкерии был уничтожен.

Режим действует

В 1992–1993 годах на телевизионных экранах довольно часто мелькали информационные сюжеты из Чечни, немало говорилось о ситуации в республике и на страницах газет и журналов. О чем только не писали журналисты, политологи, экономисты, общественные и политические деятели. Здесь были рассуждения и о взаимоотношениях России и Чечни в новых условиях, и о возможной встрече Б. Ельцина с Д. Дудаевым, и о том, как новый лидер Ичкерии обустраивает социально-экономическую жизнь в республике, и о «трехсотлетней» войне русских с чеченцами. Но об истинном положении дел в Чечне говорилось мало или вообще не говорилось. Складывалось впечатление, что Чечня мало кого интересовала серьезно и основательно. Даже в официальных выступлениях представителей Кремля эта тема затрагивалась как бы вскользь, в контексте общих событий на Северном Кавказе.

Недавно журналист Владимир Гутнов, работавший несколько лет в агентстве РИА «Новости», рассказал мне любопытную историю. В один из дней марта 1994 года ему позвонили из штаба Терского казачьего войска и сказали, что из Грозного с нарочным прибыл пакет документов для РИА «Новости». В то время Гутнов работал над интервью с Д. Дудаевым для одной из ближневосточных стран (заявка поступила по каналам Росинформагентства) и совершенно не сомневался, что это должны быть дополнения или окончательная версия ответов Дудаева на вопросы.

Каково же было удивление журналиста, когда ему вручили не трехстраничное интервью, а огромный пакет документов за подписью атамана Грозненского округа Геннадия Галкина. Среди прочих бумаг Гутнов обнаружил и вырезку из республиканской газеты, в которой прочитал: «За распространение несоответствующей действительности информации о положении русскоязычного населения в Республике Ичкерия собственный корреспондент РИА «Новости» Владимир Гутнов объявляется персоной нон грата».

Впрочем, не решение министерства печати Чечни было главным в пакете. Более двухсот печатных страниц документально подтверждали факты притеснения русскоязычного населения. Среди свидетельств выделялось 26-страничное приложение: «Некоторые факты физического уничтожения и издевательства над русскими в Чечне в 1992–1993 годах». Приведу лишь некоторые из них, происшедшие только за два месяца 1993 года:

14 марта — найден мертвым на берегу реки Сунжа в станице Ермоловка водитель Грозненского нефтяного института Копанин. Ноги его были связаны, горло перерезано проволокой.

17 марта — трое вооруженных чеченцев ворвались в дом Крештопова. Пожилую мать на его глазах пытали раскаленным железом, требуя деньги. Крештопов умер от нервного шока.

19 марта — в дом ветерана войны, участника Парада Победы Павлова, проживавшего по ул. Хасавюртовская, ворвались чеченцы. Павлова и его жену избили, связали, угнали машину.

6 июля — расстрелян из автоматов полковник запаса Воронов, проживавший по ул. Строителей. Он оказал сопротивление грабителям, пытавшимся проникнуть в его гараж.

7 июля — бандиты ворвались в дом Пикаловых по ул. Хрусталева, где проживали мать (1917 года рождения) и дочь (1933 года рождения). Дом ограбили, а обе женщины убиты садистским способом.

25 июля — на глазах супруга и четырехлетней дочери бандитами убита на садовом участке мать троих несовершеннолетних детей Татаринцева.

Наверное, достаточно, чтобы не доводить сотнями (!) подобных фактов читателей до нервного шока.

Владимир рассказывал мне, что тогда он не решился написать серьезный материал на эту тему. Было несколько оперативных информаций, за которые он и был объявлен в Чечне персоной нон грата. Причина такой профессиональной пассивности средств массовой информации — в традиционных заблуждениях. Сработал старый советский механизм ложной солидарности с местной властью.

«Только позднее я понял, — говорил Гутнов, — что существуют по крайней мере две причины, по которым еще в 1994 году я обязан был предать гласности содержание пакета. Если не в центральных СМИ, то уж в региональных точно. Во-первых, следует раз и навсегда отказаться от благостного отождествления власти и народа. Далеко не все, что творят власти от имени народа, соответствует воле народа. Во-вторых, из нашей новейшей истории рано или поздно придется делать выводы. Думается, они будут для нас малоприятными. Самые страшные из них проявились в национализме. Их можно объяснять, но не оправдывать».

Владимир Гутнов — журналист честный и принципиальный. Он сделал, как потом подтвердилось, правильные выводы. К сожалению, многие его коллеги, бывая в Чечне, преследовали зачастую меркантильные интересы.

Идя на повсеместный разбой, в 1992 году «национал-

патриоты» в Грозном еще ухитрялись предупреждать о нем свои жертвы. И даже обращались к ним на «вы». Вот записка, один из образчиков такой эпистолярной угрозы: «Мы за вами следим, знаем ваше расписание. И следим за каждым вашим шагом. Даем вам 20 дней. Если вы не уберетесь за этот срок, то вы покойники. Привет вам от нашей малины».

Это почти поэма по сравнению с той прозой, которая началась позже. Летом же 1992-го, не уяснив до конца суть происходящего, люди еще по наивности обращались к тамошним властям, просили защиты от беспредела бандитов. Но Дудаев и его сторонники лишь на словах ратовали за равноправие всех наций, проживающих в республике. Уже в середине 1994 года, проживавшие тогда в Чечне родственники рассказывали мне, что в Грозном пустовали тысячи домов и квартир. Заколоченные наглухо подъезды многоэтажек, прибитые к воротам частных домов таблички с надписями типа «Дом занят Ильясом» — это было уже повсеместно. Все знали, что брошенные квартиры и дома принадлежали когда-то семьям русских, армян, евреев, других народов. «Ильяс» занимал их после вынужденного бегства хозяев этого жилья.

По сведениям, собранным представителями русскоязычного населения Грозного, только в 1992–1993 годах Чечню по разным причинам, но в основном из-за шантажа и угроз покинули около 45 тысяч русских. На следующий год эта цифра увеличилась вдвое. А сколько погибло представителей разных национальностей за несколько лет кровавого бандитского режима, наверное, не подсчитает уже никто.

В 1991–94 годах Дудаев каленым железом выжигал любое сопротивление со стороны «оппозиции», как окрестили ее многие журналисты. На самом деле происходили межтейповые разборки, которые приобрели массовый характер. В республике фактически шла самая настоящая гражданская война. Мало кто знает, во всяком случае в средствах массовой информации об этом даже не упоминалось, что дудаевцы в 1992 году совершили крупномасштабный бандитский рейд в Урус-Мартан. В результате кровавой разборки погибло около 500 ни в чем не повинных людей, среди них были и русские. В 1993 году на одной из площадей Грозного из артиллерийских орудий расстреляли несколько сотен человек. Есть тому живые свидетели. Грозненские морги были завалены трупами. По телевидению и радио объявляли: «Заберите и опознайте своих родственников!» Об этих вопиющих фактах мне рассказывали сами чеченцы.

Воровство и грабеж стали нормой жизни в республике. Не зря же чеченцы как популярный афоризм произносили фразу своего

первого президента: «Не хочешь воровать — терпи». Поэтому воровали много и охотно. У каждой банды была своя сфера влияния. К примеру, небезызвестный Салман Радуев с помощью личной «гвардии» первым ввел моду на грабежи проходивших через Гудермес в Дагестан и Азербайджан железнодорожных составов. Бывший вор-рецидивист Руслан Гелаев, быстро сколотивший шайку из отпущенных Дудаевым из тюрем на свободу уголовников, контролировал «левый» чеченский бензин и солярку.

Дудаевцы умышленно уничтожали все, кроме нефтекомплекса. Им нужна была нефть, нужны были деньги, для того чтобы закупать оружие, вербовать наемников, которые стали прибывать в Чечню уже в начале 1994 года. А простой чеченский народ был доведен до отчаяния, особенно жители сельских районов. Чтобы прокормить свои семьи, люди вынуждены были воровать в колхозах и совхозах, тем самым разрушая сельскохозяйственную инфраструктуру.

Совершенно бесспорно также, что в Чечне «наследили» многие иностранные разведки. Особенно ближневосточные. Под «крышами» различных фирм они практически открыто вели свою работу, целью которой был не столько сбор разведданных, сколько подготовка к военному конфликту Чечни с Россией.

Об этом свидетельствуют многочисленные перехваты агентурной информации и показания самих агентов.

Москва реагировала на эти обстоятельства вяло. Как заявил мне в Грозном один из высокопоставленных представителей правоохранительных органов России, пассивность эта была связана с коррумпированностью верхних эшелонов федеральной власти и с неустойчивостью политической ситуации в стране в целом. Тем не менее российские спецслужбы продолжали делать свое дело в Чечне. Так, например, выглядели характеристики некоторых чеченских лидеров в одной из их справок:

«Гелесханов Султан — министр Департамента госбезопасности ЧР. Бывший работник МВД. Скомпрометировал себя. Совершил ряд уголовных преступлений. Руководил расстрелом парламента ЧР. Предан Дудаеву. Ярко выраженные антироссийские позиции. Один из организаторов и руководителей так называемого народного ополчения с привлечением штатных профессиональных военных наемников. Продажа и скупка оружия. Связан с иностранными спецслужбами…

Абубакаров Таймаз — министр экономики ЧР. Оказывает большое влияние на Дудаева. Один из теневых правителей Чечни. Штатный сотрудник ЦРУ…

Хачукаев Эдуард — экономист, финансист. Высокообразованный человек. Один из богатейших в республике. Теоретик механизма перекачки нефтедолларов в ЧР и денег по фальшивым авизо из России. Руководитель этих операций. Связан с иностранными спецслужбами…

Идигов Иса — председатель парламента ЧР. Антироссийские позиции. Имеет влияние на некоторых депутатов Госдумы РФ. Большое влияние на депутата С. Ковалева, сопровождал его на территории Чеченской Республики, скрывал от русскоязычного населения Чечни».

Аналитическая работа российских спецслужб высветила все явное и тайное окружение Дудаева, но «молодой исламский тигр» продолжал спокойно пересекать на личном самолете воздушное пространство России, разъезжать на бронированном лимузине по югу страны.

В 1994 году, накануне ввода российских войск в Чечню, по Грозному было распространено воззвание вайнахского Комитета национального спасения:

«Граждане республики! Горцы-вайнахи! Над нами нависла опасная угроза национального позора, презрения и ненависти со стороны других народов соседних республик. О нас говорят, будто мы все головорезы, бандиты и разбойники. И это из-за преступной дудаевской клики, которая ради захвата власти посеяла межнациональную рознь, хаос и разгул анархии. При этом Дудаев вооружил угодных себе людей, способных прислуживать ему, опустившись до холопской низости.

Неужели чеченцы, некогда гордившиеся, что среди них не было рабов-плебеев, теперь, потеряв национальное достоинство, ринулись прислуживать самозванцу Дудаеву, который, воспользовавшись всенародной ненавистью к коммунистической партократии, с громкими лживыми обещаниями просил стариков ради Аллаха приложить все усилия, чтобы посадить его в кресло президента. Все знают о позорной фальсификации, с которой были проведены выборы. Даже говорят, что некоторые старики, которые громко пели хвалебные оды Дудаеву, были сотрудниками КГБ и легко куплены им за сохранение тайны их доносов.

Вайнахский народ! Неужели ты не видишь, как нынешние «властители» растаскивают и разоряют республику, ради карьеры и нажив наплевательски относятся к нашим обычаям и традициям, среди которых — дружба и добрососедство со всеми народами, проживающими рядом с нами?!»

В начале декабря 1994 года министр обороны России П. Грачев встретился с Дудаевым в станице Слепцовская (Ингушетия). Наверное, это была последняя попытка усмирить

мятежного генерала.

Беседа длилась несколько часов. Павел Сергеевич прямо спросил у Дудаева: «Джохар, неужели ты не понимаешь — если ты не сложишь оружие, прольется кровь, народ тебе этого не простит?» — «Не я все решаю, — ответил Дудаев, — от меня теперь мало что зависит. Механизм запущен, его уже не остановить».

Командующий группировкой Сергей Макаров

Штрихи к портрету

С начала контртеррористической операции (1994–2002 годы) Объединенной группировкой войск командовали поочередно генералы В. Казанцев, Г. Трошев, В. Баранов и В. Молтенской. Пятым командующим стал генерал Сергей Макаров. Судьба свела меня с этим офицером осенью 1994 года. Я был назначен командиром армейского корпуса и прибыл во Владикавказ, где приступил к знакомству с личным составом соединений и частей. На одном из служебных совещаний мне доложили, что присутствуют все офицеры командного звена, кроме командира 135-й бригады полковника Макарова. Он заболел желтухой и находится в госпитале. В тот же вечер мы с начальником штаба генералом Е. Скобелевым, прихватив с собой авоськи с фруктами, навестили Сергея Афанасьевича. Он, похоже, не ожидал, что вновь назначенный комкор познакомится с ним в больничной палате. Выглядел Макаров бледным, похудевшим из-за болезни. Но как человек произвел на меня очень хорошее впечатление. Как водится у военных, заговорили о службе. Сразу бросались в глаза его высокая эрудированность, вежливость, тактичность, умение сразу расположить к себе собеседника.

Говорят, что первое впечатление бывает обманчивым. Бывает. Человек меняется, особенно в сложных, критических ситуациях. А на войне и подавно. Но Макаров всегда оставался таким же спокойным и рассудительным.

Через несколько месяцев я увидел его уже в реальной боевой обстановке. Весной 1995-го началась активная фаза «горной» войны. Были созданы три горные группировки. Об этом я подробно писал в своей книге «Моя война». Шатойской и Шалинской руководили соответственно генералы Булгаков и Холод. Веденской — полковник Макаров. Чтобы ввести в заблуждение противника, на все три направления одновременно были выдвинуты войска. Причем таким образом, чтобы у

дудаевцев сложилось впечатление, будто их станут атаковать с трех сторон, чтобы растянуть, «размазать» по горам.

Несмотря на, казалось бы, хорошо продуманную и подготовленную операцию, на практике получалось не все гладко, особенно в первые сутки боев. На «макаровском» направлении войска забуксовали, встретив ожесточенное сопротивление боевиков. К исходу первого дня операции я вызвал на свой КП командиров трех направлений и заслушал их доклады. Начал с Макарова. Он неторопливо и четко доложил обстановку: «… мотострелковый полк, действовавший в районе Сержень-Юрта, своим правым флангом задачу выполнил, но его левый фланг был атакован противником и вынужден был отойти на исходный рубеж. Командир полка, судя по всему, растерялся, а появившиеся первые потери в подчиненных подразделениях разуверовали его в решительности управлять боем.

— Срочно вылетай в расположение полка и разберись на месте, Сергей, — сказал я. — Командир должен взять себя в руки, детально разобраться в сложившейся обстановке, при необходимости перестроить боевой порядок, но задачу обязан выполнить!

Прилетает Макаров в полк, а там ситуация аховая. Пошли потери. Один человек погиб и 19 получили ранения различной тяжести. Командир полка и его замы, как докладывал Макаров, в растерянности.

И вместо того чтобы попросить у Макарова время на оценку сложившейся обстановки, принятие разумного решения, командование полка стало обвинять его, а заодно и меня, якобы «подгоняющего» их полк непродуманно «бежать» вперед.

Особенно завелся зам по воспитательной работе: мол, зарабатываешь, полковник, генеральские звезды на нашей крови, Трошев не мог отдать такого приказа, все это выдумки…

Когда проявляют трусость солдаты, это полбеды, но когда паникуют офицеры — это «труба». Подразделения превращаются в неуправляемое войско, и гибель в таких случаях просто неизбежна. Могу только себе представить, что творилось в те минуты в душе Макарова. Но рубить с плеча он не стал, не запаниковал вместе с командованием полка и не стал докладывать мне на КП о «бунте на корабле». Спокойно, но в то же время с хладнокровной твердостью, сумел убедить офицеров не опускать руки, собраться и продолжать выполнять поставленную боевую задачу. Кстати, сам Макаров, позвонив мне и спросив разрешения остаться на КП командира полка хотя бы на эти сутки, был рядом с этим командиром, помогая ему управлять боем. Задача была выполнена своевременно и без

единой потери.

Весной 1996-го, уже будучи моим заместителем в 58-й армии, Макаров продолжал воевать в Чечне, участвуя в проведении операций в районах Новогрозненского, а в последующем Орехово, Старого Ачхоя и Бамута. Тогда были ликвидированы многие опорные пункты и базы боевиков.

Особо упорные бои завязались под Старым Ачхоем и Орехово. Батальоны никак не могли овладеть мощным укрепрайоном боевиков. Макаров доложил мне о создавшейся ситуации. В то время я уже не командовал группировкой, а возглавлял 58-ю армию. Внимательно выслушав доклад Макарова, по его голосу понял, что состояние у него тяжелое, но старается держаться спокойно, вида не подает.

— Сережа, — говорю ему, — что ты там разворачиваешь эти батальоны как дивизии при фронтовой операции. Поразмеренней все делай, не забывай про Удары армейской авиации и артиллерии, а уж потом посылай в бой солдата, когда убедишься в том, что впереди остались лишь пустые окопы.

Посоветовал ему также использовать звуковещательную установку (я это уже делал при уничтожении боевиков на реке Аргун перед Шали). Макаров так и поступил. На полную мощь включил несколько звуковещательных установок. Создалось такое впечатление, что по меньшей мере танковая дивизия выходит на рубежи развертывания и переходит в атаку. Эффект был потрясающий. Представьте себе, одновременно два усиленных мотострелковых батальона атакуют позиции боевиков с фланга (то есть наносят удар противнику не «в лоб», а «в бок»), при мощной поддержке артиллерии и авиации. Боевики растерялись, не ожидая такого маневра, побежали, оставляя на поле боя десятки убитых и раненых.

Захватив Орехово, войска пошли на Старый Ачхой. И вновь встретили упорное сопротивление дудаевцев. Мне позвонил генерал А. Квашнин (в то время он был командующим войсками округа):

— У Макарова сложилось тяжелое положение. Лети к нему, помоги.

В тот же день я вылетел на «вертушке» в Чечню и к вечеру уже был на командном пункте. Макаров доложил обстановку и представил свой замысел на предстоящий бой. Суть его сводилась к следующему: под покровом ночи, скрытно от боевиков, отвести главные силы от линии соприкосновения, но при этом арьергардными подразделениями имитировать ведение ночного боя, тем самым вынуждая противника постоянно быть в напряжении.

— Товарищ командующий, разрешите начать отвод войск.

— Конечно, отводи, — говорю ему. — Другого выхода нет. Это лучшее, что можно в этой ситуации придумать.

Скрытно вывели два батальона и тут же нанесли удары авиацией и артиллерией. И только потом, на следующий день, когда в траншеях боевиков остались лишь дежурные подразделения (ведь всю ночь боевики не спали, ожидая ночной атаки наших подразделений), снова атаковали противника своими главными силами. Поставленная задача была выполнена.

Наблюдая за тем, как Макаров уверенно руководил подчиненными в бою, принимал разумные решения в той или иной создавшейся сложной ситуации, всегда удивлялся его спокойствию и хладнокровию. Никогда, даже в самые критические минуты, а их на войне предостаточно, не слышал от него крика, крепкого матерного слова. Конечно, он особо тяжело переживал потери, ходил мрачнее тучи, бледность на лице выдавала его внутреннее волнение. Зато как ребенок радовался успеху. Помню один случай.

При проделывании прохода в минном поле боевиков перед их опорным пунктом у Старого Ачхоя наше инженерно-саперное подразделение подверглось интенсивному обстрелу из ДОТа, оборудованного на одной из высоток, расположенной от нашего переднего края в 400–600 метрах.

И вот пулеметчик и снайпер, выделенные для прикрытия работы наших саперов, открыли прицельный огонь по амбразуре этого ДОТа. То ли очередь пулемета, то ли меткий выстрел снайпера — трудно сказать, но достигли цели. Взрыв был потрясающий, как в киношных боевиках. Оба стрелка аж вскочили от радости и стали подпрыгивать на месте. А как радовался Макаров! Может быть, впервые за все дни напряженных боев. Когда этих солдат привели к Макарову, каждый стал докладывать, что именно он поразил Цель. Полковник Макаров по-отечески обнял обоих и поблагодарил за службу. В тот же день представил их к государственной награде, чтобы не нарушать, как говорится, принцип войскового товарищества. Лично позаботился о том, чтобы кадровики побыстрее подготовили наградные листы на них. Вскоре солдаты получили заслуженные награды.

Сергей Афанасьевич — один из немногих офицеров, кто еще в советские времена проходил службу в Чечено-Ингушетии. Он был командиром учебного танкового полка в Шали. Хорошее знание местности, обычаев и традиций местного населения очень пригодились ему на войне.

Хотя и не все получалось гладко. Случались и ошибки. Причем они характерны не только для Макарова, но и для других

командиров, которые впервые воевали в чеченскую кампанию 1994–1996 годов. Офицеры получили теоретическую подготовку в училищах и академиях, но не знали, как практически вести боевые действия в горно-лесистой местности, причем не против классически обороняющегося противника, а, по сути дела, хорошо организованных партизанских действий со стороны бандитов. Приходилось, что называется, под огнем на поле боя учиться самому и обучать своих подчиненных. И надо отдать должное Макарову: он не суетился, не терялся, а планомерно, с присущей ему настойчивостью искал наиболее верный путь решения в создававшихся ситуациях, а главное — старался делать так, чтобы добиваться успеха с наименьшими потерями.

В 1996 году он стал генералом, поступил учиться в Академию Генерального штаба. Вскоре мы снова встретились в… госпитале. Теперь я оказался на госпитальной койке «с позвоночником». Признаться, не ожидал увидеть Сережу Макарова, да еще с Володей Шамановым и Костей Школьниковым (начальник связи 58-й армии). Все они на тот момент были слушателями Академии. Искренне обрадовался. Мы обнялись. Разговор был очень теплым и доброжелательным. Беседа затянулась на несколько часов.

Хорошо помню, как Шаманов с Макаровым запальчиво рассказывали мне о том, что пробивают и доказывают всем в Академии необходимость освоения новых принципов и методов ведения боя в современных условиях, стараются уйти от стереотипов и шаблонов. По сути, они в то время выступили застрельщиками и инициаторами изменений в тактике ведения общевойскового боя против незаконных бандформирований. И имели на это право!

Кстати, Шаманов с Макаровым в первой кампании воевали вместе. Война их сблизила, они подружились. И в Академии были, что называется, не разлей вода. И хотя злые языки говорили, что по распределению на должность начальника штаба армии в Воронеж Шаманов перешел дорогу Макарову, последний никогда об этом не упоминал и вслух не высказывал никаких обид. Это не в его характере — ковыряться в интригах.

Я был очень рад через два года вновь увидеть и Шаманова, и Макарова в Северо-Кавказском военном округе. Это были проверенные войной генералы, которых помнили в округе и уважали. Они вернулись в тяжелое для России время на Северный Кавказ.

В Чечню вновь направлялись генералы и офицеры, которые имели боевой опыт, прошли суровые испытания в первой чеченской войне — Булгаков, Шаманов, Бабичев, Кондратенко,

многие другие. В их числе и генерал Макаров. Я сам предложил ему стать моим заместителем в Восточной группировке. Хотя Сергей Афанасьевич мог вполне отказаться от подобного предложения. И был бы абсолютно прав. И вовсе не из-за трусости. На тот момент он ни на какой штатной должности в округе не состоял. Но Макаров без промедления согласился. В конце нашего разговора сказал: «Геннадий Николаевич, спасибо за доверие».

Не скрою, я был рад тому, что Макаров согласился, несмотря на все штатные затруднения, быть моим заместителем. Это был проверенный, испытанный, надежный профессионал. Иметь рядом такого человека на войне мечтает каждый командир.

В начале 2000 года, когда я возглавил всю Объединенную группировку войск, Сергей Афанасьевич стал руководить Восточной группировкой. Решал ответственные задачи. И справился с ними успешно. В горах, на высоте свыше двух тысяч метров, Макаров высадил шесть тактических воздушных десантов. Первый из них — в районе населенного пункта Дай. Боевики не ожидали такой дерзости. Как снег на голову свалились на них мотострелки, десантники и морские пехотинцы. Эту картину надо было видеть. На скалистых, отвесных горах на высоте 2,5 тысячи метров — бронетранспортеры, а рядом матросы в бушлатах. Десантники сначала их окрестили «гидробойцами», а позднее стали называть «горными матросами». Исключительно смело и мужественно проявили себя мотострелки 136-й отдельной мотострелковой бригады, морские пехотинцы 77-й бригады морской пехоты Каспийской флотилии и Северного флота, подразделения Воздушно-десантных войск. Затем, приблизительно по той же схеме, действовали войска группировки при уничтожении боевиков и захвате Ведено. В результате успешных нестандартных действий федеральных сил боевики уже не могли активно противостоять нам в горах. Один за другим они теряли опорные пункты и базы хранения оружия и боеприпасов, несли ощутимые потери в живой силе.

После завершения активной фазы контртеррористической операции генерал Макаров возглавил армию, дислоцировавшуюся в Воронеже. Но пробыл там недолго. Когда мой заместитель генерал В. Баранов уехал к новому месту службы в Москву, опять встал вопрос: кто займет эту должность? Выбор снова пат на Макарова. Признаться, я еще раньше думал: как только освободится должность, буду ходатайствовать перед Москвой о назначении Сергея Афанасьевича.

С осени 2002-го генерал Макаров возглавляет Объединенную группировку войск в Чечне. Он, как и я, — танкист. Экипажная

система службы в танковых подразделениях заставляет весь коллектив работать на одну цель и приучает к этому и молодого солдата в учебном подразделении, и курсанта в военном училище. Доверять друг другу, полагаться на товарища — это в крови. Непорядочные взаимоотношения между танкистами — большая редкость. И я не сомневаюсь в том, что Сергей Афанасьевич на любой ответственной должности принесет большую пользу нашим Вооруженным силам.

Глава 3
Война без правил

Глобализация террора

Как и всю страну, меня потрясли события в Москве в конце октября 2002 года. Чудовищный теракт, проведенный бандой Мовсара Бараева, наверняка войдет в анналы истории террора как одна из самых мрачных его страниц. Около полусотни бандитов взяли тогда в заложники артистов и зрителей мюзикла «Норд-Ост», захватив Театральный центр на Дубровке. Подготовив здание к взрыву с помощью женщин-«камикадзе», «отморозки» потребовали немедленно вывести войска из Чечни. Согласно статистике, в тот день на спектакль было продано 711 билетов. В мюзикле было задействовано 102 артиста, 32 музыканта и 110 технических работников.

Подобные крупные захваты заложников в России сегодня можно еще пока, как говорится, по пальцам перечесть. Это, безусловно, нападение чеченских боевиков под руководством Шамиля Басаева 14 июня 1995 года на город Буденновск и рейд бандитов во главе с Салманом Радуевым на дагестанский город Кизляр в январе 1996 года, о котором подробно я рассказал в своей книге «Моя война». Но те террористические акты были проведены бандитами на приграничных с Чечней территориях. В октябре же 2002 года террористическая война, спустя три года после взрывов жилых домов в Москве, вновь докатилась до столицы России. Как же удалось бандитам организовать столь страшное преступление?

По данным следствия, террористы тщательно подготовились к захвату заложников. Взрывчатка и оружие для теракта, применявшееся в боевых действиях в Чечне, в течение полугода доставлялись в город в тайниках на легковых и грузовых автомобилях. Большая часть бандитов с фальшивыми паспортами под видом «челноков» прибыла в Москву через Дагестан автобусами — из Махачкалы и Хасавюрта, а сам Мовсар Бараев приехал поездом из Минеральных Вод. В столице бандиты поселились в заранее снятой для них квартире. Хотя паспорта были «чистыми» и многие из участников теракта действительно ранее не замечались правоохранительными органами ни в чем предосудительном, им запрещалось покидать жилище. Террористы были разбиты на десятки и тройки и знали только своих непосредственных начальников, а главных организаторов увидели лишь в момент захвата Театрального центра. Как установлено следствием, во время проведения операции на Дубровке около здания центра находилось несколько пособников террористов, которые информировали их о попытках

освобождения заложников.

Скажем прямо: такая тактика действий «отморозков» для России была новинкой. Но если исходить из мировой практики террора, то в октябре 2002 года Мовсар Бараев и его подельники действовали в Москве по «классическим канонам» международного терроризма, основу которого ныне составляют создаваемые в мегаполисах боевые подпольные группы. Ведь лидеры и идеологи терроризма считают, что любые акции в крупных городах, особенно в столицах, благодаря повышенному вниманию средств массовой информации, наиболее эффективны.

Теракт в Театральном центре действительно ошеломил москвичей, многие из которых до этого, честно говоря, довольно безразлично взирали на боевые действия в Чечне и в других горячих точках, где принимают участие российские военнослужащие. На мой взгляд, этот шок был равен тому, что испытали американцы 11 сентября 2001 года. До того казалось, что все войны и военные конфликты бушуют где-то далеко за пределами столицы. Террористическая война — война без правил — по своей природе оказалась иной. Это война без четкой линии фронта и тыла, жестокая и бесчеловечная, потому что главный удар противник наносит по мирному населению.

Как известно, «террор» в переводе с латинского языка означает «страх, ужас». Его суть ясна — это мгновенное достижение определенной цели, чаще всего имеющей политический характер, путем устрашения и деморализации противостоящей стороны. Для запугивания используются открытое насилие или угроза его применения. То есть ни этических, ни моральных границ у терроризма нет. Будучи крайней формой выражения социального, этнического, религиозного радикализма, он не склонен останавливаться ни перед чем для достижения своих целей. Наоборот, чтобы максимально привлечь к себе внимание, посеять панику среди населения, террористы наращивают масштабы и дерзость своих акций, стремятся увеличить количество жертв. При этом для них важна показательная, публичная сторона насилия. Вот почему современное международное право определяет терроризм как применение негосударственного насилия или угрозы насилия с целью посеять панику в обществе, ослабить или свергнуть должностных лиц и вызвать политические изменения.

10 ноября 1979 года в Европейской конвенции о борьбе с терроризмом впервые были названы преступления, которые квалифицировались в уголовном праве как «террористические». Сюда вошли: угоны самолетов, нападения на посольства, захват заложников, похищение и все уголовно наказуемые деяния с

применением автоматического стрелкового оружия, взрывных устройств. Все вышеперечисленное коснулось (и не раз!) и России. На сегодняшний день существуют десятки межгосударственных соглашений, призванных пресекать различные формы терроризма. Кроме того, прошел целый ряд международных конференций по этой проблеме. Такая международно-правовая активность имеет веские основания. Ведь только за последние 10 лет в мире совершено около 7 тысяч актов международного терроризма, от которых пострадало более 11 тысяч человек, а государствам, где эти акты были осуществлены, нанесен большой материальный и моральный ущерб.

Сегодня с террористами ведутся уже войны, и Чечня — лишь один из примеров такой войны. Терроризм наступает, его наступление нельзя назвать стихийным, оно идет организованно, сплоченно, интернационально. Терактами в США 11 сентября 2001 года всемирное зло явило миру свое новое обличье: в жизнь планеты вошел супертерроризм, использующий главное достижение человечества — информатизацию. Проведение же осенью 2002 года и весной-летом 2003 года целой серии акций в различных районах мира по единому замыслу и практически одновременно свидетельствует о появлении такой формы террористических действий, как террористическая операция глобального размаха.

Не секрет, что большинство нынешних террористических сообществ были созданы в свое время спецслужбами Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции. После окончания «холодной войны» эти организации, став самостоятельными, наладили свои каналы финансирования, долгое время остававшиеся неконтролируемыми.

Нынешнее наступление терроризма в значительной степени связано с происходящим в мире процессом глобализации и его последствиями — резкой дифференциацией государств на очень бедные и очень богатые, потоками неконтролируемой миграции, увеличивающимся социальным расслоением, ростом национального самосознания, религиозным экстремизмом. Сегодня в мире более 1 миллиарда человек живут в полной нищете, и их число продолжает увеличиваться. Среда обездоленных людей пополняется за счет мигрантов. В конечном счете в значительной мере из ее представителей и рекрутируются террористы.

Растет и число зон нестабильности, являющихся питательной средой международного терроризма. В них тесно переплетаются интересы транснациональных криминальных структур и

террористических группировок. Одной из них стал сегодня Кавказ.

Пылающий Кавказ

Россия первой начала и, по сути, до сентябрьских событий 2001 года в США в одиночку вела войну с международным терроризмом. Причем с проблемой терроризма мы столкнулись относительно недавно. Распад Советского Союза и, как следствие, разрушение системы правоохранительных органов, обострение политических, социальных, национальных и религиозных противоречий (особенно на Кавказе), возникновение здесь нелегального рынка оружия — все это привело к стремительному росту преступности, а затем к разгулу терроризма.

Надо сказать, что история России на Кавказе во все эпохи была насыщена вооруженными конфликтами, и пролитая здесь большая кровь была связана с переделом сфер влияния сильнейшими мира сего. Так было и в ходе Кавказской войны XIX века. Во время одного из важнейших сражений Великой Отечественной войны в XX веке — битвы за Кавказ — фашистская Германия стремилась решить не только военные задачи. Она всеми силами рвалась к каспийской нефти. Увы, в конце прошлого и начале нынешнего столетия история повторилась: влиятельные круги отдельных стран НАТО и сегодня преследуют ту же цель.

Дело в том, что разведанные в ложе Каспийского моря запасы нефти составляют около 10 миллиардов тонн. Кроме того, большие запасы нефти и газа обнаружены на суше прикаспийских стран. До 1991 года советские республики Каспийского бассейна — Азербайджан, Казахстан, Туркмения и Россия — не имели права вести самостоятельную внешнеэкономическую деятельность. Распад СССР коренным образом изменил ситуацию. На образование в Каспийском регионе новых независимых государств быстро «среагировали» многие страны Европы, США и Япония, не говоря о ближних соседях. Все они, каждая в меру возможностей и в соответствии со своими внешнеполитическими приоритетами, предприняли различные шаги, чтобы добиться политических преимуществ в регионе. Вот и стали скрыто отрабатывать здесь современные технологии управляемых пограничных вооруженных конфликтов, целью которых было как экономическое ослабление России, так и ослабление ее политического влияния в регионе. Грубые политические скандалы и «тихие» провокации побуждали местных жителей вспомнить свои национальные и религиозные обиды. Происходившие в Закавказье еще в советские времена армяно-азербайджанские вооруженные столкновения дополнились военными конфликтами

в Южной Осетии, Абхазии, кровопролитной борьбой за власть в Грузии. Активизировалась на Кавказе деятельность зарубежных экстремистских исламистских организаций, особенно ваххабитов, приверженцев крайне реакционного, агрессивного крыла мусульманского радикализма. Как результат, на Северном Кавказе возникла реальная угроза начала гражданской войны и, как следствие, — кровавого распада России.

Наиболее нестабильная обстановка сложилась в Чечне. Создание фактически независимой от влияния России «республики Ичкерия» развязало руки чеченским сепаратистам, усилилось их идеологическое воздействие и силовое давление не только на сопредельные республики, но и на весь регион в целом. Похищения людей, захват заложников, угоны самолетов, взрывы на железных дорогах, в общественных местах, акты насилия в этноконфессиональных конфликтах, прямые угрозы расправы и их реализация в ходе политической борьбы, физическое устранение политических соперников, покушения на представителей различных ветвей власти на Северном Кавказе стали для россиян привычными явлениями. Чечня превратилась в главный источник конфликтов на национальной почве и рассадник международного терроризма.

«Особая папка»[2]

Хроника событий

Июнь 2001 года

Масхадов, практически не имеющий поддержки не только среди населения, но и среди сколько-нибудь известных полевых командиров среднего уровня, пытается представить себя значимой политической фигурой. Преподносит своему окружению и населению республики идеи объединения различных бандгруппировок, в том числе и ваххабитов, при условии признания его в качестве верховного главнокомандующего. На самом же деле Масхадов сегодня фактически заключает сделку с арабами-наемниками (прежде всего с международными преступниками-террористами), с их главной фигурой — Хаттабом.

Важное обстоятельство заключается в том, что Масхадов и Хаттаб, возможно, договорились отстранить от общего руководства Басаева, имеющего поддержку среди боевиков. Скорее всего, на этом настоял Масхадов. Ведь именно Басаев присвоил себе полномочия верховного главнокомандующего

Ичкерии, став председателем так называемого Высшего военного меджписа-шуры (ВВМШ). Именно Басаев, а вместе с ним и Хаттаб втянули Чечню в войну, совершив агрессию против Дагестана. Таким образом, Басаев продемонстрировал свое неповиновение и непризнание Масхадова в качестве президента.

Хаттаб, контролирующий основной канал поступления финансовых потоков в Чечню из международных террористических организаций, делает поворот в сторону Масхадова исключительно из прагматических соображений. Хаттаб надеется, управляя финансовой подпиткой сепаратистов, продолжить под флагом Масхадова вооруженный конфликт в Чечне.

В начале сентября в Северной Америке намечено проведение исламской конференции мусульман США и Канады. Предполагается, что в ней примут участие около 20 тысяч человек. Достоверно известно, что представители незаконных вооруженных формирований (НВФ) Ичкерии встречались с организаторами конференции. Запланировано распространить обращение А. Масхадова о ситуации в Чечне.

Зарубежные исламистские террористические организации, осуществляющие финансирование бандформирований, сокращают свою помощь боевикам, обвиняя полевых командиров в хищении средств. В частности, духовный лидер ваххабитов в Чечне Абу-Омар Моххамад ас-Сейф неоднократно упрекал Ризвана Ахмадова, известного своей жестокостью полевого командира, в стремлении выпрашивать у Хаттаба большие суммы денег якобы для ведения активной террористической деятельности. На самом же деле, сколько ему ни дают, он все тратит на себя, в том числе на развлечения и отдых. На днях Ахмадов получил 50 тысяч долларов США. Однако есть основания полагать, что деньги вновь потратит по личному усмотрению, так же как и в прошлый раз. Рядовые боевики снова не получат обещанного вознаграждения.

Скандалы вокруг денег, направляемых в адрес НВФ, происходят и между функционерами и эмиссарами исламистских террористических организаций. Так, в конце июня были заблокированы деньги, предназначенные для семей боевиков и беженцев. По другим данным, возможно, в банках вообще арестованы счета. Функционер исламистской экстремистской организации «Братья-мусульмане» Абу Кутейба назвал командира наемников «Эль-Маджахед» Абу Малика лжецом, обвинив его в том, что именно он приложил руку к тому, что деньги не будут направлены в Чечню. По мнению лиц, знающих особенности

функционирования таких структур, подобное может происходить из-за попыток арабских высокопоставленных функционеров присвоить себе часть этих средств.

В настоящее время между наемниками-арабами и боевиками чеченской национальности усиливаются идеологические противоречия, вызванные различным отношением к «священной войне». Для наемников участие в вооруженных акциях против федеральных сил является источником высоких доходов, в то время как для многих чеченцев это прежде всего «борьба за свободу Ичкерии». Примером таких противоречий может служить тот факт, что во время операции по задержанию лидера НВФ А. Бараева в Апхан-Кала боевики-чеченцы из других бандформирований были намерены немедленно отправиться ему на помощь, однако их полевые командиры-арабы не позволили им это сделать, ссылаясь на то, что у них свои задачи. Достоверно известно, что так поступили полевые командиры Абу Умар и Хаве, предпочитая отрабатывать полученные ими деньги, а не рисковать ради спасения А. Бараева.

В последнее время бандформированиями Ш. Басаева не была проведена ни одна сколько-нибудь крупная диверсионно-террористическая акция, что не могло не сказаться отрицательно на его авторитете. В то же время боевики из банд-групп Бараева практически каждый день совершали различные акции против федеральных войск и чеченцев, сотрудничающих с «федералами». Это позволило Бараеву создать себе образ настоящего лидера моджахедов, ведущего непримиримую войну против «русских оккупантов». Тем самым был нанесен серьезный удар по авторитету и влиянию Ш. Басаева среди полевых командиров. Ситуация осложнялась еще и тем, что сам Ш. Басаев по состоянию здоровья не способен вести какие-либо активные действия против федеральных сил. В сложившихся обстоятельствах он довольно быстро мог утратить статус лидера НВФ и превратиться в рядового полевого командира, уступив «первое место» Арби Бараеву.

Чтобы сохранить свой статус и авторитет, в сложившейся ситуации Ш. Басаевым было принято решение о физическом устранении Бараева как конкурента. Для выполнения задуманного плана Ш. Басаев привлек нескольких ветеранов-боевиков первой чеченской кампании, входивших в ближайшее окружение Хаттаба. В качестве вознаграждения выплатил им 70 тысяч долларов. Однако эта группа, согласившись отработать указанную сумму, в то же время опасалась кровной мести со стороны родственников Бараева и в результате просто вышла на

представителей правоохранительных органов России и указала им его точное местонахождение. Затем в ходе проведения спецоперации по захвату А. Бараева группа сообщала «федералам» конкретные места и дома, где засели бараевцы, а также участвовала в опознании трупов, в том числе самого Бараева.

В бандгруппировках находится значительное количество наемников, в основном арабов. Однако есть и русские, а также выходцы из других славянских стран. Как правило, это люди с нарушенной психикой, ярко выраженным стремлением повоевать, то есть получить дозу адреналина. На фоне комплекса собственной неполноценности, а зачастую обычной трусости, нередко происходит демонстрация своих «боевых качеств и смелости» перед безоружным противником. Отсюда проявление особой жестокости в обращении с жертвой. Кроме того, у этих людей нередко наблюдаются другие явления патологии психики. Например, гипертрофированная самооценка. Перед окружающими такие типы пытаются представить себя эдакими непобедимыми и неуловимыми солдатами удачи — наемниками, готовыми воевать за деньги, неважно, на чьей стороне, даже против могучего противника.

В условиях проведения боевиками минно-фугасной войны и террористических актов против федеральных войск и представителей органов власти наемники, как правило, из-за своего внешнего облика, отличающегося от внешности чеченцев, не могут участвовать в этих операциях, так как довольно быстро попадают в поле зрения спецслужб. В основном они состоят при полевых командирах в качестве личной охраны. С точки зрения личной безопасности и самосохранения — риск минимальный, достаточно безопасное существование, перспективы возможности ранения и другие угрозы для жизни маловероятны.

Среди лидеров бандформирований отсутствует единство в ведении борьбы против федеральных сил. Так, Р. Гелаев уже длительное время находится на территории Грузии, не принимая абсолютно никакого участия в весенне-летней кампании, которую ведут другие полевые командиры. Р. Гелаев не поддерживает никаких контактов с другими лидерами боевиков и, скорее всего, намерен вести свою «игру», преследуя личные цели.

М. Удугов также большую часть времени проводит за границей, посылая воззвания к чеченскому народу по почте.

Среди эмиссаров НВФ за рубежом постоянно возникают скандалы, связанные с расхищением и присвоением ими денежных средств, выделяемых исламскими экстремистскими

организациями на продолжение военных действий в Чечне, а также средств, полученных от благотворительных сборов для оказания помощи семьям погибших боевиков и беженцам. Несколько месяцев назад «пропало» 640 тысяч долларов, которые так и не нашлись. В настоящее время разразился новый скандал, связанный с тем, что из переданных боевикам 12 млн долларов 6 млн оказались фальшивыми, местонахождение других 6 млн неизвестно.

Таким образом, зарубежные эмиссары, осуществляющие доставку денег и контроль за расходованием средств, выделяемых на вооруженный конфликт в Чечне, а вместе с ними и часть наемников, регулярно получающих вознаграждения, фактически зарабатывают их на крови рядовых боевиков-чеченцев. Именно рядовые боевики-чеченцы периодически подрываются, получают тяжкие увечья и погибают из-за неумелого обращения со взрывными устройствами. Именно рядовых боевиков-чеченцев чаще задерживают спецслужбы федеральных сил.

Июль 2001 года

Масхадов полностью признал над собой власть Хаттаба и Басаева. В конце июня на совещании у Хаттаба его отстранили от должности президента ЧРИ. Масхадов стал рядовым полевым командиром. Если бы Масхадов не принял этих условий, то был бы уничтожен на месте вместе со своей охраной.

Достоверно известно, что решение об убийстве Масхадова принято «Высшим военным меджлисом-шурой» во главе с Басаевым. Выполнить этот приказ было поручено Абу Умару. При обыске его трупа федералы нашли этот приказ, а также много других документов, которые прямо говорят о том, что вся власть в структуре бандформирований Ичкерии принадлежит наемникам-арабам. Боевики-чеченцы нужны в качестве исполнителей их воли.

Масхадов, скрываясь от арабских наемников, пытается представить себя президентом Ичкерии. Он дал интервью Владимиру Рябоконю, корреспонденту радиостанции «Немецкая волна». Вот некоторые фрагменты этого интервью:

— Имам Шамиль после 25-летней войны фактически предал чеченский народ и сдался на милость царю, Масхадов на это не пойдет;

— Арби Бараев обыкновенный командир, каких много;

— У Шамиля Басаева часто бывает высокая температура, поэтому его заявления о том, что он мне не подчиняется, нельзя воспринимать серьезно;

— Я — Масхадов — встречался с Хаттабом. Теперь знаю, что

делать с Хаттабом и что делать с Басаевым;

— Москва должна только со мной — Масхадовым — вести переговоры.

До последнего времени А. Масхадову позволяли говорить как президенту Ичкерии, хотя Хаттаб, Басаев и другие боевики не признавали его уже с 1999 года. Арабские наемники имеют ясную цель. Они будут пытаться провозгласить на земле Чечни некое, пока подпольное, арабско-ваххабитское государство. Эмирами будут арабы, ваххабиты-чеченцы — их полицией, остальные чеченцы станут прислугой у эмиров и рабочей силой.

С момента возвращения М. Цагараева из Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) правоохранительные органы отслеживали его передвижения и места пребывания. В частности, на территорию России М. Цагараев прибыл из Азербайджана. Далее проследовал через Дагестан в Чечню. Беспрепятственно передвигаться М. Цагараев смог только лишь благодаря тщательно разработанной специальной операции. Основным ее звеном являлась группа сотрудников чеченской милиции и РУБОП МВД Республики Дагестан, которые якобы из-за обещанного вознаграждения «прониклись сочувствием» к главарю бандформирований.

Весь путь М. Цагараева, начиная от российско-азербайджанской границы, находился под контролем, фиксировались и устанавливались его контакты и преступные связи в Дагестане и Чечне. Однако на заключительном этапе операции возникли некоторые непредвиденные трудности.

Тем не менее группой сотрудников правоохранительных органов операция доведена до конца, и М. Цагараев был уничтожен.

В Чечню от исламской экстремальной организации «Братья-мусульмане» будет поступать совсем мало денег. Причина в том, что деньги разворовываются Хаттабом и его приближенными. Другую часть денег, но гораздо меньшую, присваивают лидеры Ичкерии и наиболее известные бригадные генералы.

«Высший консультативный совет» высказал в адрес Хаттаба как главного вора особое недоверие. Из-за того что Хаттабу перестали верить, его в скором времени должен заменить Абу аль-Валид.

Например, недавно Хаттаб и Абу Сайях, заменивший по настоянию Хаттаба убитого федералами Абу Умара, получили 250 тысяч долларов США. Из них 20 тысяч выделил арабу Якубу, действующему под Дуба-Юртом, чеченцу «Джихаду» дали 10 тысяч. Через дагестанца Раббани для чеченца Имрана отправили

50 тысяч. Остальным Хаттаб решил пока ничего не давать. Правда, пообещал, что, может быть, даст деньги потом.

Таким образом, Хаттаб оставил себе 1 70 тысяч долларов.

Абу Сайях присвоил себе 40 тысяч из 80 тысяч, предназначенных к выдаче командирам групп. Командиры этих трех групп, насчитывающие около 60 человек, прикарманили примерно 30 тысяч. Рядовым боевикам-чеченцам они раздали по 50–60 долларов на содержание своих семей и в среднем по 100 долларов за каждый удачный подрыв.

Часто денег не дают не только чеченцам, но и рядовым наемникам-арабам. Так, Абу Амад из отряда Ризвана Ахмадова звонил по телефону в Объединенные Арабские Эмираты шейху Абдулле. Он просил у него 50 тысяч долларов, так как за два с лишним месяца в Чечне не получил обещанных денег. Если денег не будет, то Абу Амад и с ним еще около 1 5 рядовых наемников-арабов угрожали уехать домой.

Все деньги, которые дают «Братья-мусульмане», оставляют себе командиры-арабы и командиры-чеченцы, а рядовые боевики-арабы и боевики-чеченцы практически получают мизерные суммы.

Из-за того, что деньги разворовываются Хаттабом и его личными друзьями, а до боевиков ничего не доходит, «Высший консультативный совет» обвинили его в том, что из-за него задерживается принятие решения о создании на территории Чечни «Арабского исламского государства», которое станет руководствоваться только законами шариата. Ваххабизм будет объявлен официальной религией. Но вместо того чтобы деньги тратить на чеченцев, склоняя их к принятию ваххабизма, Хаттаб прикарманил себе уже десятки миллионов долларов. Сегодня из-за Хаттаба рядовые чеченцы-боевики и их семьи живут очень бедно. Поэтому призыв арабов жить в едином государстве с ними чеченцы могут не поддержать. Если бы Хаттаб не воровал деньги, а направлял их на джихад, возможно, все было бы по-другому.

В Чечне Хаттаб находится с 1995 года. Объявлял себя единственным представителем организации «Братья мусульмане». Никогда особо не скрывал своих тесных контактов с офицерами из спецслужб Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов. Хаттаб прибыл в Чечню решать задачи, которые ему поставили спецслужбы и шейхи. Через его руки прошли сотни миллионов долларов. Однако ни один вопрос не решен. Хаттаб явно ведет двойную игру и стал еще чьим-то «агентом влияния». Этот «ласковый теленок» сосет не только двух коров.

Наемный «Интернационал»

За три года контртеррористической операции федеральные силы уничтожили в Чечне более 500 бандитов, имеющих гражданство арабских государств. Кто они, эти люди? За что отдали свои жизни на территории чужой страны?

Они не любят, когда их характеризуют как наемников. Почему так? Ответ прост: в международноправовой сфере немало документов, которые прямо касаются наемничества или содержат положения о наемниках. Ответственность за подобные действия предусматривает и Уголовный кодекс Российской Федерации. Поэтому наемники-исламисты зачастую прикрываются лозунгами о «всемирном джихаде», помощи братьям-мусульманам, борющимся «за независимость Ичкерии», и т. п.

Как же оказались наемники на части территории суверенной России?

…После подписания предательских хасавюртских соглашений и вывода российских войск с территории Чеченской Республики к концу 1996 года рассчитывать на успехи в предпринимательской деятельности или какое-то политическое влияние в Чечне можно было, только имея за собой реальную военную силу. Поэтому некоторые зарубежные государства, стремящиеся реализовать свои политические и экономические интересы на Кавказе, оказались заинтересованы в «своих» лидерах местных незаконных вооруженных формирований. Денежные вливания из-за рубежа во многом обеспечили дальнейшее существование бандформирований. Как известно, большинство из них создавалось на тейповой, реже — территориальной основе. Исключением стали лишь отряды ваххабитов, костяк которых составляли иностранцы, в основном — арабы, проникнувшие в Чечню после развала бывшего СССР через не охраняемые тогда границы с Грузией и Азербайджаном. Наиболее известным отрядом иностранных наемников, активно действовавшим во время первой кампании, был батальон «Фахт», укомплектованный уроженцами Турции, Иордании, Ливана и других государств. Вместе с ними в 1996 году на стороне боевиков действовали более 200 боснийских мусульман, алжирцы из экстремистской организации «Эмир Абдель Кадер», сирийцы из «Исламского освобождения Сирии», саудовцы из «Организации исламской революции», йеменцы из отрядов «Солдаты Халифа Рашида».

Когда первая чеченская кампания завершилась, они не торопились вернуться в родные края, а включились в

криминальную жизнь мятежной республики. Ставший вожаком этих наемников Хаттаб в союзе с братьями Шамилем и Ширвани Басаевыми достиг наибольшего влияния в Чечне. Другие лидеры крупных НВФ, такие, как Р. Гелаев и А. Бараев, вынуждены были с ним считаться. Отряды Хаттаба — Басаева постоянно пополнялись новыми боевиками. По уровню своей подготовки и оснащению они были близки к армейским подразделениям, способным не только проводить террористические акты и вести партизанскую войну, но и захватывать и удерживать соседние территории. Профессиональных бойцов для этих отрядов, причем не только из местных жителей, но и приезжих таджиков и узбеков из Средней Азии, уйгур из Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, крымских татар, албанцев, россиян из мусульманских регионов страны и даже этнических славян, готовила хорошо оснащенная и разветвленная сеть баз и лагерей, организованная на территории Ичкерии в период между двумя военными кампаниями. По информации из различных источников, через учебные лагеря Хаттаба прошли не менее 7–8 тысяч «курсантов».

Справедливости ради надо отметить, что не только арабы оказывали поддержку чеченским НВФ. На территории Ичкерии в 1996–1998 годах были развернуты также пять центров радиоразведки, чей персонал состоял из граждан США и Великобритании. После начала второй чеченской кампании по мере продвижения федеральных войск специалисты центров разбирали оборудование и переносили его в горы. Переводчики подразделений радиоэлектронной борьбы не раз слышали, как переговоры на стороне неприятеля велись на английском языке с чисто британским и американским произношениями. Лидеры боевиков имели доступ даже к данным космической разведки НАТО. Да и документы, найденные у бандитов, уничтоженных федералами в ходе боевых действий во время второй чеченской кампании, свидетельствуют о том, что среди наемников встречались и поныне продолжают встречаться подданные западноевропейских государств. Один из них, некий Эрик Жан-Дени Мергари, был, например, гражданином Франции. Кстати, после боя выяснилось, что убитый в свое время служил во французском Иностранном легионе, наплодившем в своих рядах «солдат удачи», действовавших во многих горячих точках планеты.

А в первой чеченской кампании при ведении боевых действий среди противостоящих федералам боевиков были замечены славяне с Украины, из формирования украинских националистов УНА-УНСО. Наиболее крупным их боевым «свершением» стало

участие в обороне Бамута (об этом я писал в своей книге «Моя война»). Однако сепаратисты относились к украинским наемникам с плохо скрываемым презрением, считая их прожорливыми и ленивыми «иноверцами». По «ичкерийской» шкале ценностей те находились на предпоследней ступеньке, опережая лишь предателей-русских, принявших ислам и воевавших на стороне сепаратистов. Многие из украинских наемников погибли в боях или были ранены. Но нередко, вместо того чтобы расплатиться с «солдатами удачи» из УНА-УНСО, их просто продавали в рабство. Так что вербовать новых наемников из Украины вскоре стало сложно. Тем не менее встречались они нам и во вторую кампанию.

Словом, при проведении контртеррористической операции на территории Чечни российские войска действительно столкнулись с терроризмом международной окраски. По оценкам командования Объединенной группировки войск (ОГВ), среди активных чеченских бандформирований, чьей эмблемой стал волк («борз»), более 40 процентов составляют наемники, раскручивавшие и продолжающие раскручивать маховик конфликта как на территории республики, так и за ее пределами.

Впрочем, подчеркну еще раз: не только Чечня — многие страны мира стали сегодня ареной деятельности вооруженных группировок, выступающих под воинствующими исламскими лозунгами. Анализ событий, происходящих ныне повсеместно, свидетельствует о том, что исламский экстремизм интернационален. Например, когда вспыхнул военный конфликт в Республике Македония, министерство обороны этого государства распространило сообщение, что на стороне албанцев воюют иностранные наемники. Во время боев на высотах у селения Слупчане правительственные войска действительно уничтожили более десятка боевиков, среди которых было несколько выходцев из Чечни. Об этом свидетельствовали личные вещи, одежда и документы погибших. Да и само развитие событий в Македонии, по мнению экспертов, очень напоминало сценарий боевых действий в Дагестане и Чечне в 1999 году. А тактика и методы акций отрядов албанских боевиков были аналогичны акциям чеченских экстремистов.

Информация об участии чеченских экстремистов в боевых действиях на Балканах давно пестрит на страницах многих зарубежных газет. Боевики проходили дополнительную подготовку по минно-взрывному делу и огневой подготовке в лагерях Панкисского ущелья в Грузии и переправлялись в Турцию. Уже оттуда «общественные» экстремистские мусульманские организации транзитом перебрасывали

наемников в Албанию, далее — в Косово и Македонию. Кстати, несколько лет назад в одном из горных районов Боснии и Герцеговины были организованы два учебных лагеря, где подготовили несколько отрядов для помощи Ичкерии. Одним из первых в Россию отправились 30 боевиков во главе с Абу Мали, командиром подразделения «Эль-Моджахед»… На Балканы перебрасывались отряды чеченских боевиков, а, в свою очередь, албанские боевики переправлялись на территорию Чечни.

Как известно, немало афганцев-наемников воевало на Северном Кавказе против российских федеральных войск, а чеченские наемники сражались в Афганистане с войсками Северного альянса и НАТО на стороне талибов. Среди документов, найденных в одном из бандитских тайников в Чечне, оказались бумаги, касающиеся нападения террористов на Вашингтон и Нью-Йорк 11 сентября 2001 года. Сегодня уже стало известно, что за цепью этих событий стояли и стоят террористические объединения (в мире их насчитывается более 500) наподобие «Международного исламского фронта джихад против иудеев и крестоносцев» и его военного крыла — организации «Аль-Каида» под предводительством Усамы бен Ладена.

«Особая папка»

Хроника событий

Август 2001 года

Решение о ликвидации Рамзана Ахмадова было принято Хаттабом в связи с тем, что популярность Рамзана Ахмадова среди боевиков в последнее время значительно возросла и в борьбе за лидерство в чеченском бандсопротивлении он становился опасным конкурентом для не участвующего в боевых действиях Ш. Басаева. Выполняя заказ зарубежных исламских экстремистских организаций «Аль-Харамейн» и «Братья-мусульмане», Хаттаб последовательно продвигает Ш. Басаева на роль единоличного политического и военного лидера Ичкерии. В связи с гибелью Арби Бараева и Магомеда Цагараева Хаттаб намерен усилить влияние Якуба в западной зоне Чечни, а в связи с пребыванием бандформирований Якуба в г. Грозном — ограничить позиции Ризвана Ахмадова. Зная о независимой позиции Ризвана Ахмадова и его брата Увайса, Хаттаб допускает возможность физической ликвидации Ахмадова в том случае, если тот будет представлять опасность для Ш. Басаева в качестве

политического конкурента. Рамзана Ахмадова по заданию Хаттаба ликвидировал араб Якуб, который в начале 2001 года был представителем Хаттаба в отряде Рамзана Ахмадова.

Сентябрь 2001 года

В ходе проведения спецоперации в г. Аргун при оказании вооруженного сопротивления федеральным силам был задержан один из лидеров аргунского джамаата Хатаев Рамзан.

Хатаев РС. является связным Хаттаба и Басаева, а также полевого командира Абу аль-Валида.

По словам задержанного, в последнее время в чеченских бандформированиях хронически испытываются перебои с финансированием их террористической деятельности. Причина этих перебоев заключается в том, что собранные в арабских странах для боевиков деньги при пересылке в Чечню систематически разворовываются, сначала функционерами организации «Братья-мусульмане», а оставшуюся часть присваивает себе Хаттаб. Затем деньги передаются другим арабским наемникам — полевым командирам. Чеченцам (и полевым командирам, и тем более рядовым боевикам) выдается лишь их мизерная часть, и то с периодичностью один раз в два месяца. Их семьи едва сводят концы с концами.

Например, как утверждает Р. Хатаев, 2 сентября полевой командир Абу аль-Валид пытался выяснить местонахождение денег, выделенных его группе на проведение диверсионно-террористических акций. Первоначально Абу аль-Валиду было сообщено о выделении ему 4,6 миллиона риалов Саудовской Аравии (более 1 миллиона долларов США), однако затем его поставили перед фактом: пришедшая сумма составляет всего 3,5 миллиона риалов. При этом Хаттаб, в адрес которого поступили деньги, как бы устранился от расследования, демонстрируя внешнее безразличие к происходящему. Такие функционеры организации «Братья-мусульмане», как шейхи Салех, Абу Рабиа, Абу Малик и Суфьян, отвечающие за распределение денег в организации и занимавшиеся снятием этой суммы с банковских счетов и отправкой денег в Чечню, кивают друг на друга и не дают точного ответа на вопрос: куда делись 1,1 миллиона риалов (около 300 тысяч долларов)? Возможно, воровство было совершено ими в сговоре с Хаттабом. Подобное положение вещей крайне возмущает арабов-наемников, находящихся в Чечне, и других полевых командиров, так как им лично достается меньше денег, чем они намеревались «прикарманить». Кроме того, как признает Абу аль-Валид, из-за отсутствия денег падает боевой дух боевиков и срываются запланированные ими акции.

Э. Хаттаб лично знаком с международным террористом № 1 Усамой бен Ладеном. На протяжении многих лет эти известные международные террористы для координации своих действий поддерживают тесные взаимоотношения. Связующим звеном между ними стала организация «Братья-мусульмане», одним из спонсоров и руководителей которой является Усама бен Ладен. Данная организация и ряд других подобных ей продолжают финансировать бандформирования боевиков в Чеченской Республике. Практически все финансовые средства, приходящие в Чечню от «Братьев-мусульман», присваиваются Э. Хаттабом, который распределяет деньги между полевыми командирами. Естественно, что такое положение он мог занять лишь благодаря поддержке Усамы бен Ладена.

В настоящее время А. Масхадов скрывается на территории Ингушетии. Практически лишившись поддержки своих людей, думающих прежде всего о личной безопасности, он спешно покинул пределы Чечни. Известно, что в ходе последних спецопераций на территории Курчалоевского района республики банформированию А. Масхадова был нанесен невосполнимый урон. В частности, около 20 бандитов уничтожено и почти 40 задержаны — имеется достаточно оснований подозревать их в причастности к незаконным вооруженным формированиям.

Кроме того, бегство А. Масхадова вызвано тем, что в свете последних событий, произошедших в мире (теракты в США 11 сентября), многие его сторонники и он сам обоснованно опасаются решительных действий со стороны федеральных сил, направленных на пресечение актов терроризма и бандитизма в Чеченской Республике.

В Ножай-Юртовском и Веденском районах обнаружено несколько могил. При их раскапывании было установлено, что они являются скрытыми захоронениями боевиков. В процессе осмотра трупов по ряду признаков также установлено, что в них захоронены арабы-наемники. На телах имеются различные повреждения, нанесенные осколками от разорвавшихся снарядов и авиабомб. Все трупы имеют пулевые отверстия в затылочной части черепа. Данное обстоятельство однозначно указывает на то, что они были своими же «соратниками» добиты контрольными выстрелами.

Главари бандформирований, скрывающиеся от федеральных сил на территории указанных выше районов (а это в основном арабы-наемники и чеченцы, исповедывающие ваххабизм),

добивают раненых арабов, так как они не могут быть помещены в местные больницы, куда обычно под благовидным предлогом доставляют боевиков-чеченцев. Нахождение в больнице арабов чревато тем, что они сразу попадут в поле зрения правоохранительных структур.

В базовых лагерях боевиков сегодня нет врачей, нет специальных лекарственных препаратов и надлежащего медицинского оборудования. По этим причинам раненым не может быть оказана квалифицированная медицинская помощь. В этой связи главари бандформирований из «гуманных» побуждений — с целью избавления раненых арабов-наемников от страданий — добивают их.

По имеющимся данным, в настоящее время в бангруппировках насчитывается все же значительное число раненых арабов. Возможно, речь идет о нескольких десятках наемников, получивших ранения и увечья в ходе спецопераций.

Количество арабов-наемников сокращается из-за того, что они, видя неподготовленность переходов на границе, опасаются подвергнуться уничтожению. Но самое главное для наемников — они так и не получили обещанных «за работу» денег.

Продолжается работа по выявлению и задержанию боевиков из бандформирования А. Масхадова, пытавшихся развязать 17 сентября боевые действия в г. Гудермесе.

Как стало известно из допросов задержанных ранее боевиков, проведение этой акции в г. Гудермесе было вызвано несколькими причинами. Вот их суть.

Террористическая деятельность боевиков в Чечне, Палестине, США и в других точках земного шара финансируется такими исламистскими организациями, как, например, «Братья-мусульмане», которые, в свою очередь, получают деньги от ряда арабских шейхов и Усамы бен Ладена. Осуществляя финансирование, эти организации следят за эффективностью и целенаправленностью использования выделяемых ими средств. Естественно, что наибольшую часть денег они направляют тем террористическим группам, чьи акции произвели наибольший эффект и привлекли внимание мировой общественности.

До последнего времени главари бандформирований, находящихся в Чечне, представляли себя единственными, кто ведет настоящую войну против «неверных», и под этим предлогом требовали все больше и больше денег якобы для продолжения военных действий. В действительности большая часть этих средств ими разворовывалась и присваивалась, что и послужило причиной срыва весенне-летней кампании боевиков в Чечне.

Однако после совершенного 11 сентября в США теракта ситуация резко изменилась. Возникла реальная угроза, что теперь большую часть денег исламистские организации направят террористическим группам, действующим на территории США и Западной Европы. Это приведет к резкому снижению финансирования бандгрупп в Чечне, особенно в преддверии зимы.

Подобное развитие ситуации крайне невыгодно для главарей бовиков, действующих в Чеченской Республике. Именно по этой причине они и осуществили акцию в г. Гудермесе, опасаясь потерять значительную часть выделяемых им денег и стремясь показать своим «спонсорам», что ведут эффективную борьбу с «неверными».

Проведя эту террористическую акцию, главари бандформирований тут же начали требовать дополнительных денежных средств от организации «Братья-мусульмане», объясняя это сложностью обстановки в Чечне.

Таким образом, очевидно, что за попыткой предпринять боевые действия в г. Гудермесе стоит не «священная война» против «неверных», как это преподносят главари незаконных вооруженных формирований, а страх потерять в будущем крупные суммы денег, большую часть из которых можно будет положить себе в карман.

В ходе проведения одной из спецопераций в г. Аргун был задержан один из лидеров аргунского джамаата Рамзан Хатаев. Он является связником Хаттаба и Басаева, а также полевого командира Абу аль-Валида.

В начале сентября Абу аль-Валид лично занимался розыском исчезнувшего 1,1 миллиона риалов Саудовской Аравии из 4,6 миллиона, направленных ему через Э. Хаттаба.

В ходе так называемого расследования Абу аль-Валиду так и не удалось сколько-нибудь прояснить ситуацию.

В настоящее время отношения между Э. Хаттабом и полевым командиром Абу аль-Валидом крайне обострились. Это связано не только с «расследованием», но и с тем, что Абу аль-Валид не оставляет попыток занять место Э. Хаттаба и таким образом хочет сам получить доступ к распределению финансовых средств, направляемых в Чечню исламистскими организациями на продолжение боевых действий.

Не исключено, что в этих условиях Абу аль-Валид заинтересован в предании гласности многочисленных фактов расхищения денег Э. Хаттабом. После терактов в США Абу аль-Валиду также выгодна пропагандистская антихаттабовская акция — если СМИ будут часто упоминать о тесных связях Э. Хаттаба с

Усамой бен Ладеном.

Кроме того, Абу аль-Валид стремится повысить свой авторитет среди других полевых командиров, увеличивая размер вознаграждения боевикам за проведение терактов.

Подобные его действия вызвали недовольство со стороны Э. Хаттаба, который в разговоре с Белалом открыто пригрозил и ему, и Абу аль-Валиду расправой за планируемый заговор. Угроза имеет под собой реальное основание, так как Абу аль-Валид постоянно выходит на связь с функционерами организации «Братья-мусульмане» и пытается следить за распределением денег, то есть за соответствием выделенных и полученных сумм, что никак не устраивает Э. Хаттаба, потому что это ограничивает его возможности присваивать значительную часть средств.

В настоящее время Хаттаб начал активно готовить свой уход из Чечни за рубеж. За тот период, пока он находился в республике, ему удалось накопить значительную сумму денег, разворовывая и присваивая финансовые средства, направляемые зарубежными исламистскими организациями на продолжение боевых действий в Чечне. Не исключено, что эта сумма составляет несколько сотен миллионов долларов США.

Однако для того, чтобы уйти тихо и незаметно, ему необходимо убрать тех, кто знает о его конкретных махинациях и местах в тех странах, где он может скрыться. Именно по этой причине Хаттаб под прикрытием соответствущей легенды и через сложную систему посредников «сдал» федеральным силам Абу Дарра, информировав их о его местонахождении в Цоци-Юрт. Он был в среде незаконных вооруженных формирований авторитетен не менее, чем одиозный Ш. Басаев. Абу Дарр, один из немногих чеченцев, принявших ваххабизм, был долгое время приближенным Хаттаба. 1 7 мая в ходе спецоперации Абу Дарр был уничтожен. 24 июня в Алхан-Кала Хаттаб устранил полевого командира чеченца Арби Бараева.

Затем пришла очередь араба-наемника Абу Умара, которого убили 11 июля в Майртупе. Как известно, Абу Умар занимался распределением финансовых и материальных средств, поступающих для боевиков из-за рубежа, и, естественно, знал о делишках Хаттаба.

30 сентября в Старых Атагах федеральными силами был убит в перестрелке другой полевой командир — Абу Якуб. Этот араб-наемник также входил в ближайшее окружение Хаттаба и знал о воровстве и многих других его неблаговидных делах.

На место убитого Абу Умара Хаттаб назначил Абу Сайяха. Учитывая то, что Абу Сайях находится и действует в том же Майртупе Курчалоевского района, то есть где и его

предшественник, можно предположить, что в недалеком будущем он может разделить судьбу Абу Умара. Очевидно, что Хаттаб просто «подставляет» Абу Сайяха, требуя от него и других арабов активизации террористической деятельности в Курчалоевском и Шалинском районах. Практика показывает, что как только в каком-либо районе происходит активизация боевиков, так сразу же федеральные силы начинают там блокировать села и проводить спецоперации.

Незавидная участь, вероятно, ждет и Шамиля Басаева — как наиболее осведомленную о Хаттабе личность.

Таким образом, можно проследить четкую последовательность, с которой ликвидируются люди из ближайшего окружения Хаттаба. Причем все делается руками федеральных сил, сам Хаттаб оказывается как бы непричастным к ликвидациям.

Надо учесть еще один факт. Хаттаб пошел на явное обострение отношений с Мовлади Удуговым, отказав тому в денежной помощи на проведение информационно-пропагандистских кампаний. При этом заявил, что он более в услугах Удугова не нуждается, пусть ищет себе работу у других.

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Хаттаб выразил крайнее недовольство деятельностью полевых командиров, действующих в ряде районов Чечни (именно тех, где все лето и начало осени идут спецоперации). Подобное поведение, абсолютно нехарактерное для Хаттаба, и легкость, с которой он осложняет отношения с ними и главным идеологом незаконных вооруженных формирований, свидетельствует о реальности планов Хаттаба уйти из Чечни в ближайшее время.

Все руководящие должности в структуре НВФ занимают арабы-наемники во главе с эмиром Хаттабом. Несмотря на острые противоречия с другими арабскими наемниками, вынашивающими замыслы его «подсидеть» (из-за дележа денег, поступающих из международных террористических организаций), Хаттаб пока продолжает удерживать лидерство и осуществляет фактическое руководство всеми бандформированиями.

Есть многочисленные подтверждения устойчивых связей Хаттаба с международным террористом № 1 — Усамой бен Ладеном, скрывающимся в Афганистане. В связи с начавшимися авиаракетными ударами по талибам Хаттаб обсуждал с «полевым командиром» Шамсутдином планы лидеров международных террористических организаций. Хаттаб сказал, что есть указание руководителей «Братьев-мусульман» и «Аль-Каиды» перенести войну на американскую землю. Вероятно, он имел в виду акцию с

распространением сибирской язвы в США.

Об акциях мести американцам на территории США также говорил заместитель Хаттаба — хитрый арабский наемник Абу аль-Валид (тот самый, который пытается его все время «подсидеть»). Возможно, он и Хаттаб имели в виду заражение американцев сибирской язвой.

Сам Хаттаб собирается на 2–3 года уехать в Афганистан, где будет воевать против американцев. Затем он планирует возвратиться вновь в Чечню и продолжить войну здесь, надеясь, что к тому времени изменится ситуация и к нему в банды пойдут новые рекруты.

Хаттаб считает, что реальная власть над боевиками в Чечне у него и только он может вести переговоры с федералами.

Хаттаб назвал Басаева отработанным материалом. По его мнению, в настоящее время Басаев, как и остальные чеченцы — Масхадов, Сулейменов (Бараев), братья Ахмадовы, Читигов и другие, — без Хаттаба ничего не стоят. Их удел — зимовать в горах, ждать его возвращения и денег, которые он может и не дать.

Хаттаб хвастался Шамсутдину, что если он захочет, то сам будет вести переговоры с Путиным, а не Масхадов или Шамиль.

Среди рядовых боевиков распространено мнение, что Гелаев, сбив ООНовский вертолет в Грузии и начав движение на Абхазию, хотел тем самым лично засветиться перед Усамой бен Ладеном. Он начал войну в Абхазии в поддержку терактов, проведенных в США. Надеется, что экстремистские исламистские организации будут ему давать большие деньги. Однако рядовые боевики-чеченцы считают, что этим Гелаев подписал себе смертный приговор. Теперь его ничто не спасет. По их мнению, то ли он сам до этого додумался, то ли Шеварднадзе толкнул его в Абхазию, для того чтобы руками Гелаева избавиться от Ардзинбы. Россия не даст им захватить Абхазию. В конце концов, русские с грузинами договорятся, Гелаева заблокируют и уничтожат. А бен Ладен и Хаттаб, как и «талибы», его бросят, им всем теперь не до Гелаева.

Чеченские боевики находятся в Афганистане у талибов. Правда, их не очень много. Это те, кто обучался в лагерях Усамы бен Ладена и «Талибана» минно-взрывному и военному делу. Они получили приказ Хаттаба остаться там и принять участие в джихаде против американцев.

В Чечне есть афганцы-талибы. Например, полевой командир с радиопозывным «Баруд». Настоящее имя его не известно. Здесь он находится где-то около года. В последнее время «Баруд» сильно переживает, что бомбили Урузган, вероятно, там проживают его

родичи.

«Баруд» регулярно спрашивает о положении в Афганистане функционера «Братьев-мусульман» в Грузии Абу Зияда (сменил Джабера) — у того, наверное, есть прямая телефонная связь с «Талибаном» или с «Аль-Каидой».

Нет сомнения, существует некий замкнутый круг международных террористических организаций и связь между их главарями:

Усама бен Ладен и его «Апь-Каида» плюс «Братья-мусульмане», совершившие теракты в США;

«Талибан» в Афганистане;

Хаттаб и Абу аль-Валид в Чечне, знающие о планах перенести войну на территорию США и готовые также выехать в Афганистан для участия в боевых действиях против американских войск.

Хаттаб из денег, поступавших для сепаратистов, наворовал и «сколотил» крупный капитал, а теперь готовится уйти из Чечни и, возможно, из исламского террористического сообщества. Для сокрытия своих грязных поступков и махинаций с деньгами он уничтожает арабов и чеченцев, осведомленных о расхищении им денег, поступающих от организации «Братья-мусульмане».

Хаттаб готовится уйти из Чечни и для этого руками федеральных сил уничтожает свидетелей, которые знают, когда и какие конкретно суммы денег он присвоил, а не распределил среди отрядов боевиков. Теперь настала очередь уничтожить Абу аль-Валида, как наиболее посвященного в хаттабовские махинации. С этой целью Абу аль-Валид по приказу Хаттаба назначается ответственным за зону южнее Грозного.

«Надежная основа»

С помощью «Аль-Каиды» («Надежной основы») террорист № 1 бен Ладен смог превратить терроризм в универсальный инструмент борьбы с влиянием Запада на исламский мир. Фактически «Аль-Каида» доказала, что даже одна организация способна почти на равных противостоять совокупной военной, политической, финансовой и идеологической мощи ведущих государств планеты. Она установила контроль или полностью подчинила себе множество террористических групп, прежде действовавших независимо друг от друга. Кроме того, «Аль-Каида» впервые уделила особое внимание идеологической и психологической подготовке боевиков. Их гибель при выполнении боевых задач перестала восприниматься как потеря, наоборот, она считается теперь своего рода привилегией. Организация бен Ладена также первой создала налаженную систему вербовки и подготовки своих членов. По данным ЦРУ, через ее тренировочные лагеря в Афганистане за 1989–2001 годы прошло от 25 до 100 тысяч рекрутов. Аналогичные лагеря были созданы в Судане, на Кавказе, Балканах, во многих государствах Ближнего и Дальнего Востока. В результате ячейки террористической организации ныне обнаружены уже в 34 странах. Появление значительных специально подготовленных групп террористов-наемников способствовало резкому повышению уровня профессионализма боевиков. Деятельность террористических группировок все чаще стала характеризоваться наличием новейшего вооружения, продуманной организацией, дифференцированной структурой, тщательной разработкой тактики действий, детальнейшей подготовкой к операциям, включающей всестороннее изучение намеченных жертв, репетиции, предварительный хронометраж, тыловое обеспечение.

На территории СССР «Аль-Каида» начала действовать с конца 1980 года, когда основала свой офис в Баку, для того чтобы поддержать Азербайджан в войне с Арменией за контроль над Нагорным Карабахом. Так, в сентябре 1993 года в Азербайджан прибыли около полутора тысяч афганских моджахедов. Когда же бывший генерал-майор советских ВВС Джохар Дудаев фактически совершил в Чечне государственный переворот, «Аль-Каида» проникла и на территорию России. После окончания армяно-азербайджанской войны ряд афганских моджахедов присоединился к чеченским боевикам.

Тесные связи с «Аль-Каидой» наладил Шамиль Басаев, пройдя подготовку в Афганистане. В августе 1995 года из 6 тысяч

иностранных наемников, воевавших против российских войск в Чечне, 300 были «афганскими арабами» (выходцами из арабских стран, имевшими боевой опыт войны в Афганистане против советских войск). К ним присоединились опытные моджахеды из Боснии и Герцеговины и Азербайджана. Чеченских боевиков прямо или косвенно поддерживали разведслужбы Саудовской Аравии, Ливана и Ирана. Вскоре Усама бен Ладен установил тесные идеологические, технологические и финансовые связи с Хаттабом. Кроме присутствия в Чечне арабских наемников, несколько сот чеченцев тренировались в афганских лагерях «Аль-Каиды».

Кстати, по сведениям компетентных иорданских источников, инициаторами московского теракта в Театральном центре на Дубровке были несколько высокопоставленных членов руководства международной организации «Братья-мусульмане».

«Особая папка»

Хроника событий

Ноябрь 2001 года

Главари международного терроризма Усама бен Ладен и Мулла Омар, а также Э. Хаттаб повинны в гибели тех чеченцев и их семей, которых они обратили в ваххабизм и заставили перебраться в Афганистан.

По указанию Э. Хаттаба, Абу аль-Валида и функционеров организации «Братья-мусульмане» с территории Чеченской Республики в Афганистан в период с 1995 по 1999 год было вывезено значительное число чеченцев и их семей. Все это осуществлялось главарями международных экстремистских организаций в целях признания их мировой общественностью как реальной политической силы, а также для создания видимости так называемого «объединения стран и регионов», оказавшихся под их властью. Со временем практически все юноши и мужчины в Афганистане были включены в «вооруженные силы Талибана».

По имеющейся достоверной информации, с 10 по 20 ноября 2001 года в Афганистане погибло около 100 чеченцев. Есть убитые и раненые среди их семей. Более 100 боевиков-чеченцев взяты в плен. По всей видимости, они будут уничтожены. Более 300 чеченцев, находящихся в составе отрядов Талибан, заблокированы в районе Кандагара. Участь их также предрешена.

Чеченцы в очередной раз оказались игрушкой в руках арабских экстремистов.

Абу аль-Валид, втайне от Хаттаба, контактирует с Абу Рабиа (функционером организации «Братья-мусульмане»).

Абу Рабиа находится в Азербайджане и Грузии, имеет тесные контакты с представителями ЦРУ, изыскивающими пути выхода на Усаму бен Ладена через арабских наемников и других террористов-боевиков в Чечне.

Абу аль-Валид в целях личного обогащения намеревается стать ключевой фигурой незаконных вооруженных формирований в Чечне. Он стремится единолично получать и распределять деньги, поступающие от зарубежных исламистских организаций. Для этого ищет способы сместить Хаттаба с поста лидера НВФ в Чечне.

Немалый капитал Абу аль-Валид уже накопил, так как имеет определенное отношение к распределению финансов между бандгруппировками.

Однако существует риск быть уничтоженным Хаттабом.

Абу аль-Валид готовит пути своего отступления. Тем более об этом ему пора думать в связи с тем, что ситуация осложнилась из-за проведения США, Великобританией и другими странами операции в Афганистане. Это обстоятельство фактически развязало руки федеральным силам в Чечне. В настоящее время они регулярно и жестко проводят специальные операции. Их цель — уничтожить главарей НВФ, в первую очередь — арабских наемников.

Абу аль-Валид для обеспечения своей безопасности принял упреждающие меры. Он договорился с Абу Рабиа, и тот подготовил ему документы, гражданскую одежду и маршрут прохода в Грузию.

Нельзя исключать, что Абу аль-Валид в целях личной безопасности и при посредничестве Абу Рабиа установил контакты с ЦРУ.

Ряд специальных операций, которые проводили федеральные силы в Чечне в июне-сентябре 2001 года, осуществились с учетом информации, предоставленной задержанными боевиками. В их числе операция по уничтожению Арби Бараева в Алхан-Кале. Другой пример — уничтожение сотрудниками чеченской милиции Магомеда Цагараева, который прибыл в Чечню по каналу, находящемуся под контролем МВД Республики Дагестан. На картах задержанные смогли указать места расположения баз НВФ, по которым наносились авиационно-штурмовые и артиллерийские удары.

Э. Хаттаб реально продолжает занимать главенствующее

положение в структуре НВФ. Поддерживает устойчивые связи с Усамой бен Ладеном и другими международными террористами.

Так, ближайший хаттабовский подручный Абу Сайях (радиопозывной «Ярмук») выяснял обстоятельства совершенного в начале ноября 2001 года теракта в США, когда на жилой квартал Нью-Йорка рухнул пассажирский самолет А-300. Теракт вызвал значительное количество жертв. По заверению Шейха Шаграна (полевого командира и функционера организации «Братья-мусульмане»), самолет А-300 упал в результате теракта, совершенного их людьми, находящимися в США. Им с помощью преступных связей удалось осуществить заправку самолета некондиционным топливом, которое вывело из строя топливную аппаратуру.

Другой ближайший хаттабовский подручный Абу аль-Валид (радиопозывной «Салахатдин») в разговоре с тем же Шаграном обсуждал обстоятельства гибели в Афганистане их общего знакомого, преступника Дженноя. Дженной погиб вместе с двенадцатью другими арабами-моджахедами в конце окятбря.

Э. Хаттаб в решении различных вопросов руководствуется личной выгодой. Определенные льготные условия, опять же с точки зрения личной выгоды, создает наемникам-ара-бам и афганцам, находящимся в его ближайшем окружении. В то же время рядовые боевики-чеченцы, тем более раненые, для него не представляют никакой ценности. Раненый боевик-чеченец — это «отработанный материал». Например, в последних числах октября чеченец с радиопозывным «Салех» получил ранение в ногу. Ему не была своевременно оказана медицинская помощь. Началась гангрена. Находившиеся рядом медработники, не имевшие ни достаточной квалификации, ни необходимых медикаментов, вынуждены были несколько раз по частям ампутировать ногу. Э. Хаттаб на это заявил буквально следующее: «У меня на базовом лагере для Салеха нет места. Делайте с ним, что хотите, но здесь он не нужен. Пусть Тараки куда хочет, туда и отправляет. У нас тут нет возможности».

Несмотря на риск быть уничтоженным Хаттабом, Абу аль-Валид ищет и находит сторонников идеи смещения Хаттаба. Абу аль-Валид заручился поддержкой функционера исламистской экстремистской организации «Братья-мусульмане» Шаграна. Через другого функционера Абу Кутейбу («Бакара») шейхам передается информация об утрате Хаттабом контроля за обстановкой в Чечне и хищении им больших сумм денег, а также о крупных успехах федеральных сил в ликвидации бандформирований. Об этом свидетельствует сеанс радиосвязи, состоявшийся 11 ноября 2001 года между 14 и 15 часами. Абу

Кутейба в разговоре с Шаграном настойчиво продвигал мысль о том, что катастрофический спад боевой активности НВФ происходит по вине Хаттаба. Хаттаб присваивает значительную часть поступающих денег. Из-за этого не пополнятся ряды НВФ новыми боевиками, не приобретается в нужном количестве оружие и другое военное снаряжение.

Неопределенность политического поведения А. Масхадова, чередование его попыток достичь компромисса с Москвой с призывами к «джихаду до победного конца» свидетельствуют о крайне шатком положении «президента ЧРИ» в иерархии главарей сепаратистов. Подобная ситуация, чреватая полным отстранением А. Масхадова от управления банд-группами, заставляет его подыгрывать ваххабитскому крылу НВФ, предлагать наиболее изощренные методы борьбы с «российскими оккупантами и их пособниками», включающие применение отравляющих веществ.

В данном контексте следует рассматривать полученную летом 2001 года правоохранительными органами информацию о намерении подчиненного А. Масхадову «полевого командира» Р. Читигова (кличка «Американец») осуществить террористические акции с применением сильнодействующих ядов против федеральных сил и жителей Чеченской Республики, сотрудничающих с российскими властями. После опубликования в СМИ материалов о планах Р. Читигова А. Масхадов приказал ему временно отказаться от использования отравляющих веществ. Таким образом «президент ЧРИ» спасал свой имидж «цивилизованного политика», возглавляющего «национально-освободительную борьбу чеченского народа».

В декабре 2001 года «президент ЧРИ» использовал яд при «разборках» со своими оппонентами среди боевиков. Так, по его указанию продуктами из праздничных наборов, выдаваемых «моджахедам» по поводу окончания месяца Рамадан, был отравлен полевой командир НВФ Хаттаба Умарбеков (кличка «Зубайр», родственник Хаттаба по линии его жены-даргинки).

В конце марта 2002 г. в селе Бачи-Юрт (Курчалоевский район) федеральными силами обнаружен схрон НВФ А. Масхадова, в котором находилась крупная партия сильнодействующих ядов — сулимы и мышьяка, а также инструкции по их применению. 2 апреля 2002 года в поселке Новогрозненском (Гудермесский район) смертельное отравление мышьяком получили несовершеннолетние жители Хамидов Ислам Исмаилович, 1992 года рождения, Элисанов Резван Норманович, 1994 года рождения, и Дудаев Бесма-гомед

Асхудинович, 1994 года рождения. Дети случайно обнаружили тайник Вахида Мурдашева — «бригадного генерала» НВФ А. Масхадова. Наряду с оружием и боеприпасами в тайнике оказались упаковки отравленных сухофруктов, аналогичные тем, с помощью которых в декабре 2001 года был убит «Зубайр».

Политика «двойных стандартов»

В связи с глобализацией терроризма профилактические меры борьбы с ним, безусловно, должны основываться на единых международных законах. Увы, пока современному миру добиться этого не удалось.

После 11 сентября 2001 года Россия первой поддержала стремление Вашингтона и других государств покончить с терроризмом. При этом политики США, порой подменяющие борьбу с международным терроризмом стремлением решить собственные проблемы и попросту добиться определенных условий для реализации своих интересов, не всегда идут навстречу России. Двойные стандарты, применяемые сегодня в сфере борьбы с терроризмом, отнюдь не способствуют победе над этим злом. Например, у США давно есть свой «черный список» международных террористических организаций и их лидеров. Они не просто провозглашены «врагами Америки» — с ними ведется борьба, за информацию об их местонахождении США выплачивают денежные вознаграждения, счета подобных организаций и их членов замораживаются, а страны, замеченные в сотрудничестве с ними, автоматически заносятся в разряд «пособников терроризма» с соответствующими последствиями.

Однако те же чеченские боевики, которые, как неоднократно доказывалось Россией, являются составной частью мирового террористического фронта, в этот список попали (и то во многом условно) только после московских трагических событий октября 2002 года. До этого же террористами и бандитами они являлись лишь для России, а на Западе их нередко представляли «повстанцами», «борцами за независимость Ичкерии», принимали в высоких кабинетах и оказывали поддержку, в том числе и финансовую.

Яркий тому пример — проведение Данией сразу после теракта в Москве в октябре 2002 года «всемирного чеченского конгресса», на который съехались и представители тех бандитов, что трое суток держали в заложниках сотни мирных граждан, в том числе и иностранных. Тем не менее датские власти не только пошли на проведение в столице своего государства явно антироссийского сборища, но и, несмотря на представленные Генеральной прокуратурой РФ доказательства виновности, отказали России в экстрадиции объявленного нашей страной в международный розыск известного террориста Ахмеда Закаева — спецпредставителя Аслана Масхадова.

Отдельно следует сказать о политике двойных стандартов

относительно стран, «с территорий которых действует международный терроризм». Как известно, США считают основой международного террора и опасности «ось зла», куда входят государства, с которыми у России исторически сложились весьма тесные и взаимовыгодные торговые связи. Официальный Вашингтон, объявив эти страны «угрозой миру» и фактически поставив сотрудничество с ними «вне закона», наносит серьезный удар по интересам Москвы (типичный пример тому — ситуация вокруг Ирака). В то же время в США долго не хотели принять во внимание угрозу России со стороны международных террористов, окопавшихся на территории сопредельной Грузии, имеющей в силу целого ряда причин «особые» отношения с Америкой.

Тайны Панкисского ущелья

Еще в сентябре 2002 года Президент России В. В. Путин предъявил грузинскому руководству серьезные обвинения. Он упрекнул власти соседней страны в потворстве бандам международных террористов и предупредил Эдуарда Шеварднадзе и Совет безопасности ООН о том, что Российская Федерация оставляет за собой право на самооборону в случае угрозы ее безопасности со стороны чеченских бандитов и иностранных наемников, базирующихся на грузинской территории — в Панкиси.

Какие же тайны таит Панкисское ущелье Грузии?

Решительное противодействие российских властей бандам международных террористов в Чечне с применением регулярных войск и воинских формирований, прошедших специальную подготовку, заставили террористические организации перейти к стратегии использования террористами «дружественного государства» — Грузии в качестве тыла и базы для совершения рейдов на Россию. Есть немало документальных подтверждений того, что ряд чеченских полевых командиров использовали Панкисское ущелье как базу для лечения, отдыха и переформирования боевиков, а также для переправки в Чечню оружия и боеприпасов. Например, недавно обнародовано обращение Ш. Басаева к членам чеченских незаконных вооруженных формирований, находящихся в Грузии, где содержатся инструкции по проведению подрывной деятельности против России, задачи по подготовке боевиков и снабжению их оружием. В первую очередь ставится задача похищения людей с целью получения финансовых средств для закупок оружия, в основном зенитных ракетных комплексов «Стрела» и «Игла».

В течение ряда лет грузинские руководители заявляли, что в Грузию из Чечни переходили только старики, женщины и дети. На основании многочисленных свидетельств ясно: грузинские власти с самого начала знали, что это не так. Одной из задач пропаганды грузинского руководства, особенно в первые полгода после нападения террористов на Дагестан и начала военных действий в Чечне, было обеспечить благожелательное отношение к боевикам. Судя по многим признакам, такую благожелательность грузинское руководство стремилось довести до Масхадова, Хаттаба и Басаева. Примечательно, что Грузия не осудила нападение на Дагестан, несмотря на общую с ним границу. Очевидно, возобладала тенденция, определявшая Россию как «главного врага» Грузии, и посему предполагалось

положительное отношение к любой выступившей против нее силе. В грузинских СМИ, включая официальные, симпатии были явно на стороне боевиков, а антипатии к России переходили в откровенные.

Что же предопределило неблагоприятную для РФ и благожелательную для боевиков общую позицию грузинских властей, помимо изменений в политике Грузии, ее переориентации от Российской Федерации к Турции, США и НАТО? Есть немало признаков того, что грузинское руководство в начальный период боевых действий полагало вероятным поражение России: ведь проиграла же та, по мнению местных политиков, войну 1994–1996 годов. Когда же подобные предположения не оправдались, в Тбилиси не исключили в дальнейшем возможность такого урегулирования чеченской проблемы, которое, по сути, повторило бы опыт хасавюртских соглашений. Поэтому в отношениях с «Ичкерией» грузинская политика была направлена на задабривание чеченских полевых командиров, заигрывание с ними, декларирование своего нейтралитета на словах и помощь им на деле.

В первые месяцы после нападения на Дагестан сотрудничество грузинских руководителей с полевыми командирами едва скрывалось. В Тбилиси, полностью или частично, на деньги боевиков начали издаваться три газеты, возник чеченский информационный центр, а главное, было создано так называемое представительство чеченских сепаратистов, насчитывавшее одно время до ста сотрудников — то есть несопоставимо больше, чем посольство России. Несмотря на протесты из Москвы, официальные структуры Грузии, не говоря уже о частных СМИ, квалифицировали его не иначе как «представительство Чечни» или «представительство Республики Ичкерия». Сам представитель, Хизри Алдамов, стал подлинной звездой телеэкрана, получил доступ к руководству Грузии, напрямую встречался с министрами и руководителями ведомств.

На первый план все более стала выходить проблема Панкисского ущелья, где проживают чеченцы-кистинцы и куда устремились из Чечни вооруженные боевики. Сегодня, например, несмотря на введенный со стороны РФ визовый режим, грузинам проще попасть в Россию, чем в это ущелье. Долгое время вход сюда им был практически запрещен, исключений не делалось даже для журналистов и полицейских. Были случаи, когда их обстреливали и брали в заложники.

Всю Грузию потрясла история с художником Георгием Залиашвили. Его похитили в Панкисском ущелье и переправили в Чечню, где ровно год продержали в неволе. Пленника перевозили

с места на место в наручниках, а в домах приковывали к отопительной батарее или железному косяку. Постоянно избивали, чтобы сломить психологически и заставить написать родным письмо с просьбой собрать выкуп. И это несмотря на то, что Залиашвили был при З. Гамсахурдиа одним из наиболее убежденных сторонников «независимой» Чечни, считал ее стратегическим союзником Грузии в борьбе с «российским империализмом».

Он неоднократно бывал в Чечне, встречался с Дудаевым и Масхадовым, его хорошо знали многие полевые командиры.

И это далеко не единичный случай. Так, в августе 2000 года в Панкиси были похищены трое сотрудников грузинского отделения Международного комитета Красного Креста (МККК): гражданка Франции Софья Прокофьев, гражданка Италии Наташа Зуллино и их водитель Юрий Дарчиев. Красный Крест и власти Грузии забеспокоились, так как этот инцидент имел крайне негативный политический характер. Начались интенсивные переговоры с похитителями через посредников, и на десятый день похищенные были выпущены на свободу без всякого выкупа. Дело в том, что МККК заявил о прекращении гуманитарной помощи, без которой жителей Панкисского ущелья ждал неминуемый голод. Впрочем, не угроза голода подействовала на боевиков. Просто гуманитарная помощь стала хорошим источником доходов для мафиозных групп. Поэтому сотрудников МККК похитители освободили, в то время как другие заложники оставались в плену.

Если грузинской полиции ход в Панкиси был закрыт, то бойцы «самообороны» передвигались по всей Грузии свободнее, чем в Чечне. Грузия оказалась наводнена наркотиками, оружием, различной контрабандой, а гуманитарную помощь, предназначенную чеченским беженцам, открыто продавали на рынках в Ахмете и Телави.

Заигрывая с боевиками и не желая подтверждать российские заявления о наличии членов чеченских НВФ в Грузии, а также опровергать свои собственные утверждения о том, что из Чечни в Грузию попадают только «старики, женщины и дети», Тбилиси «до последнего держал оборону». Затем на официальном уровне было допущено, что в Панкиси свили гнездо криминальные элементы. Еще позднее Э. Шеварднадзе признал, что в ущелье, возможно, есть сотня-другая вооруженных боевиков. Даже когда в Тбилиси чеченскими бандитами были похищены испанские граждане, Э. Шеварднадзе заявил, что похищение является частью заговора, организованного… Россией. Будто бы та ищет возможность послать свои войска в Кахетию для уничтожения «чеченского

анклава», а заодно хочет удержать Тбилиси от сотрудничества с НАТО.

Про вторжение чеченских боевиков и грузинских партизан в Абхазию в начале октября 2001 года уже сказано немало. Сегодня известно, что люди Гелаева, оказавшиеся на грузинской территории после разгрома банды в чеченском селении Комсомольское, на казенных полицейских грузовиках вывозились из Панкиси, а затем спокойно шли по Кодорскому ущелью к Сухуми. Многие из них были переодеты в форму бойцов внутренних войск МВД Грузии. Выяснились подробности и того, как грузинские медики по личному указанию Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе нянчились с раненым Гелаевым. При попытке прорыва окружения в районе горы Сахарная Голова «дивизионный генерал» получил тяжелые осколочные ранения в живот и бедро. Его выносили на носилках к вертолету, берегли, как святыню. Гелаева переправили в госпиталь города Зугдиди, где сделали срочную операцию по удалению осколков. Причем врачам (группа медиков специально прибыла из грузинской столицы) была поставлена задача — спасти жизнь пациента любой ценой, ни в коем случае не разглашая его личность. О здоровье Гелаева регулярно справлялись по телефону из Тбилиси. А когда кризис миновал, «волшебник» в лице Шеварднадзе выделил «голубой вертолет» республиканского МВД, перенесший раненого в ставшую ему родной Сванетию.

Во время лечения Гелаева в Зугдиди местные жители были поражены наплывом большого количества вооруженных до зубов людей в камуфляже. Гелаева охраняли тройным кольцом совместные караулы из чеченцев и партизан — «лесных братьев». Плюс ко всему отдельно на посты выставили сотрудников МВД Грузии. Любовь грузинских партизан к террористу объясняется просто. Гелаев, направляясь в Абхазию, любезно принял в свой отряд людей, имеющих судимости. По странному стечению обстоятельств в смешанном чечено-грузинском отряде оказались уголовники, совершившие побег из грузинской колонии строгого режима 21 сентября 2001 года (успели как раз к началу боевых действий в Кодорском ущелье!). Кстати, по информации абхазских спецслужб, уголовникам просто пообещали свободу, если они свой криминальный позор смоют кровью в Абхазии. Неважно, чьей кровью. Но в «штрафных ротах» оказались никудышные бойцы: после первых же выстрелов они разбегались, бросая автоматы.

В ходе визита Эдуарда Шеварднадзе в США в 2001 году Вашингтон потребовал от Грузии активизации борьбы с террористами. И в канун 2002 года грузинский МИД сообщил о

прекращении финансирования чеченских беженцев и подготовке их переселения на родину. Наконец, министр безопасности Грузии Валерий Хабурзания признал, что в высокогорной части Панкисского ущелья на севере Грузии окопались около восьмисот вооруженных мятежников. Около ста из них — арабские наемники, среди которых есть «как граждане арабских стран, так и других государств… Некоторая часть арабов, находящихся в Панкисском ущелье, в прошлом поддерживала связь с Хаттабом», — отметил он. По словам Хабурзания, большинство боевиков проникли в Панкиси из Чечни по труднодоступным горным тропам, другие приехали под видом представителей гуманитарных и религиозных организаций, третьи — в качестве педагогов, якобы работающих в колледжах в ущелье. Власти Грузии, как отметил Хабурзания, оказывают давление на мятежников, требуя от них либо сложить оружие, либо покинуть страну. И все-таки министр считал, что для достижения этой цели «совсем не обязательно проводить специальную операцию».

Кстати, помимо Панкисского ущелья, чеченские, арабские и другие боевики находились также в Сванетии, в Горийском районе, в приграничной полосе Южной Осетии — осетинских селах, занятых грузинами в ходе конфликта в начале 1990-х годов.

Тем временем обстановка в кистинских селениях Панкисского ущелья обострилась, виной чему стали продолжающиеся похищения людей. В конце 2001 года из плена удалось-таки освободить двух испанских бизнесменов. Их родственникам пришлось выплатить выкуп. Иностранцев держали впроголодь в зиндане и периодически избивали.

И в Тбилиси запланировали наконец начать полицейскую операцию в криминальном регионе. В этом Грузию поддержали США. В феврале-марте 2002 года они предоставили материально-техническую помощь грузинским силовикам и прислали инструкторов из-за океана. В МВД Грузии даже разрабатывался план переноса блокпостов в глубь ущелья. Однако власти не спешили с началом активных действий. В Тбилиси прекрасно понимали, что при зачистке Панкисского ущелья придется столкнуться с чеченскими боевиками. «Ичкерийский представитель» в Грузии Хизри Алдамов даже предупредил, что любая акция по отправке беженцев в Чечню будет приравниваться к геноциду и встретит отпор. Нежелание покидать грузинскую территорию выразили и боевики полевого командира Руслана Гелаева. Это подтвердил украинский наемник из банды Гелаева Сергей Гладкевич, который был задержан на КПП «Верхний Ларе». Наемник сообщил о секретном соглашении между

департаментом внешней разведки Грузии и Гелаевым, согласно которому отряд этого полевого командира будет находиться в Панкисском ущелье, предоставляя грузинской стороне своих людей для секретных операций.

…Таков фон, на котором Э. Шеварднадзе, назвавший Гелаева чуть ли не побратимом, неоднократно уверял Россию, что на территории Грузии принимаются меры против боевиков. И в доказательство объявил-таки о проведении антикриминальной операции, вылившейся в обыкновенное театрализованное шоу. Министр обороны РФ Сергей Иванов так оценил это действо грузинских силовиков в Панкиси: «За сценическое искусство, режиссуру и актерское мастерство ставлю им оценку «отлично», а за эффективность — «неудовлетворительно» (ближе к нулю!)».

Увы, ни после сентябрьского (2002 года) заявления Президента РФ, ни после его встречи в том же году с Э. Шеварднадзе на октябрьском саммите глав государств СНГ в Кишиневе террористы в Грузии так и не были разоружены. Ситуация медленно, но, кажется, начала меняться лишь после освобождения заложников, удерживавшихся бандой Бараева в Театральном центре в Москве (кстати, по некоторым данным, отряд Мовсара Бараева прошел подготовку именно в Панкисском ущелье). Президент Грузии Эдуард Шеварднадзе сразу понял, чем все может обернуться для его страны. Именно поэтому он раньше других позвонил Путину после штурма Театрального центра и выразил свою солидарность. А буквально через несколько дней в Тбилиси было наконец закрыто «представительство Чеченской Республики Ичкерия»…

«Особая папка»

Хроника событий

Январь 2002 года

В конце декабря 2001 года в Стамбуле (Турция) состоялась встреча масхадовских эмиссаров Ахмеда Закаева, Хизри Алдамова и Саида Хачукаева с Зелимханом Яндарбиевым и Мовлади Удуговым. Встреча организована З. Яндарбиевым и М. Удуговым по указанию «Совета по Чечне» организации «Братья-мусульмане». Целью мероприятия было обсуждение перспектив взаимодействия замкнутых на Ш. Басаева и Хаттаба ваххабитских «джамаатов» Чечни с бандформированиями А. Масхадова.

Группа А. Закаева крайне враждебно восприняла предложенную З. Яндарбиевым и М. Удуговым для обсуждения

тему. От имени А. Масхадова А. Закаев заявил, что речь может идти не о взаимодействии, а только о полном подчинении НВФ Ш. Басаева и Хаттаба «президенту ЧРИ». Кроме того, представители А. Масхадова через М. Удугова и З. Яндарбиева передали «Высшему Военному Меджлису-Шуре» (руководители — Ш. Басаев и Хаттаб) требование «президента ЧРИ» об официальном признании продления его полномочий до окончания военных действий в Чечне.

В ходе встречи З. Яндарбиев и М. Удугов попытались договориться о помощи со стороны зарубежных масхадовских «представительств ЧРИ» функционерам исламских организаций в сборе денежных средств для НВФ на территории Грузии и Азербайджана. Данное предложение также было отвергнуто группой А. Закаева. Более того, представители «президента ЧРИ» пообещали убить людей З. Яндарбиева и М. Удугова в случае их появления в Баку и Тбилиси, так как крупные населенные пункты Азербайджана и Грузии масхадовские эмиссары считают зоной исключительно своего влияния.

Санкционированный А. Масхадовым демонстративный отказ его представителей от сотрудничества с З. Яндарбиевым и М. Удуговым обусловлен стремлением «президента ЧРИ» начать политический диалог с Москвой при посредничестве ПАСЕ и ОБСЕ. Для этого А. Масхадову необходимо дистанцироваться от одиозных полевых командиров Ш. Басаева и Хаттаба и избегать компрометирующих его перед Западом зарубежных контактов с находящимися в международном розыске З. Яндарбиевым и М. Удуговым.

В связи с резким сокращением финансирования из-за рубежа бандформирований сепаратистов после событий 11 сентября 2001 года «борцы за независимость Ичкерии» стали заниматься «самообеспечением». Жертвами таких преступлений боевиков, как мародерство, вооруженный грабеж, вымогательство и захват заложников наряду с руководителями предприятий и бизнесменами становятся рядовые жители Чеченской Республики. Зачастую грабежи сопровождаются вооруженным насилием и убийствами. При этом, стремясь дискредитировать политику федерального центра в Чеченской Республике, сепаратисты зачастую используют в преступных целях форму российских военнослужащих.

Криминальный «беспредел» боевиков, сопровождаемый похищениями и убийствами мирных граждан, вызывает негативную реакцию населения, осознающего уголовную

сущность «воинов джихада». В последнее время жители Чеченской Республики все чаще оказывают вооруженный отпор бандитам и помогают федеральным силам в их поиске и нейтрализации.

16 января у села Бачи-Юрт (Курчалоевский район) при содействии местных жителей уничтожен близкий к Хаттабу полевой командир Ойбек Рахимов («Узбек»), банда которого, переодевшись в российскую военную форму, занималась грабежами и убийствами мирного населения. Одновременно с ликвидацией «Узбека» на окраине села Автуры (Шалинский район) родственниками были тайно захоронены боевики Хаттаба Юсуп Ибаков и Бакар Зайрханов, совершившие 7 января 2002 года в селе Автуры вооруженное ограбление и убийство Товтакаевой Асет Малаевны и ее дочери Товтакаевой Зулихан. Жители села Автуры запретили хоронить Ю. Ибакова и Б. Зайрханова на кладбище мусульман, над ними не совершались «тазият» и «джаназа намаз» (поминальная молитва). 29 января 2002 года в селе Майртуп (Курчалоевский район) при попытке разбойного нападения убит один из пособников «Узбека» Магомед Довлетмурзаев, который, так же как и его покойный «амир», под видом военнослужащего федеральных сил грабил жителей Курчалоевского района.

Активная помощь жителей Чечни в ликвидации уголовных преступников из числа боевиков говорит о несостоятельности тезиса некоторых либеральных СМИ о создании федеральными силами неких «эскадронов смерти», терроризирующих мирное население Чеченской Республики. Именно банды международных террористов, ставших обычными грабителями и убийцами, и являются сегодня такими «эскадронами смерти».

Между двумя руководителями ВВМШ «сводными братьями» Хаттабом и Ш. Басаевым имеются серьезные финансовые противоречия. Каждый претендует на право единоличного контроля за каналами поступления зарубежных денежных средств для НВФ.

Вопросами финансирования бандитов занимаются как дагестанские родственники Хаттаба по линии его жены-даргинки, так и родственники Ш. Басаева. До недавнего времени в этой сфере был задействован отец Ш. Басаева Салман, причем зачастую его мнение становилось решающим для «амира ВВМШ» Ш. Басаева.

Влияние С. Басаева на финансовые дела бандформирований вызывало раздражение как у Хаттаба, так и у отца его жены Магомеда Бидагова, бывшего лидера ваххабитской общины села Карамахи (Дагестан), претендующего на роль главного «казначея»

НВФ. В результате было принято решение о ликвидации Басаева-старшего руками федеральных сил. По указанию Хаттаба и М. Бидагова убийство С. Басаева было организовано полевым командиром-дагестанцем Раппани Халиловым.

12 января 2002 года в ходе спецоперации федеральных сил в селе Ахкинчу-Борзой людьми Р. Халилова была спровоцирована перестрелка с федералами, в ходе которой были убиты С. Басаев и два его охранника чеченца. При этом боевики дагестанцы не пострадали и беспрепятственно скрылись с места происшествия.

Достоверно известно, что бывший хозяин дома, где жил отец Басаева, и его ближайший сосед — выходцы из дагестанского села Анди (аварцы).

В январе «моджахедами» Хаттаба и Ш. Басаева совершен ряд убийств мирных жителей Чеченской Республики. Так, 5 января 2002 года в селе Дышне-Ведено (Веденский район ЧР) убит начальник сельскохозяйственного управления Веденского района Габашев Имран Баудинович, у которого боевики вымогали крупную сумму на «джихад». Вместе с ним убиты его отец Габашев Бауди Нунуевич и 10-летний сын Габашев Расул Имранович. 7 января 2002 года бандой Ризвана Читигова в селе Автуры (Шалинский район ЧР) совершено убийство Товтакаевой Асет Малаевны и ее дочери Товтакаевой Зулихан Вахаевны. Боевики, планировавшие вооруженное ограбление своих жертв, были осведомлены об отсутствии мужчин в доме Товтакаевых. 11 января 2002 года на центральном рынке г. Грозного «моджахедами» НВФ Хаттаба совершено убийство с целью ограбления предпринимателя Дашаева Салмана Салитхановича.

Совершаемые членами НВФ корыстные преступления вызывают негативную реакцию населения Чеченской Республики. «Воины джихада» воспринимаются гражданами как уголовники, убийцы и грабители. Кроме того, информация о криминальных «подвигах» боевиков доходит до их зарубежных спонсоров из организации «Братья-мусульмане».

Возглавляемый Хаттабом и Ш. Басаевым «Высший военный меджпис-шура» (ВВМШ) объявил жертв январских разбойных нападений боевиков «национал-предателями», якобы казненными по приговору Верховного шариатского суда при ВВМШ. С этой целью в республике распространено обращение ВВМШ, в котором Габашев И. Б., Товтакаева А. М. и Дашаев С. С. обвиняются в сотрудничестве с российскими «оккупационными властями».

Подводя идеологическую базу под уголовные преступления своих подчиненных, главари НВФ решают следующие задачи:

— пытаются спасти имидж террористов в глазах населения

республики;

— демонстрируют организации «Братья-мусульмане» боевую активность и убеждают шейхов увеличить объемы финансирования бандформирований;

— стремятся избежать кровной мести со стороны родственников убитых боевиками мирных жителей ЧР.

12 января 2002 года в ходе спецоперации федеральных сил в селе Ахкинчу-Борзой людьми Р. Халилова была спровоцирована перестрелка с федералами, в ходе которой были убиты С. Басаев и два его охранника-чеченца. При этом боевики-дагестанцы не пострадали и беспрепятственно скрылись с места происшествия.

Достоверно известно, что бывший хозяин дома, где жил отец Басаева, и его ближайший сосед — выходцы из дагестанского села Анди (аварцы).

После событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке власти Турции были вынуждены ужесточить позицию по отношению к находящимся на их территории «ичкерийским» эмиссарам и турецким общественно-политическим организациям, оказывающим финансовую и пропагандистскую помощь боевикам. Трансформация взглядов Анкары на «чеченский вопрос» обусловлена влиянием США, заинтересованных в поддержке Россией контртеррористической операции в Афганистане.

В декабре 2001 года президент Турецкой Республики Северный Кипр (ТРСК) Р. Денгташ ответил отказом на просьбу «Чеченского комитета по правам человека» об открытии на территории ТРСК филиала «Комитета» и организации сбора денежных средств для боевиков. Кроме того, осенью-зимой 2001 года власти Турции серьезно ограничили антироссийскую активность «Комитета кавказско-чеченской солидарности», «Организации освобождения Чечни», «Общественного фонда милосердия», фонда «Серхат» и других прочеченских организаций. В январе 2002 года Анкара запросила у Москвы экстрадиционное досье на идеолога чеченских НВФ М. Удугова и заявила о намерении выдать его России.

Действия турецкой стороны привели к серьезному сокращению транзита наемников, денег и оружия через территорию Турции на Северный Кавказ и вызвали болезненную реакцию сепаратистов. Близкий к Хаттабу арабский наемник Абу аль-Валид в заявлении по поводу окончания месяца Рамадан обвинил Турцию во враждебном отношении к исламу и близости к «иудеям и христианам». В распространенном накануне приезда в Чеченскую Республику делегации ПАСЕ «Обращении

А. Масхадова к народу ЧРИ» содержатся обвинения Анкары в «пособничестве геноциду чеченского народа».

В первой декаде января 2002 года в ходе спецоперации федеральных сил в Курчалоевском районе задержан Саламов Юнус Умарович, пособник НВФ, который был связником между Хаттабом, Ш. Басаевым и А. Масхадовым и «ичкерийскими» эмиссарами в Грузии и Турции. В ходе следствия от Ю. Саламова получена информация о планах политического и силового давления на турецкое руководство, разрабатываемых бандглаварями с целью заставить Анкару смягчить свою позицию по отношению к сепаратистам.

Согласно показаниям Ю. Саламова, с конца декабря 2001 года А. Масхадов через находящихся в Грузии пособников НВФ Хизира Алхазурова и Увайса Ахмадова активно контактирует с организациями «Серые волки», «Исламская партия благоденствия» и «Партия великого единства». Этим партиям отведена главная роль в запланированных на февраль 2002 года демонстрациях солидарности «турецких мусульман с чеченскими моджахедами», которые пройдут в крупных городах Турции.

Возглавляемый Ш. Басаевым и Хаттабом Меджлис-шура моджахедов намерен осуществить теракты (захваты заложников, убийства, взрывы) в отношении российских граждан и представительств в Турции. Координировать эти акции поручено находящемуся в Турции «бригадному генералу» Саид-Ибрагиму Ахмадову (человек Хаттаба). Демонстрации и теракты будут оплачены международными экстремистскими организациями «Братья-мусульмане» и «Аль-Каида».

В мероприятиях сепаратистов в отношении Турции особая роль уделяется взаимодействию между «легитимным президентом ЧРИ» А. Масхадовым и международными террористами Ш. Басаевым и Хаттабом. По замыслу «Братьев-мусуль-ман» и «Аль-Каиды», А. Масхадов отвечает за политические акции, рассчитанные на привлечение международного внимания к «геноциду чеченского народа», а Хаттаб с Ш. Басаевым — за силовое давление на турецкие власти.

В середине января 2002 года в высказываниях некоторых американских политиков по чеченской проблеме впервые после событий 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке прозвучала критика действий России в Чечне. Так, представитель Государственного департамента США Ричард Ваучер заявил о «нарушениях прав человека в ЧР» и необходимости «политического диалога» с сепаратистами.

Заявление Р. Ваучера, сделанное на фоне продолжающейся контртеррористической операции США в Афганистане, говорит о применении Соединенными Штатами «двойных стандартов» при оценке международного терроризма. Боевиков снова пытаются делить на «хороших» чеченских «повстанцев», убивающих российских солдат и мирных граждан Чеченской Республики, и «плохих» экстремистов из «Аль-Каиды» и «Талибана», которые должны быть уничтожены.

Прямым следствием американской политики «двойных стандартов» по отношению к террористам стало появление в Чечне арабских наемников, принимавших осенью-зимой 2001 года участие в боевых действиях в Афганистане в формированиях Усамы бен Ладена.

Согласно записям, обнаруженным у убитого 16 января 2002 года полевого командира Ойбека Рахимова («Узбек»), в НВФ А. Масхадова с конца декабря находятся граждане Египта Мухаммед Исламбули и Мустафа Хамза, активисты экстремистской группировки «Аль-Гамаа Аль-Исламия». Оба боевика являются приближенными международного террориста Аймана Завахири, помощника Усамы бен Ладена и одного из главарей «Аль-Каиды». В декабре 2001 года М. Исламбули и М. Хамза, воевавшие в отрядах «Аль-Каи-ды» в Афганистане, были взяты в плен американским спецназом в районе Кандагара, однако вскоре наемников освободили и дали возможность беспрепятственно покинуть Афганистан.

У «Узбека», занимавшегося распределением, направляемых в Чечню международными исламскими экстремистскими организациями, денежных средств в НВФ Хаттаба, оказались при себе финансовые ведомости на международных террористов М. Исламбули и М. Хамзу, воюющих в НВФ А. Масхадова. Данный факт свидетельствует о том, что международный террорист Хаттаб и А. Масхадов, на политическом диалоге с которым настаивают американцы, получают деньги на «джихад» у одного спонсора — международных исламских экстремистских организаций.

Региональный оперативный штаб неоднократно отмечал, что бандформирования сепаратистов, пытаясь дискредитировать политику федерального центра в Чечне и привлечь на свою сторону население, активно используют форму военнослужащих федеральных сил для совершения преступлений против мирных жителей Чеченской Республики.

Выше уже говорилось о том, что 16 января 2002 года в ходе адресной спецоперации федеральных сил в Курчалоевском районе Чеченской Республики на окраине села Бачи-Юрт был

уничтожен полевой командир Расимов Ойбек Мухтарович («Узбек»), 1968 года рождения, гражданин Узбекистана, он же Рахимов Хусейн. Этот иностранный наемник был одним из приближенных Хаттаба.

Уничтожение «Узбека» явилось результатом помощи местных жителей, так как возглавляемая им бандгруппа (около 20 боевиков) под видом подразделения федеральных сил в форме российских военнослужащих (сам бандит тоже был одет в армейскую форму) занималась ночными грабежами и убийствами мирного населения.

Установлено, что «Узбек» являлся третьим «финансистом» НВФ Хаттаба, погибшим в Чечне с начала осени 2001 года. В сентябре и ноябре в боестолкновениях с федеральными силами уничтожены арабские наемники Абу Якуб и Абу Сайях, обладавшие, как и «Узбек», серьезной информацией о финансовых связях Хаттаба в государствах дальнего зарубежья.

В связи с тем, что на территории Чеченской Республики, по утверждению некоторых СМИ и правозащитных организаций, действуют так называемые «эскадроны смерти», имеются основания полагать, что банда «Узбека» была таким «эскадроном». В настоящее время правоохранительными органами республики и федерального центра проводятся оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия в отношении подручных «Узбека» и других преступников.

Кто финансировал убийц

Сепаратисты, противостоящие федеральным властям России на территории Чеченской Республики и окопавшиеся в Панкисском ущелье Ахметского района Грузии, никогда не испытывали недостатка в наемниках, оружии и деньгах. Каким же образом они получали и продолжают получать материальную и финансовую помощь? До недавнего времени такую помощь осуществляли некоторые мусульманские организации (прежде всего находящиеся в США), неправительственные гуманитарные организации арабских стран Ближнего и Среднего Востока, спецслужбы некоторых государств и, конечно, чеченская диаспора — как из-за рубежа, так и с территории самой России.

Например, в США создано и действует множество мусульманских организаций. Наиболее мощную их часть составляет так называемый «Верховный исламский совет Америки». Под его началом находятся такие радикальные воинствующие организации, как «Исламский круг Северной Америки», «Исламская община Северной Америки», и многие другие. Он объединяет 15 миллионов мусульман, проживающих в США. По имеющимся данным, именно эта организация являлась основным каналом переправки финансов из США в Чечню, организовывала регулярные прочеченские выступления в СМИ.

В свое время «Верховный исламский совет Америки» принял беспрецедентное решение об оказании финансовой помощи Чечне. Каждый американский мусульманин обязан был сдать в «черную кассу» боевиков не меньше чем по 100 долларов. Таким образом, главари чеченских боевиков получили не менее 150 миллионов долларов.

Другая неправительственная благотворительная организация — Американская мусульманская помощь (АМА) — была зарегистрирована в Госдепартаменте США. Ее основная задача — «оказание помощи мусульманским братьям во всем мире». АМА оказывала помощь мусульманским общинам Северного Кавказа, вела активную пропагандистскую кампанию по дискредитации действий российских властей в Чечне. В начале 2000 года представители АМА по приглашению А. Масхадова побывали в Чечне. Благотворительный исламский фонд, штаб-квартира которого тоже находится в США, регулярно организовывал в СМИ выступления в поддержку сепаратистов в Чечне и проводил широкую пропагандистскую кампанию в политологических и исследовательских центрах США, инициировал слушания в конгрессе. При этом активно привлекал в качестве консультантов

и экспертов сотрудников администрации Соединенных Штатов. И это далеко не полный перечень организаций США, занимавшихся сбором средств для чеченских боевиков.

Представители Аль-Харамейн Аш-Шарифейн, неправительственной благотворительной организации Саудовской Аравии, открыто оказывали финансовую и материальную помощь чеченским сепаратистам. Осенью 1999 года эта организация объявила сбор пожертвований в фонд помощи Чечни, а ее руководители выступили с призывами к объявлению «священной войны» России. Саудовские благотворительные организации «Хаятуль-Игаса» и «Исламский конгресс» собрали в Саудовской Аравии, Кувейте и ОАЭ несколько миллионов долларов и также переправили их на Северный Кавказ. Иорданское отделение международной террористической организации «Братья-мусульмане» в начале 1999 года собрало около 20 миллионов долларов для помощи чеченским экстремистам. Кувейтское «Общество социальных реформ» в свое время являлось одним из крупных поставщиков денег для чеченских боевиков. Только в 1999 году в Чечню официально было переведено около миллиона долларов. По неофициальным данным, эта цифра была раз в десять больше. Финансовую поддержку бандитам оказывали и йеменская «Международная благотворительная ассоциация» (руководитель — Исмаил Али Салех), «Международная исламская организация» (глава — йеменец Ахмад Ясни), «Лига исламского мира» (ОАЭ).

Сбор средств для чеченских боевиков вели также турецкая «Рефах», известная на Ближнем Востоке «Хезбаллах», египетская «Аль-Гамаа аль-исламийя», марокканский «Авангард ислама» и даже киргизский «Джихад». В Великобритании и Ирландии этим занимались «Воюющая исламская группа» и сообщество «Мухаджиры», во Франции — «Комитет поддержки Чечни», в Германии — «Комитет кавказско-чеченской солидарности», в Польше — «Чеченский информационный центр». В числе жертвователей были афганское движение «Талибан» и саудовский миллиардер-террорист Усама бен Ладен. В 2000 году из Пешавара в Чечню он направил, например, партию военной и финансовой помощи: 2 миллиона долларов, 4 переносных зенитных ракетных комплекса «Стингер», 700 упаковок взрывчатых веществ типа пластит общим весом 350 килограммов, комплексы дистанционного управления для подрыва зарядов, а также партии медицинских препаратов.

Российскими правоохранительными органами зафиксировано более 130 крупных неправительственных фондов, обществ и организаций, прямо или косвенно поддерживающих чеченских

террористов из стран дальнего зарубежья и государств СНГ, а также около сотни фирм и десяток банковских групп.

«Особая папка»

Хроника событий

Январь 2002 года

Последовательные действия федеральных сил по ликвидации бандформирований, уничтожение ряда полевых командиров и арабских наемников в осенне-зимний период 2001 года стали причиной заметного снижения боевой активности сепаратистов. Главари НВФ опасаются проводить крупномасштабные диверсионо-террористические акции против федеральных сил, что приводит к резкому сокращению денежных потоков, направляемых в Чечню организацией «Братья-мусульмане» и другими зарубежными экстремистскими структурами.

Это обстоятельство объясняется как провалом летней кампании НВФ в 2001 году, так и переменой отношения ведущих мировых держав к исламскому экстремизму после событий 11 сентября 2001 года.

Активность сепаратистов в Аргуне 11–15 декабря 2001 года вызвана стремлением продемонстрировать зарубежным спонсорам свою способность влиять на политическую ситуацию в ЧР. Исполнителями боевой акции, оплату которой гарантировал Хаттаб, стали «моджахеды» аргунского «джамаата» во главе с Исмаилом Эскиевым. Сам И. Эскиев в ходе аргунских событий был убит.

И. Эскиев, замкнутый в денежном и организационном отношении на Хаттаба, в последнее время занимался поисками независимых от него источников финансирования. С этой целью он активно контактировал с Абу аль-Валидом и близким к нему «Барудом».

Находящийся в Чечне представитель организации «Братья-мусульмане» Абу Джабер попал под влияние Хаттаба и находится в зависимости от него. В обязанности Абу Джабера входит контроль за правильностью расходования денег, направляемых НВФ Хаттаба фондом «Апь-Харамейн». В своих докладах руководству «Братьев-мусульман» Абу Джабер выпячивает роль Хаттаба в бандсопротивлении и защищает его материальные интересы.

Хаттаб через Абу Джабера представил руководству «Братьев-

мусульман» выгодную для себя картину аргунских событий. Шейхам были направлены преднамеренно завышенные данные о потерях федеральных сил. Результаты операции приписаны Абу Джабером лично Хаттабу с целью обеспечить ему более весомое материальное вознаграждение. Гибель связанного с Абу аль-Валидом И. Эскиева позволяет Хаттабу избежать перепроверки представленных Абу Джабером данных со стороны Абу аль-Валида и «Баруда».

Международные террористы, действующие в Чечне и Афганистане, поддерживают между собой тесные организационные, финансовые и идейные связи. До недавнего времени значительную часть зарубежной финансовой помощи чеченским сепаратистам составляли деньги, выручаемые движением «Талибан» от торговли наркотиками. Сегодня боевики из Чечни воюют в Афганистане в отрядах «Талибан» и возглавляемой Усамой бен Ладеном «Аль-Каиды», а афганские наемники совершают диверсионно-террористические акции в Чечне. Кроме того, исламисты из Афганистана активно занимаются пропагандой идей исламского радикализма (ваххабизма) на Северном Кавказе.

Если связь между Усамой бен Ладеном, «Апь-Каидой», «Талибаном» и главарями чеченских ваххабитов Ш. Басаевым и Хаттабом широко известна, то претендующий на роль политика «президент Ичкерии» А. Масхадов внешне дистанцируется от международного терроризма, подчеркивая «национально-освободительный» характер бандсопротивления.

В начале января 2002 года в поле зрения правоохранительных органов Республики Калмыкия попал гражданин Афганистана Гхолам Хайдар Хаджи Хасан, прибывший в г. Элисту по частному приглашению. В ходе досмотра личных вещей иностранца была обнаружена ваххабитская литература, а также большое количество подготовленных к распространению листовок с призывами к «джихаду» против России и истреблению всех немусульман на Кавказе. Листовки исполнены на русском, чеченском, арабском языках.

По объяснениям Гхолама Хайдара Хаджи Хасана, пропагандистские материалы были получены им в Афганистане от представителей «Аль-Каиды» и предназначались для передачи эмиссарам А. Масхадова в одной из северокавказских республик. В дальнейшем планировалось распространить листовки в крупных населенных пунктах Чеченской Республики, а также через людей А. Масхадова в лагерях беженцев на территории соседней Ингушетии.

Согласно показаниям афганца, «президент Ичкерии» поддерживает связь с сообщниками Усамы бен Ладена из соображений меркантильного характера. Денежные потоки, получаемые А. Масхадовым через так называемые «представительства ЧРИ» в зарубежных странах, значительно сократились после событий 11 сентября 2001 года в США. Запад, заинтересованный в поддержке Россией контртеррористической операции в Афганистане, больше не воспринимает А. Масхадова как политическую фигуру. В этой ситуации «президенту ЧРИ» приходится демонстрировать свою лояльность международным исламским террористам (в том числе содействуя распространению ваххабитских идей) и искать у них финансовой помощи.

26 декабря 2001 года на пограничном КПП «Верхний Ларе» (Северная Осетия) по подозрению в причастности к НВФ задержан гражданин Украины Гладкевич Сергей Николаевич. При нем обнаружены военная форма, учебные пособия спецподразделений ГРУ, лозунги на арабском языке, блокнот с зашифрованными записями. С. Гладкевич является боевиком отряда Р. Гелаева и находится в Грузии с весны 2000 года. В ходе допросов он представил следствию подробные сведения о ситуации в банде Р. Гелаева.

По показаниям С. Гладкевича, Р. Гелаев игнорирует настойчивые призывы А. Масхадова и Ш. Басаева принять участие в боевых действиях в Чечне и не намерен покидать пределы Грузии в 2002 году. Между Р. Гелаевым и Департаментом внешней разведки Грузии существует конфиденциальная договоренность следующего содержания:

— официальный Тбилиси не возражает против оседания боевиков Р. Гелаева в Панкисском ущелье (Ахметский район Грузии) на постоянное местожительства;

— по требованию грузинской стороны Р. Гелаев предоставляет силовым структурам Грузии своих боевиков для использования в диверсионно-террористических акциях в Абхазии и Южной Осетии.

Р. Гелаев и его приближенные имеют недвижимость в Тбилиси и других грузинских городах. На приобретение квартир и домов израсходованы деньги, выделенные организацией «Братья-мусульмане» весной 2001 года для перехода отряда Р. Гелаева в Чечню.

В последние месяцы конфликт между Р. Гелаевым, с одной стороны, и А. Масхадовым, Ш. Басаевым и Хаттабом — с другой серьезно обострился. «Президент ЧРИ» своим указом лишил

Р. Гелаева звания «дивизионного генерала» и снял его с должности «командующего фронтом». Возглавляемый Басаевым и Хаттабом Высший военный меджлис-шура моджахедов обвиняет Р. Гелаева в сотрудничестве с российскими спецслужбами и, возможно, с ЦРУ США.

Серьезный вред репутации Р. Гелаева в среде боевиков нанесла его неспособность воспрепятствовать выдаче Грузией России ваххабитов из Карачаево-Черкесии, совершивших теракты в РФ в 1999–2000 годах. Желая сгладить ситуацию, Р. Гелаев организовал утечку сведений о своем намерении похитить высокопоставленного сотрудника Генеральной прокуратуры РФ и обменять его на арестованных террористов.

Стремясь реабилитироваться перед главарями бандформирований и поднять свой авторитет среди боевиков, Р. Гелаев инициировал распространение слухов о якобы планируемом им захвате селения Шали. При этом Р. Гелаев подчеркивает свою политическую значимость, заявляя, что Шали после захвата будет объявлено «столицей Ичкерии», а сам он начнет переговоры с федеральным центром о выводе российских войск из Чечни.

Одновременно с распространением слухов о якобы планируемом захвате Шали и похищении сотрудника Генеральной прокуратуры РФ Р. Гелаев довел аналогичную информацию до представителей «Братьев-мусульман» в Грузии. Р. Гелаев ввел арабских шейхов в заблуждение с целью добиться предварительного финансирования этих акций.

Абу аль-Валид стремится оттеснить Хаттаба от руководства бандформированиями и переключить на себя финансовые потоки, направляемые сепаратистам через фонд «Аль-Харамейн». В этих целях Абу аль-Валид хочет вывести из-под контроля Хаттаба и переподчинить себе информационно-пропагандистские структуры НВФ, в частности интернет-сайты сепаратистов. Он пытается также поставить на качественно новый уровень информационно-пропагандистскую работу бандформирований, улучшить имидж «моджахедов» и смягчить резко негативное отношение ведущих мирных держав к исламскому экстремизму, сложившееся после событий 11 сентября 2001 года.

После возникновения в середине октября технических неполадок на сайте «Голос Кавказа», которым руководит шейх Абу Малик (близкий к Хаттабу функционер «Братьев-мусульман»), Абу аль-Валид инициировал создание шейхом «Братьев-мусульман» Абу Кутейбой нового сайта. Этот сайт дублирует

функции «Голоса Кавказа» и оттягивает на себя значительную часть средств, выделяемых зарубежными спонсорами.

Воспользовавшись тяжелым положением Хаттаба, разыскиваемого федеральными силами, Абу аль-Валид заблокировал поступление свежей информации на сайт Абу Малика, запретив пособникам НВФ направлять материалы на «Голос Кавказа».

Действия Абу аль-Валида привели к серьезным провалам в информационно-пропагандистском обеспечении бандформирований, в частности к перебоям в поступлении материалов, освещающих события в Чечне в выгодном для боевиков свете. На «Голос Кавказа», используемый крупными зарубежными агентствами в качестве источника информации, новости поступать перестали, а сайт Абу Кутейбы не «раскручен» в достаточной степени.

Стремясь реабилитироваться перед «Высшим советом шейхов», Абу аль-Валид пытается скомпрометировать Абу Малика. По утверждению Абу аль-Валида, Абу Малик по собственной инициативе парализовал деятельность «Голоса Кавказа» и разорвал отношения с Абу аль-Валидом. Эти действия Абу аль-Валид объясняет трусостью Абу Малика, якобы желающего дистанцироваться от воюющих в Чечне боевиков из-за негативного отношения Запада к «джихаду» в Чечне после событий 11 сентября в США.

Ситуацию вокруг интернет-сайтов сепаратистов Абу аль-Валид пытается использовать для реализации своих финансовых интересов путем отстранения от распределения денег Хаттаба и близких ему людей. В частности, Абу аль-Валид обвинил Абу Малика в нецелевом использовании 340 ООО долларов США, предназначенных для финансирования информационно-пропагандистской деятельности сепаратистов. Письмо со сфабрикованными Абу аль-Валидом доказательствами вины Абу Малика направлено в «Высший совет шейхов».

Появление сайта Абу Кутейбы крайне враждебно встречено шейхом Абу Маликом, который опасается, что новый сайт оттянет на себя значительную часть средств, выделяемых «Братьями-мусульманами» на идеологическую работу. Заинтересованность в ликвидации сайта Абу Кутейбы проявляет также главный идеолог НВФ М. Удугов, финансовые интересы которого тесно связаны с «Голосом Кавказа».

Для обеспечения своих меркантильных интересов Абу Малик пошел на нанесение прямого ущерба информационно-пропагандистской работе сепаратистов. Действуя через представителя «Братьев-мусульман» в Грузии Абу Амера, Абу

Малик в свою очередь препятствует поступлению материалов на сайт Абу Кутейбы, запрещает пособникам НВФ в Чечне передавать Абу Кутейбе информацию.

Совместно с М. Удуговым Абу Малик пытается очернить Абу Кутейбу перед «Высшим советом шейхов» организации «Братья-мусульмане». С этой целью распространяются слухи о том, что Абу Кутейба открыл свой сайт по заданию российских спецслужб для нейтрализации «Голоса Кавказа».

На неоднократные предложения Абу аль-Валида о налаживании информационного сотрудничества между «Голосом Кавказа» и сайтом Абу Кутейбы Абу Малик отвечает отказом. При этом Абу Амер от имени Абу Малика в ультимативной форме требует у Абу аль-Валида закрытия сайта Абу Кутейбы. Одновременно Абу Малик использует свое влияние в «Высшем совете шейхов» для того, чтобы воспрепятствовать направлению Абу аль-Валиду денежных средств, необходимых для сбора и обработки материалов для сайта Абу Кутейбы.

Попытки Абу аль-Валида наладить поставку информации Абу Кутейбе через работающую в Грузии радиостанцию сепаратистов «Кавказ» блокируются М. Удуговым и находящимся в Грузии представителем «Братьев-мусульман» Хасаном, отвечающим за финансирование радиостанции.

11 декабря в г. Аргун боевики-ваххабиты во главе с арабскими наемниками заняли местную мечеть и вели оттуда огонь по расположению федеральных сил.

Подобным образом сепаратисты пытались спровоцировать федералов на разрушение культового здания, чтобы в последующем использовать указанный факт при проведении информационно-пропагандистских акций антироссийского характера.

Действия ваххабитов, лицемерно называющих себя «воинами Аллаха», свидетельствуют об их пренебрежительном отношении к религиозным чувствам чеченцев, так как в качестве укрытия боевиками использовалась мечеть неваххабитской общины.

Между исламскими экстремистами, ведущими «джихад» в Израиле и в Чечне, существуют тесные идейные и организационные связи, которые поддерживаются через международную организацию «Братья-мусульмане» и ее финансовую структуру «Аль-Харамейн».

Террористические акции исламистов в Израиле, сопровождаемые массовыми жертвами среди мирного населения, находят полное одобрение у сепаратистов. Подобные примеры широко используются ими для поднятия боевого духа

«моджахедов» и распространения ваххабитских идей среди населения Чечни. При осуществлении пропагандистской деятельности сепаратисты подчеркивают, что каждый смертник становится «шахидом» (мучеником за веру) и попадает в рай.

Функционеры организации «Братья-мусульмане» Абу Кутейба, Абу аль-Валид и Хаттаб распространяют на территории Чечни ближневосточные методики подготовки и применения террористов-смертников. На роль «живых бомб» подбираются местные жители, при обработке которых, наряду с религиозными мотивами, применяются шантаж (угроза расправы над близкими, родственниками и т. д.) и материальная зависимость. Зачастую исполнителями становятся лица, приговоренные к смертной казни шариатским судом при ВВМШ. Деятельность ВВМШ и шариатского суда контролируется Ш. Басаевым и Хаттабом.

Покушение на коменданта Урус-Мартановского района генерал-майора Гаджиева было совершено женщиной-смертницей, приговоренной к смерти шариатским судом и подготовленной к теракту боевиками из бандформирования Хаттаба.

Компьютерная дискета с видеозаписью терактов в Израиле (2 и 4 декабря 2001 годах) была обнаружена федеральными силами в г. Грозном в тайнике одной из бандгруппировок, подчиненной Хаттабу, в котором наряду с оружием и боеприпасами хранилась оргтехника.

Абу Сайях при задержании оказал сопротивление и был тяжело ранен, после чего в нашем военном госпитале ему немедленно была оказана квалифицированная медицинская помощь, так как российская сторона рассчитывала организовать показательный судебный процесс над международным террористом. Но, несмотря на попытки врачей спасти Абу Сайяха, от полученных ранений он скончался в госпитале.

После распада СССР Великобритания вновь устремила свои интересы к Кавказу. Здесь нефть, неоднозначные социально-политические процессы в государствах СНГ и Северо-кавказском регионе России, которые сулят ей выгоду.

В последнее время в Азербайджане англичане активизировали свою работу в связи с тем, что вместе с американцами проводят масштабную операцию против движения «Талибан» в Афганистане, по задержанию или уничтожению международных террористов и преступников Усама бен Ладена, Муллу Омару (лидер движения «Талибан») и Хаттаба.

Территория Азербайджана используется для активного

транзитного снабжения военным снаряжением бандформирования Хаттаба в Чечне. В Азербайджане осело на жительство и находится на лечении после ранений значительное количество арабов-наемников и чеченских боевиков.

Диаспоры и деньги

Отличительной особенностью членов чеченских диаспор как в государствах СНГ, так и дальнего зарубежья являются антироссийская предубежденность, общность исторических и религиозных традиций, националистических идей и целей, что обусловливает поддержку ими сепаратистского движения в Чечне.

Например, чеченская диаспора в Турции — одна из самых многочисленных, насчитывает более 30 тысяч человек, причем некоторые из них занимают видные посты в высших государственных органах и вооруженных силах. По оценочным данным, около 50 тысяч вайнахов находится в Иордании, Сирии, Ираке. В ОАЭ постоянно проживает чеченская колония из нескольких десятков тысяч человек. В Израиле зарегистрировано около 2 тысяч чеченцев.

В районах своего компактного проживания чеченцы демонстрируют высокий уровень национальной сплоченности с соотечественниками на этнической родине. Сразу же после начала второй чеченской военной кампании только из Саудовской Аравии «братьям по вере» было отправлено несколько миллионов долларов. Другой вид помощи — вербовка наемников из числа представителей диаспор в государствах Ближнего и Среднего Востока.

Чеченские диаспоры являются самыми влиятельными и организованными и в республиках, входивших в состав бывшего СССР. Их представители в Белоруссии, на Украине, в Молдавии и Казахстане поддерживают связи с Чечней. Эти связи нередко носят криминальный характер. В частности, «новые чеченцы» оказывают финансовую помощь незаконным вооруженным формированиям. По данным правоохранительных органов, одним из источников дохода «чеченских группировок» становятся отчисления, которые делают местные предприниматели. Еще во время вооруженного конфликта 1994–1996 годов чеченские общины СНГ выплачивали так называемый добровольный налог на помощь воюющим братьям. В Казахстане, например, он достигал 10 процентов от доходов национальной диаспоры. По некоторым сведениям, в Чечню отправлялось от 25 до 50 процентов прибыли от деятельности чеченцев-коммерсантов.

Непосредственно в России чеченская диаспора насчитывает около 500 тысяч человек. Не секрет, что большинство ее представителей участвует в криминальном бизнесе. Они контролируют торговлю нефтепродуктами, бытовое обслуживание, общественное питание, переработку

сельхозпродукции. В отдельных регионах России, например, полностью держат под контролем кредитную деятельность, а в ряде случаев оказывают влияние на представителей властных структур на местах. Имеется ряд свидетельств того, что в самой России есть банки и фирмы, которые были замечены в мошеннических операциях в кредитно-денежной сфере. Так, одним из участников нелегального финансирования незаконных вооруженных формирований являлся находившийся в Москве Транскредитбанк. По информации Главного управления по борьбе с организованной преступностью МВД РФ, руководство банка участвовало в группе, занимающейся легализацией преступных доходов, обналичиванием денежных средств и направлением их на нужды чеченских боевиков. По данным ГУБОП, ежедневно через специально созданные фирмы обналичивалось до 5 миллионов долларов. И это далеко не единичный пример.

И все же денег на так называемый газават у чеченских боевиков постоянно не хватает. В результате чеченские диаспоры Германии, Польши, стран Балтии, СНГ и России усиленно ищут дополнительные источники финансирования. В ход идет все: криминальные разборки, шантаж, рэкет, изготовление фальшивых денежных знаков…

Зачастую обманывая рядовых боевиков, лидеры террористов на Кавказе действительно расплачиваются с ними фальшивой валютой. Об этом свидетельствует, например, разразившийся в стане бандитов в первой половине 2001 года скандал, когда выяснилось, что большая часть денег из 12 миллионов, выделенных на возобновление боевых действий в Чечне, оказались фальшивыми. Причем многие подделки мог идентифицировать лишь хорошо подготовленный специалист, располагающий соответствующей техникой. До недавнего времени фальшивки изготавливались непосредственно в Чечне на высококачественном полиграфическом оборудовании зарубежного производства. Так, в ходе зачистки Шатойского района Чеченской Республики в одном из домов на территории райцентра было обнаружено оборудование для изготовления фальшивых долларов. Качество продукции оказалось довольно высоким.

Хочешь жить? Плати или работай!

Помимо материальной помощи извне, банды международных террористов существуют и за счет преступного бизнеса. Например, похищение людей и торговля ими с целью получения выкупа или обращения в рабов приобрели в «Ичкерии» такой размах, что этот промысел занял ведущие позиции в экономике республики. Только в 1997–1998 годах чеченскими группировками были похищены 1094 человека. Этому во многом способствовало то, что в результате первой чеченской кампании в руках у боевиков оказалось немало российских военнопленных. Безнаказанно измываясь над ними, зарабатывая легкие деньги на освобождении, извлекая доходы от рабского труда, вскоре бандиты вошли во вкус такого прибыльного бизнеса. К тому же за все время, прошедшее после вывода федеральных войск из Чеченской Республики, ни один преступник, промышлявший работорговлей, в «Ичкерии» так и не был серьезно наказан.

В ходе контр-террористической операции в руки военных контрразведчиков попало немало документов, свидетельствующих о практике похищения людей в Чечне с целью выкупа или обращения их в рабство. Вот, например, договор, заключенный между одним из сподвижников Хаттаба и неким иностранцем — Ясиром Сирийским — о захвате кафира (неверного) с целью получения денег между договаривающимися сторонами: «45 процентов для стороны, которая выкрадывает пленника, и 55 процентов — для чеченской стороны за перевозку, охрану и посредничество». Документы свидетельствуют и о том, что за границу в качестве рабов вывозились не только взрослые люди, но и дети. На фотографиях, сделанных за рубежом, — лица детей, которым по виду не более 6–7 лет. А для беспрепятственного вывоза «живого товара» за пределы Российской Федерации к невольникам применялись сильнодействующие транквилизаторы (психотропные препараты), которые не раз обнаруживались федералами в бандитских схронах.

Заботясь только о деньгах, бандиты нередко похищали даже своих земляков. Что же касается «соседей», то почти 50 тысяч человек чеченские бандиты похитили и обратили в рабство.

«Особая папка»

Хроника событий

Февраль 2002 года

В первых числах февраля 2002 года получил дальнейшее развитие конфликт между полевыми командирами Исламом Чалаевым («Ваграмом») и Мовсаром Сулейменовым. Основной причиной стало хищение М. Сулейменовым 36 000 долларов США, переданных для Чалаева из Грузии.

И. Чалаев попытался добиться возвращения похищенных денег при посредничестве лидера чеченских ваххабитов Абу Омара. Однако М. Сулейменов в разговоре с Абу Омаром заявил, что денег для И. Чалаева он не получал. После этого И. Чалаев решил самостоятельно «разобраться» с М. Сулейменовым.

3 февраля в Алхан-Кала должна была состояться встреча группы боевиков И. Чалаева во главе с Тимуром Автаевым («Хаббабом») с М. Сулейменовым и его людьми. При этом именно М. Сулейменов в телефонном разговоре с И. Чалаевым обозначил конкретное место встречи.

М. Сулейменов на встречу с людьми И. Чалаева не явился, а ожидавшая его группа Т. Автаева была обстреляна из автоматического оружия боевиками М. Сулейменова. Т. Автаев, имевший репутацию самого опасного боевика в банде «Баграма» (Чалаева), был убит на месте.

Желая отвести от себя подозрения в причастности к убийству Т. Автаева, М. Сулейменов через своего родственника, находящегося в Грузии пособника НВФ Хизира Апхазурова, распространяет информацию об уничтожении Т. Автаева федеральными силами.

Ахметский район Грузии активно используется сепаратистами для переброски наемников, оружия и денежных средств в Чечню. В Панкисском ущелье расположены тренировочные лагеря и перевалочные базы боевиков, цеха по производству наркотиков. Кроме того, там находятся эмиссары экстремистских организаций «Братья-мусульмане» и «Аль-Каида», координирующие деятельность арабских наемников в Чеченской Республике.

Базирующиеся в Панкисском ущелье боевики сотрудничают с местным кистинским криминалитетом в таких областях преступной деятельности, как захват заложников, незаконный оборот наркотиков и торговля оружием. Зачастую в этом «бизнесе» участвуют и высокопоставленные представители грузинских спецслужб и правоохранительных органов.

Фактический захват части Ахметского района сепаратистами произошел с ведома и при молчаливом согласии грузинской стороны, вооруженные силы которой значительно слабее ичкерийских бандформирований. На сегодняшний день Тбилиси

вынужден согласовывать с главарями НВФ (в частности, с Р. Гелаевым) проводимые в Ахметском районе полицейские операции и привлекать боевиков для задержания преступников. Каждая местная криминальная группировка имеет «крышу» в лице конкретного «подразделения армии ЧРИ».

Лидеры сепаратистов подчеркивают свою лояльность по отношению к грузинским властям и стараются избегать огласки криминальных инцидентов с участием чеченских боевиков. Грузинская сторона в свою очередь также избегает упоминания о нахождении международных террористов на своей территории.

Захват боевиками в заложники грузинских монахов в декабре 2001 года вызвал широкий общественно-политический резонанс в Грузии. Активисты студенческого движения, воины-афганцы, представители местного самоуправления и оппозиционных Э. Шеварднадзе партий призывают власти навести порядок в Панкисском ущелье. При этом все чаще выдвигаются требования о выдворении чеченских сепаратистов и иностранных наемников из Грузии.

Главари бандформирований, осознавая важность использования грузинской территории для продолжения войны, вынуждены реагировать на события в Грузии. Так, «президент ЧРИ» А. Масхадов во второй половине января 2002 года издал специальный приказ, обращенный к «…подразделениям вооруженных сил ЧРИ, временно находящимся на территории Грузии…». В приказе содержатся требования пресекать случаи мародерства и иного насилия по отношению к местному населению, а также оказывать содействие правоохранительным грузинским органам при исполнении ими служебных обязанностей. Ответственность за выполнение приказа возлагается на «дивизионного генерала» Р. Гелаева и «военных комендантов ВС ЧРИ» в населенных пунктах Ахметского района Грузии.

Приказ А. Масхадова подкреплен соответствующей фетвой (решением) возглавляемого Хаттабом и Ш. Басаевым ВВМШ и Коллегии верховного шариатского суда при ВВМШ. В фетве Панкисское ущелье признается «исконной ичкерийской землей», а гражданам Грузии от имени ВВМШ «дается безопасность» на территории Ахметского района.

Содержание приказа «президента ЧРИ» и фетвы, подписанной Хаттабом и Ш. Басаевым, свидетельствует об уверенности главарей бандформирований в распространении их «юрисдикции» на территорию Республики Грузия. Превращение Панкисского ущелья в базовый район для агрессии против России позволяет говорить о фактической оккупации данного региона

международными террористами.

Экземпляры приказа А. Масхадова и фетвы были обнаружены в ходе спецоперации федеральных сил в селе Старые Атаги.

Март 2002 года

По информации правоохранительных органов Чеченской Республики, А. Масхадов во второй половине марта 2002 года приказал своим боевикам активно использовать отравляющие вещества при проведении терактов против милиционеров-чеченцев, глав местных администраций и лояльных федеральным властям имамов мечетей. Одним из исполнителей данного приказа был уничтоженный 6 апреля 2002 г. Ислам Чалаев («Баграм»), при осмотре трупа которого обнаружили несколько расфасованных упаковок сильнодействующих ядов. В организационном отношении НВФ «Баграма» замыкалось на «президента ЧРИ», получая при этом материальную и финансовую поддержку от ваххабитов Ш. Басаева и Хаттаба.

И. Чалаев входил в «джамаат» бандглаваря Мовсара Сулейменова-Бараева («Мамлюка»). В феврале-марте 2002 года отношения между М. Сулейменовым и И. Чалаевым серьезно ухудшились из-за попыток «Баграма» выйти из-под контроля «Мамлюка». В указанный период И. Чалаеву удалось наладить контакты с представителями организации «Братья-мусульмане» в Грузии и приобрести независимый от М. Сулейменова канал зарубежного финансирования. Острую негативную реакцию М. Сулейменова вызывали факты утаивания и нецелевого расходования «Баграмом» денежных средств, получаемых в качестве выкупа за похищенных мирных граждан Чеченской Республики, а также выручки от продажи автомобилей и сельскохозяйственной техники, добытой в результате вооруженных грабежей.

В первых числах апреля 2002 года в Шали при невыясненных обстоятельствах были убиты двое боевиков из числа приближенных М. Сулейменова-Бараева — Джамбеков Иса Абусаитович и Сапиев Зайнди Шамильевич. Гибель И. Джамбекова и З. Сапиева, входивших в число телохранителей «Мамлюка», совпала по времени с резким обострением конфликта между М. Сулейменовым и И. Чалаевым. И. Джамбеков и З. Сапиев должны были принять участие в личной встрече бандглаварей, в ходе которой они рассчитывали выяснить отношения.

В среде ингушских криминальных «предпринимателей», скупавших ворованную автомобильную технику у И. Чалаева, циркулирует информация о причастности М. Сулейменова к

уничтожению «Баграма». Согласно этой версии, исполнителями акции в отношении «полевого командира» стали его «кровники» из числа чеченцев (правоохранительные органы располагают информацией о причастности И. Чалаева к убийствам более 60 жителей Чечни). М. Сулейменов довел до «кровников» информацию о маршрутах и времени передвижения «Баграма». Непосредственным поводом для ликвидации И. Чалаева стали опасения М. Сулейменова за свою жизнь после убийства людьми «Баграма» его телохранителей И. Джамбекова и З. Сапиева.

В связи с сокращением объемов зарубежной финансовой помощи среди чеченских «полевых командиров» среднего звена нарастает конкурентная борьба за доступ к деньгам организации «Братья-мусульмане». Бандглавари компрометируют друг друга перед иностранными «спонсорами», при этом приписывая себе результаты террористических акций, совершенных другими полевыми командирами.

Особенно острая борьба за финансирование разгорелась между действующими в г. Грозном бандглаварями Исламом Чалаевым («Баграмом») и Халидом Седаевым. Оба полевых командира стремятся произвести выгодное впечатление на находящегося в Грузии функционера организации «Братья-мусульмане» араба Абу Рабиа, занимающегося распределением денежных средств и снаряжения между бандформированиями. При этом И. Чалаев действует через пособника НВФ Хизира Алхазурова, лоббирующего за границей интересы Мовсара Сулейменова-Бараева, а Х. Седаев — через пособника НВФ чеченца Абу Бакара, непосредственного финансового «куратора» банд М. Бараева, Х. Седаева, Р. Ахмадова и Р. Читигова.

Настойчивость, проявляемая И. Чалаевым в процессе «выбивания» денег у зарубежных исламистов, раздражает его непосредственного руководителя М. Сулейменова-Бара-ева (И. Чалаев зачастую контактирует со «спонсорами» в обход М. Бараева). В конце марта 2002 года М. Бараев через Х. Алхазурова вышел на Абу Рабиа с просьбой не выделять И. Чалаеву финансовые средства и материальные ценности без его (М. Бараева) личного обращения. Кроме того, М. Бараев попросил напомнить Абу Рабиа о нецелевом расходовании «Баграмом» 50 тысяч долларов США.

2 апреля в Заводском районе г. Грозного во время разбойного нападения неизвестными лицами убит предприниматель Сурхаев Алауди Далхаевич. Практически одновременно И. Чалаев и Х. Седаев сообщили Х. Апхазурову и Абу Бакару о том, что А. Сурхаев был убит боевиками подчиненных им

бандформирований. При этом для повышения своего авторитета перед «Братьями-мусульманами» И. Чалаев назвал А. Сурхаева офицером ГРУ, а Х. Седаев — сотрудником УВД МВД РФ по Чеченской Республике. Х. Седаев изъявил готовность переправить Абу Бакару в Азербайджан милицейские документы убитого (на руках у боевиков имеются поддельные бланки документов различных силовых ведомств РФ).

В конце марта 2002 года И. Чалаев и Х. Седаев также одновременно «отрапортовали» зарубежным «спонсорам» о своей причастности к совершенному в г. Грозном теракту против сотрудников ОМОН УВД МВД РФ по Чеченской Республики. При этом оба полевых командира настаивали на немедленном выделении денежных средств для возглавляемых ими «джамаатов», мотивируя это необходимостью усиления террористической деятельности в отношении милиционеров-чеченцев.

М. Бараев, опасаясь растущих претензий И. Чалаева на лидерство в бандформировании, поддерживает Х. Седаева в его конфликте с «Баграмом». Через Х. Алхазурова он доводит до арабов информацию о недостоверности представляемых И. Чалаевым «отчетов» о совершенных террористических акциях.

Информация о противостоянии бандглаварей И. Чалаева, М. Бараева и Х. Седаева получена в ходе допросов одного из задержанных правоохранительными органами боевиков из «джамаата» М. Бараева.

В связи с окончанием президентского срока А. Масхадова в январе 2002 года обострилось соперничество главарей сепаратистов за пост «президента Ичкерии» и «главнокомандующего вооруженными силами ЧРИ». Особенно серьезно о своих претензиях на политическое лидерство в ЧРИ заявляет находящийся в Грузии Р. Гелаев, лишенный А. Масхадовым звания «дивизионного генерала» и смещенный с должности «командующего Юго-Западным фронтом».

Президентские амбиции Р. Гелаева активно поддерживаются другим зарубежным «ичкерийцем» — криминальным бизнесменом Х. Нухаевым, бывшим руководителем дудаевской Службы внешней разведки. Продвижение Р. Гелаева к власти в Ичкерии является частью реализуемого Х. Нухаевым политического проекта, предусматривающего мирное соглашение с Москвой и раздел Чечни на независимую «горную Ичкерию» и равнинную Чеченскую Республику в составе России. Себе Х. Нухаев отводит роль премьер-министра будущей Ичкерии и главного «переговорщика» с федеральным центром.

Выбор Х. Нухаевым Р. Гелаева в качестве будущего «президента Ичкерии» объясняется следующими обстоятельствами:

— приемлемостью данной фигуры для Запада в силу того, что Р. Гелаев «не скомпрометирован сотрудничеством» с исламистскими террористическими организациями («Братья-мусульмане», «Аль-Каида» и т. д.);

— отсутствием доказательств участия Р. Гелаева в похищениях людей и наркоторговле;

— наличием в подчинении у Р. Гелаева наиболее крупного вооруженного формирования сепаратистов;

— авторитетом Р. Гелаева в глазах значительной части населения Чечни в силу его «заслуг» в военной кампании 1994 – 1996 годов, которая многими чеченцами представляется как «национально-освободительная»;

— жесткой позицией Р. Гелаева по отношению к ваххабитам и его непричастностью к походу Ш. Басаева — Э. Хаттаба на Дагестан в 1999 году.

В марте 2002 года Х. Нухаев через турецкий фонд «Хажавирт» оказал Р. Гелаеву финансовую помощь в размере 500 тысяч долларов. Возросшая платежеспособность Р. Гелаева позволила ему значительно увеличить численность своей группировки. В частности, к нему примкнули находящиеся в Панкисском ущелье «полевые командиры» Абул-Малик Межидов, Иса Такбир, Иса Исабаев, Сурко Шулаев, Ваха Мурадов и другие. В Чечне о готовности выйти из подчинения А. Масхадову и примкнуть к Р. Гелаеву заявил «министр внутренних дел ЧРИ» «бригадный генерал» Айдамир Абалаев.

Апрель 2002 года

Во второй половине апреля 2002 года Р. Гелаев планирует провести в селении Дуиси (Ахметский район Грузии) совещание (шуру) ориентированных на него «полевых командиров». В ходе мероприятия будет объявлено о смещении А. Масхадова с поста «верховного главнокомандующего вооруженными силами ЧРИ» и назначении Р. Гелаева на эту должность.

Президентские амбиции Р. Гелаева находят поддержку у политического руководства Республики Грузия. В частности, проект Х. Нухаева по продвижению Р. Гелаева к власти с грузинской стороны курирует высокопоставленный сотрудник Департамента внешней разведки Грузии. По замыслу официального Тбилиси, после заключения мирного соглашения с Москвой Р. Гелаев выведет чеченских боевиков из Панкисского ущелья и избавит Грузию от имиджа страны, поддерживающей

международных террористов.

В связи с угрозами главарей сепаратистов активизировать «джихад» весной-летом 2002 года обострилось соперничество полевых командиров за доступ к каналам зарубежного финансирования. Примером такой «конкуренции» могут служить взаимоотношения между Мовсаром Бараевым («Мамлюком») и его подчиненным Исламом Чалаевым («Баграмом»). С начала 2002 года «Баграм» предпринимает демонстративные попытки выйти из-под контроля «Мамлюка», опираясь при этом на поддержку Хаттаба.

Между М. Бараевым и Хаттабом существует конфликт, вызванный нежеланием Хаттаба делиться с «Мамлюком» деньгами, направляемыми в Чечню фондом «Аль-Харамейн» для ваххабитских бандформирований.

М. Бараев через своего родственника, пособника НВФ в Грузии Х. Алхазурова, информирует представителя организации «Братья-мусульмане» Абу Рабиа о финансовых злоупотреблениях Хаттаба, а также о действиях И. Чалаева, направленных на раскол банды М. Бараева. По утверждению М. Бараева, амбиции И. Чалаева активно поощряются Хаттабом.

Содержание направляемых М. Бараевым Абу Рабиа претензий к Хаттабу и И. Чалаеву сводится к следующим моментам:

Хаттаб финансирует «Баграма» напрямую в обмен на сбор последним информации о планах и намерениях «Мамлюка»;

в случае обострения финансового конфликта между М. Бараевым и Хаттабом арабский наемник намерен использовать И. Чалаева для ликвидации М. Бараева;

Хаттаб пытается продвинуть своего ставленника И. Чалаева на занимаемое М. Бараевым место главаря «джамаатского» бандитского подполья в Шалинском и Грозненском (сельском) районах, а также в г. Грозном.

Кроме того, М. Бараев сообщил Абу Рабиа компрометирующую И. Чалаева информацию следующего характера:

о присвоении И. Чалаевым 10 тысяч долларов, предназначенных для оказания помощи родственникам Арби Бараева;

о чрезмерном увлечении И. Чалаева криминальными способами добывания денег (рэкетом, вымогательством, вооруженными грабежами), что, по мнению «Мамлюка», привлекает внимание федеральных сил и приводит к потерям среди «моджахедов»;

об обмане И. Чалаевым иностранных «спонсоров» путем сообщения им заведомо ложных (завышенных) данных о

количестве боевиков в баграмовских бандах.

М. Бараев обратился к Абу Рабиа с просьбой организовать ему встречу с идеологом чеченских ваххабитов Абу Омаром Моххамадом ас-Сейфом. «Мамлюк» намерен заручиться поддержкой Абу Омара в своем противостоянии с И. Чалаевым и Хаттабом.

Последовательные действия федеральных сил по ликвидации бандформирований и провал попыток сепаратистов склонить Москву к переговорам вынуждают главарей НВФ искать новые формы вооруженной борьбы, рассчитанные на пропагандистский эффект и привлечение международного внимания к «чеченской проблеме». Одной из таких форм является использование террористов-смертников (в первую очередь женщин и несовершеннолетних) для совершения терактов против федеральных сил. При этом «живые бомбы» применяют как ваххабитские отряды Басаева-Хаттаба, так и бандформирования «легитимного президента ЧРИ» А. Масхадова.

5 февраля 2002 года правоохранительными органами была задержана Инаркаева Зарема Султановна, 1986 года рождения, которая пыталась пронести на территорию Заводского РОВД самодельное взрывное устройство большой мощности. Взрыв, в результате которого неизбежно погибла бы сама З. Инаркаева и люди, находившиеся у здания РОВД (в паспортно-визовой и других службах РОВД был приемный день), не произошел из-за неисправности детонатора. З. Инаркаева помещена в следственный изолятор и дает показания в отношении лиц, использовавших ее в качестве террориста-камикадзе.

Согласно показаниям З. Инаркаевой, попытку совершить теракт ее заставил полевой командир НВФ А. Масхадова Халид Седаев. Боевики Х. Седаева в течение нескольких месяцев удерживали З. Инаркаеву. При этом сам полевой командир неоднократно беседовал с ней, объясняя необходимость участия в «джихаде» и самопожертвования. От имени «президента ЧРИ» А. Масхадова Х. Седаев гарантировал девушке посмертное награждение ичкерийским орденом «Честь нации», а также заботу о материальном благосостоянии ее семьи. В случае отказа Х. Седаев угрожал расправиться с З. Инаркаевой и ее родственниками.

Вместе с З. Инаркаевой в банде Х. Седаева насильно удерживались еще три девушки: Хамидова Эльвира Ахмедовна, 1978 года рождения, Хамидова Асет Лечаевна, 1978 года рождения, и Итаева Асят Ахмадовна, 1977 года рождения. Как и

3. Инаркаеву, их обрабатывали с целью использования в качестве «живых бомб» при совершении терактов против федеральных сил.

20 февраля 2002 года трупы Э. Хамидовой и А. Хамидовой были обнаружены в Черноречье, а труп А. Итаевой — в Старопромысповском районе г. Грозного. На телах девушек имеются следы пыток и многочисленные ножевые ранения. По предварительной информации, Э. Хамидова, А. Хамидова и А. Итаева отказались от отведенной им роли террористов-камикадзе и были убиты как опасные для бандитов свидетели.

Вскрыта попытка боевиков выйти на одного из сотрудников правоохранительных органов и за 3 тысячи долларов поручить ему ликвидировать З. Инаркаеву.

Опиум для свободы

«Одной из причин грабежей в Чечне были и остаются наркотики, — свидетельствовал иорданец Халид аль-Хаяд, несколько месяцев находившийся среди чеченских боевиков, в банде все того же Гелаева. — Раньше они, так же как и оружие, продавались в центре Грозного. После того как русские взяли город в плотное кольцо, зелье стало большим дефицитом, а цены на него — баснословными. Боевики даже под обстрелом федеральной авиации и артиллерии готовы были целый день таскать на рынок мешки с награбленным добром, чтобы к вечеру, продав все вещи, получить шприц с небольшой дозой и расслабиться. Нельзя сказать, чтобы все поголовно были наркоманами, но их хватало. Кололись, курили анашу — в общем, употребляли все, что угодно, лишь бы получить кайф. Некоторые боевики находили в брошенных квартирах таблетки и обращались ко мне с просьбой прочитать аннотацию — можно ли их принять, чтобы хоть немного побалдеть».

Да, жизнь в безвластии дудаевско-масхадовского режима, годы войны, обагрившие руки бандитов кровью своих соотечественников, предчувствие неминуемой расплаты за совершенные преступления давали себя знать. Вот и пытались боевики найти спасение от непростых вопросов реальной действительности в алкогольном или наркотическом опьянении. И не только боевики. Разрушенная чеченская экономика, безработица, другие вопросы социально-бытового характера не могли не сказаться на психике многих даже мирных чеченских граждан. К тому же далеко не секрет, что в «свободной Ичкерии» производство наркотиков, по существу, было легальным бизнесом. В свое время те же Басаев и Хаттаб достигли в этом деле немалых успехов. Принадлежавшие им плантации мака и конопли располагались в Курчалое веком, Гудермесском, Ножай-Юртовском, Веденском районах. А родной брат Шамиля Басаева — Ширвани прикупил по случаю по улице Тургенева в Грозном здание школы № 40, вскоре переоборудованное под завод по производству наркотиков. Его огородили колючей проволокой под электрическим током. Еще бы, оборудование здесь было германским, а в роли консультантов выступали индийские профессора-фармакологи… За день чудо-завод «имени братьев Басаевых» выдавал на-гора три килограмма чистого героина. На черном рынке один грамм этого зелья стоил 200 долларов. Наркобароны Басаевы открыли тогда свои «представительства» в Санкт-Петербурге, Волгограде, Краснодаре, Уфе, Калуге. И деньги

потекли к ним рекой. «Ичкерийские» заводы по производству опия и переработке героина располагались также в санатории энергетиков в Веденском районе, в пионерском лагере «Зорька» под Шали и других местах.

Идеология ваххабизма не препятствовала производству наркотиков. Ведь в Коране, священной книге мусульман, о них не упоминается ни слова. Даже самые ортодоксальные приверженцы Ислама — талибы — не только не считали производство наркотиков смертным грехом, а, наоборот, даже поставили его, как говорится, на широкую ногу. Например, по данным ФСБ, в рекордном 1996 году в Афганистане было произведено 3 тысячи тонн опиума. Кстати, талибы и чеченским бандитам помогали все тем же дурманящим порошком — транспортировать его легче, а превратить «смерть белую» в «смерть стреляющую» много ума не надо. Так, крупную партию наркотиков для реализации на территории России поставил чеченским сепаратистам все тот же террорист № 1 Усама бен Ладен. Есть также сведения об организации поставок героина из Пакистана через территории Грузии и Ингушетии.

Словом, к распространению наркотиков оказались причастными многие полевые командиры. Не случайно военнослужащие федеральной группировки войск на Северном Кавказе при каждой спецоперации, когда обнаруживают базы или места стоянок боевиков, в изобилии находили и находят как использованные, так и готовые к употреблению запасы одноразовых шприцов, наркотические вещества или упаковки от них.

В ходе армейской фазы проведения контртеррористической операции «обколотые» и «обкуренные» бандиты бывало даже поднимались на «федералов» в открытую атаку и шли буквально цепями, не обращая внимания на шквал огня вокруг. Как-то подчиненные генерал-майора Александра Ларченко, командовавшего в те дни группировкой «Запад», захватили в плен четырех боевиков. Как выяснилось позже, они были законченными наркоманами. Через несколько часов у всех четырех началась страшная ломка. За щепотку зелья бандиты готовы были выдать любого из своих так называемых товарищей.

В Чечню международными экстремистскими организациями из-за рубежа были «закачаны» миллиарды долларов. Постоянным источником доходов криминально-террористического режима являлись работорговля и наркоторговля. На эти деньги была создана настоящая террористическая армия — примерно 26 тысяч «штыков». С жесткой организационно-штатной структурой, четкой командной иерархией, с централизованной системой управления,

развитой инфраструктурой. Сотни, тысячи тонн бетона ушло на создание укреплений, бункеров на случай войны. Сотни тонн материально-технических средств было складировано в горных пещерах…

После известных событий 11 сентября 2001 года президент США Дж. Буш издал приказ, вводящий финансовые санкции по отношению к террористам и лицам, сотрудничающим с ними. Его суть сводится к тому, что замораживаются все банковские счета так называемых воинов ислама на территории США и блокируется вся их собственность. Кроме того, Вашингтон предупредил, что будут заблокированы активы любой корпорации или частного лица, если те поддерживают связи с террористическими организациями, список которых к тому времени уже был опубликован. Немедленно были блокированы 30 счетов в самих Соединенных Штатах, а также 20 за границей. Через неделю после вступления в действие приказа президента количество замороженных счетов достигло 500.

Как известно, Президент России Владимир Путин также подписал указ, призванный ввести финансовые санкции по отношению к террористам и лицам, сотрудничающим с ними.

Станет ли борьба с финансовой поддержкой террористических организаций вторым фронтом борьбы с международным терроризмом? Время покажет…

Сжать пальцы в кулак

Борьба с терроризмом — дело достаточно сложное. Сильной его стороной является умение современных экстремистов конспиративно поддерживать контакты со своими единомышленниками как на региональном, так и на международном уровне. Проблема заключается и в том, что у террористов нет стратегии — одна тактика. Практически невозможно предугадать — какое и, главное, где задумают совершить преступление бандиты в следующий раз.

Однако бороться с этим явлением можно и нужно. Но для начала, на мой взгляд, необходимо выполнить хотя бы два предельно конкретных условия. Во-первых, выработать и принять единые критерии оценки терроризма и его проявлений, сблизить антитеррористические законодательства, принять единые для всех заинтересованных государств правила проведения контртеррористических операций. Это помогло бы, в частности, избежать тех самых «двойных стандартов», которые разрушают такой важный фактор в мировой политике, как доверие. Во-вторых, как показывает практика, международный терроризм практически неуязвим для современных методов ведения войны. Единоличные действия даже «сверхдержавы» США не решают проблемы.

По моему мнению, необходим единый коллективный орган, принципиально новый международный механизм, способный оперативно уничтожать базы террористов и лагеря их подготовки по всему миру. Уже высказывалась идея создания наднациональной системы, объединяющей антитеррористические силы многих государств, в состав которой могли бы входить управленческая, информационно-аналитическая, разведывательная, контрольно-финансовая, контрольно-пропагандистская и силовая структуры — соответствующим образом подготовленные и экипированные контртеррористические подразделения, способные в кратчайшие сроки прибыть в любой регион мира и эффективно выполнить задачу по ликвидации террористов. И, конечно же, все антитеррористические действия предполагают в первую очередь теснейшее сотрудничество специальных служб — оперативное информирование, создание единых банка данных и информационного пространства. Причем, полагаю, одной из главных задач спецслужб должно стать раннее предупреждение и профилактика терроризма.

Вместе с тем, думается, нужна широкая межгосударственная

политика, включающая не только оперативные и специальные меры, но также политические, экономические, финансовые, социальные и воспитательные. Увы, военная мощь в борьбе с терроризмом играет хоть и важную, но явно не первостепенную роль.

Что же касается России, тут вновь хотелось бы обратиться к московскому теракту банды Бараева в октябре 2002 года. Впервые тогда государственные власти не пошли на поводу у террористов. Для войск, занятых в антитеррористической борьбе, сам по себе этот факт имеет огромнейшее значение. Федеральные войска и спецслужбы приобрели наконец уверенность в своих действиях. Синдром Буденновска — когда политики бесцеремонно вмешивались в действия силовиков и лично вычерчивали пути эвакуации террористов — безусловно, преодолен. В октябре 2002 года в Москве президент и глава правительства страны лишь определили общую концепцию действий по ликвидации многочисленной банды захватчиков мирных людей, полностью доверившись профессионалам. И тем удалось предотвратить самое страшное — гибель всех людей, находившихся в заминированном Театральном центре на Дубровке. В результате операции, проведенной российскими спецслужбами, появилась твердая уверенность, что «всем миром» можно-таки победить террористов!

Весьма показательна в этом плане первая реакция главы Российского государства на ликвидацию банды Бараева: им принято решение перенацелить Вооруженные силы РФ на антитеррористическую борьбу.

«Международный терроризм наглеет. Ведет себя все более жестоко. То там, то здесь в мире раздаются угрозы со стороны террористов по применению средств, сопоставимых со средствами массового уничтожения. Я с полной ответственностью хочу заявить, — подчеркнул Владимир Владимирович Путин, — что если кто-то хотя бы попытается использовать подобные средства в отношении нашей страны, то Россия будет отвечать мерами, адекватными угрозе, по всем местам, где находятся сами террористы, организаторы преступлений, их идейные и финансовые вдохновители».

В заявлении Президента РФ прозвучали тогда слова и о необходимости радикального перестроения всей системы внутренней и внешней безопасности, восстановления боеспособности собственно армии и флота, а также правоохранительных органов и спецслужб.

Думается, что прежде всего будет обращено самое серьезное внимание на перевооружение армейских частей и подразделений.

В первую очередь Объединенной группировке войск (сил) на Северном Кавказе, например, требуется техника для ведения боевых действий в условиях ограниченной видимости, современные средства разведки и связи, высокоточное оружие и многое другое. Безусловно, важно внести серьезные коррективы в оперативно-тактическую подготовку войск к проведению антитеррористических действий. Хочется верить, что будут усилены спецслужбы, прежде всего подразделения, нацеленные на борьбу с террором, агентурную работу.

Терроризму надо противопоставить силу государства. На террор необходимо наступать, а не только обороняться от него. Борьбу с терроризмом нужно организовать так, чтобы боялись не добропорядочные граждане, а бандиты. Это они должны испытывать страх и ужас перед неотвратимостью наказания, перед законами, перед всей мощью государственной машины.

«Особая папка»

Хроника событий

Март 2002 года

Во второй половине февраля 2002 года обострились отношения между Р. Гелаевым и бандглаварями ваххабитских отрядов в Чечне Ш. Басаевым и Хаттабом, а также их пособниками в Республике Грузия братьями Ахмадовыми Имраном и Увайсом. Причиной конфликта стал захват в заложники братьями Ахмадовыми четырех сотрудников грузинского МВД в Панкисском ущелье, что вызвало широкий негативный резонанс в Грузии. Захват полицейских предпринят Ахмадовыми в ответ на арест правоохранительными органами Грузии известного в Панкиси наркоторговца Юрия Бариташвили, с которым Ахмадовы поддерживали «партнерские отношения» в сфере транзита наркотиков. Вместе с Ю. Бариташвили Ахмадовы перебрасывали героин в Чечню Хаттабу и Ш. Басаеву для реализации на территории Северо-Кавказского региона.

Ю. Бариташвили задержан по наводке и при силовой поддержке Р. Гелаева, рассчитывающего после его устранения занять место грузинского «авторитета» и братьев Ахмадовых в героиновом транзите. Р. Гелаев существенно задел интересы российских олигархов Б. Березовского и Б. Патаркацишвили, курирующих героиновый «бизнес» Бариташвили и Ахмадовых и оказывающих через них финансовую помощь Хаттабу и Ш. Басаеву.

В связи с похищением полицейских власти Грузии предъявили претензии Р. Гелаеву, так как именно с ним грузинские спецслужбы поддерживают контакты и считают его самым авторитетным чеченским полевым командиром в Грузии. Р. Гелаев в свою очередь в ультимативной форме потребовал от Ахмадовых немедленного освобождения полицейских, пригрозив физической расправой в случае невыполнения его требований.

Опасаясь мер силового воздействия со стороны Р. Гелаева, Ахмадовы довели до Хаттаба информацию о похищении сотрудников грузинского МВД с целью получения денежного выкупа, якобы необходимого для освобождения «моджахедов», задержанных федеральными силами в Чечне. Кроме того, Ахмадовы попросили Хаттаба защитить их от Р. Гелаева и обвинили последнего в том, что по заданию спецслужб России он «сдал грузинам» сочувствующего сепаратистам Ю. Бариташвили.

По инициативе Хаттаба и Ш. Басаева Высший военный меджлис-шура вновь поднял вопрос о «дезертирстве» Р. Гелаева в связи с его нежеланием присоединиться к «джихаду» на территории Чеченской Республики. Находящиеся в Грузии близкие к Хаттабу функционеры организации «Братья-мусульмане» Абу Рабиа и Абу Амер пригрозили Р. Гелаеву прекращением материального и финансового обеспечения его отрядов, в случае если он не откажется от своих претензий к братьям Ахмадовым. Одновременно о намерении «заступиться» за Ахмадовых заявил находящийся в Панкисском ущелье бандглаварь-ваххабит Абдул-Малик Межидов.

Направленные против Р. Гелаева действия Хаттаба и Ш. Басаева, находящихся в Грузии шейхов организации «Братья-мусульмане», Имрана и Увайса Ахмадовых, а также А.-М. Межидова преследуют следующие цели:

— принуждение Р. Гелаева к возвращению в Чечню и присоединению к боевым действиям на стороне ваххабитов;

— восстановление контроля Б. Березовского, Хаттаба и Ш. Басаева за каналом транзита наркотиков на территорию Чеченской Республики через Панкисское ущелье.

В результате контртеррористической операции США и НАТО в Афганистане исламские экстремистские организации «Братья-мусульмане» и «Аль-Каида» потеряли возможность использовать данную страну для подготовки террористов. В настоящее время они пытаются превратить территорию Грузии и Азербайджана в плацдарм для сохранения боевого и идеологического потенциала международного терроризма. При этом территория Азербайджана используется в основном для отдыха и лечения боевиков. Исламисты осуществляют свою деятельность здесь с

полуофициальных позиций так называемого «представительства Чеченской Республики Ичкерия» (руководитель Али Асаев). В Грузии, которой террористы отводят роль главной тренировочной и перевалочной базы, происходит прямой вооруженный захват территорий и создание ваххабитских анклавов, аналогичных Кадарской зоне в Дагестане в 1997–1999 годах.

Во второй половине января 2002 года Высший военный меджлис-шура принял решение об открытии в г. Баку Чеченского правозащитного центра (ЧПЦ). Соответствующее сообщение было размещено в февральском номере сепаратистской газеты «Голос джихада». Официальной задачей ЧПЦ является содействие возобновлению работы так называемого «международного трибунала по Чечне», а также сбор и документирование информации о «военных преступлениях» России в Чечне.

По договоренности между Хаттабом и А. Масхадовым, директором ЧПЦ назначен МаирбекТарамов, редактор выходящей в Баку проваххабитской газеты «Кавказский вестник». На должность почетного председателя ЧПЦ планируется пригласить вдову Д. Дудаева Аллу Дудаеву. ЧПЦ разворачивается на базе офиса «представительства ЧРИ в Азербайджане» при поддержке директора «правозащитного центра Азербайджана» Эльдара Зейналова, известного своими связями с чеченскими сепаратистами и финансовой зависимостью от фонда «Аль-Харамейн». Электронное письмо с инструкциями по работе ЧПЦ направлено М. Тарамову от имени приближенного к Хаттабу арабского наемника Абу аль-Валида из офиса правозащитной организации «Мемориал» в г. Назрани (Республика Ингушетия).

Согласно документам, обнаруженным у уничтоженного 16 февраля 2002 года в селе Старые Атаги «бригадного генерала» Х. Хачукаева, «Чеченский правозащитный центр» в Азербайджане создается в качестве официальной «крыши» проходящего по территории республики канала переброски наемников и финансовых средств для бандформирований. Кроме того, находящиеся в Грузии шейхи организации «Братья-мусульмане» Абу Амер и Абу Рабиа намерены использовать возможности ЧПЦ для изготовления и транспортировки в Россию пропагандистских материалов ваххабитской направленности. М. Тарамову в ЧПЦ отведены представительские функции, реально руководить центром будет пособник НВФ Хаттаба в Азербайджане Бухари Бараев.

По показаниям задержанного в феврале органами МВД пособника НВФ Хаттаба Сайхана Хамзатова, исламские террористы стремятся скоординировать по времени создание Чеченского правозащитного центра в Азербайджане с

активизацией усилий, направленных на провозглашение в Ахмет — ском районе Республики Грузия так называемой «чеченской автономии» с центром в селе Дуиси (Панкисское ущелье). В начале февраля 2002 года хаттабовский Высший военный меджпис-шура выпустил фетву (решение), регламентирующую поведение «моджахедов ЧРИ», находящихся на территории Грузии. В этом документе Панкисское ущелье названо «исконной ичкерийской землей».

Требования о создании «чеченской автономии» в Грузии выдвигаются на инспирированных боевиками митингах беженцев из Чеченской Республики в Панкисском ущелье, выступающих против намерения грузинского руководства вернуть их в Чечню. Организаторами митингов являются близкие к Хаттабу пособники НВФ в Грузии Увайс Ахмадов Увайс и Хизир Алхазуров. Денежные средства для оплаты участников митингов поступают от представителя «Братьев-мусульман» в Грузии Абу Амера.

На сегодняшний день ключевым направлением пропагандистской деятельности «Братьев-мусульман» в Грузии стала популяризация идеи введения шариатской формы правления на территориях компактного проживания чеченцев-кис-тинцев и беженцев из Чеченской Республики в Грузии. По утверждению исламистских идеологов, только применение норм шариата способно нормализовать криминогенную ситуацию в восточной Грузии.

Задачей Чеченского правозащитного центра в Азербайджане является обеспечение поддержки проекта «чеченской автономии» в Грузии со стороны международных гуманитарных организаций, в первую очередь — ОБСЕ и Совета Европы. При этом в роли лоббистов перед европейцами будут выступать «цивилизованные» представители масхадовского режима — «министр иностранных дел ЧРИ» И. Ахмадов, пресс-секретарь «президента ЧРИ» М. Вачагаев, «вице-премьер» А. Закаев. В качестве мотива создания «автономии» в Грузии будет обозначена «угроза геноцида чеченского народа в России».

Таким образом, представители претендующего на роль политика «президента ЧРИ» А. Масхадова в очередной раз объединяют усилия с международным террористом Хаттабом и его покровителями из организаций «Братья-мусульмане» и «Апь-Каида». При этом целью А. Масхадова и Хаттаба является формирование на территории государств Закавказья экстремистского анклава для осуществления агрессии против Российской Федерации.

Благодаря своему положению в структуре НВФ Хаттаб

аккумулировал в своих руках контроль над финансовыми средствами, поступающими бандформированиям от зарубежных исламистских организаций на продолжение боевых действий в Чеченской Республике. Все деньги, выделяемые экстремистской организацией «Братья-мусульмане», направлялись именно Хаттабу. Их он затем и распределял по своему усмотрению между полевыми командирами.

Подобные возможности были использованы Хаттабом в полной мере. Получая от своих зарубежных «спонсоров» ежемесячно около 300–400 тысяч долларов на террористическую деятельность в республике, большую часть из них он присваивал себе. Оставшуюся часть распределял в первую очередь между арабами-наемниками из своего ближайшего окружения, и только остатки доставались полевым командирам из числа чеченцев. Например, еще при жизни главарь бандгруппы Ислам Чалаев неоднократно выражал недовольство тем, что получал от Хаттаба на свою группу лишь примерно по 5 тысяч долларов раз в три месяца.

Все это время рядом с Хаттабом находился еще один араб, его «правая рука», Абу аль-Валид. Будучи заместителем Хаттаба, он был в курсе всех его дел. По этой причине Хаттаб также планировал устранить Абу аль-Валида и даже открыто высказывал угрозы расправиться с ним. Так, например, в сентябре 2001 года Хаттаб обвинил Абу аль-Валида и одного из полевых командиров — Белала в том, что они якобы что-то против него замышляют, и пригрозил убить обоих.

Подобное положение вещей абсолютно не устраивало Абу аль-Валида. Кроме личной безопасности он думал также и о том, чтобы занять более высокое положение в иерархии НВФ, а также обогатиться, как Хаттаб, присваивая деньги, идущие на джихад. Им были предприняты попытки выйти на высокопоставленных функционеров организации «Братья-мусульмане» с целью убедить их направлять все денежные и материальные средства в Чечню через него, а не Хаттаба. Однако, несмотря на существовавшие в то время трения между Хаттабом и «Советом шейхов» организации «Братья-мусульмане», Абу аль-Валиду добиться своего не удалось.

В сложившихся условиях им было принято решение устранить Хаттаба и получить тем самым полный контроль над распределением выделяемых бандформированиям денег. Расчет был сделан на то, что он имеет полное право занять место Хаттаба, так как является его заместителем, а значит, ни у кого не возникнет сомнений в том, что это место действительно принадлежит ему.

Планируя устранение Хаттаба, Абу аль-Валид понимал, что сам он должен был остаться непричастным к убийству указанного лидера НВФ. По его словам, якобы кто-то принес Хаттабу несколько писем, от чего Хаттаб и умер.

Из показаний задержанного в селении Исай-Юрт Ножай-Юртовского района Татагаева Джандара Лечиевича стало известно, что в гибели Хаттаба был также крайне заинтересован и А. Масхадов.

Пока был жив Хаттаб, А. Масхадов не мог рассчитывать на возвращение себе прежней власти и авторитета в среде НВФ. Хаттаб и Басаев неоднократно требовали от А. Масхадова оставить пост президента республики. Более того, ими был создан Высший военный меджпис-шура, где они сами себя назначили руководителями.

В среде бандформирований до сих пор нет четкого мнения о том, как погиб лидер бандитского движения Хаттаб. Его внезапная и загадочная смерть привела к расколу среди полевых командиров из-за взаимных подозрений в причастности к убийству самого авторитетного бандглаваря.

Воспользовавшись сложившейся обстановкой, заместитель Хаттаба Абу аль-Валид пытается занять его место. Опирается он при этом на то, что, будучи заместителем, имеет полное право заменить Хаттаба. Кроме того, он ссылается на тот факт, что он был с Хаттабом в последние минуты его жизни и именно ему Хаттаб якобы передал свои замыслы и планы дальнейшей вооруженной борьбы в Чечне против федеральной власти.

Абу аль-Валид предпринимает также попытки объединить вокруг себя верных людей. Однако боевиков и пособников НВФ, поддерживающих его, очень мало. Так, в разговоре с Абу Рабиа он открыто признается, что доверяет только Абу Рабиа и Хавсу. Своими истинными планами и намерениями Абу аль-Валид делится только с ними и тщательно скрывает все от других полевых командиров. Абу аль-Валид пообещал Абу Рабиа и другим увеличить их оклады, при условии если они будут поддерживать его и он утвердится в должности.

В то же время в среде бандформирований, действующих на территории Чеченской Республики, а также и среди функционеров организации «Братья-мусульмане» усиливается недоверие к Абу аль-Валиду.

Тот факт, что Абу аль-Валид находился постоянно рядом с Хаттабом, в том числе и перед смертью последнего, вызывает у членов НВФ обоснованные подозрения в причастности Абу аль-Валида к смерти Хаттаба.

Так, члены бандформирований Джабер и Абу Суфьян, при

жизни Хаттаба относившиеся к Абу аль-Валиду с уважением, теперь открыто выражают ему свою неприязнь и выдвигают против него обвинения в «организации смерти Хаттаба». А высокопоставленный функционер организации «Братья-мусульмане» Абу Кутейба, ранее оказывавший содействие Абу аль-Валиду, теперь не намерен помогать ему.

30 апреля 2002 года А. Масхадов созвал совещание своих полевых командиров, на котором сообщил о создании нового Высшего военного меджписа-шуры (в противовес шуре, существующей во главе с Ш. Басаевым и до недавнего времени с Э. Хаттабом).

На совещании присутствовали: Абалаев Айдамир (бывший глава министерства шариатской госбезопасности «ЧРИ»), Вашаев Золимха, Увайсов Завилбек, Балтукаев Муслим, Юнусов Рамзан и другие.

На следующий день после совещания — 1 мая в 4.30 утра — около села Саясан Ножай-Юртовского района А. Абалаев, З. Вашаев и З. Увайсов были убиты в результате спецоперации федеральных сил. На горной тропе, по которой они двигались на лошадях, была устроена засада.

В настоящее время федеральные силы располагают документом («Обращение к чеченскому народу министра внутренних дел ЧРИ бригадного генерала Айдамира Абалаева»), распространенным в конце марта — начале апреля 2002 года, который обозначил непримиримую позицию А. Абалаева по отношению к деятельности так называемого президента «ЧРИ» А. Масхадова.

Главари бандформирований, в частности Абу аль-Валид, поместили на своих сайтах в Интернете сообщения, что если в течение трех дней, начиная с 15 мая, не будут выполнены их требования освободить задержанных мирных граждан, то экипаж вертолета Ми-24, пропавшего 3 февраля, будет расстрелян.

В связи с раскручиванием боевиками пропагандистской кампании вокруг пропавшего вертолета региональный штаб заявляет следующее.

Действительно, 3 февраля 2002 года вертолет Федеральной погранслужбы России Ми-24 совершал полет по маршруту Гизель — Тускорой-Беслан-Гизель. В связи с ухудшением погоды (плохая видимость, снежные заряды) экипажу была дана команда сесть в Дачу-Борзой. В 14.45 с вертолетом пропала связь.

Вплоть до настоящего времени федеральными силами, дислоцированными в Чеченской Республике, в горно-лесистой местности республики по предполагаемым зонам полета ведется

поиск экипажа и вертолета.

По оперативным и другим каналам пока не получено достоверных сведений о судьбе экипажа в составе:

— командир — майор Кирбанев А. В.;

— штурман-инспектор Томинец В. И.;

— летчик-штурман Золин Д. Е.

Также не выявлено каких-либо следов и вещественных доказательств крушения вертолета.

Наряду с этим следует отметить, что один из главарей НВФ араб-наемник Абу аль-Валид практически сразу стал использовать сложившуюся ситуацию в своих пропагандистских целях. Он заявил, что экипаж якобы жив и находится в его банд-группе — в доказательство этого он привел установочные данные на членов экипажа. Однако было допущено искажение отдельных букв в фамилиях пилотов. Это указывает на то, что у боевиков оказались лишь фрагменты документов, а также перепутана конкретная принадлежность личных номеров военнослужащих.

Несмотря на это, Абу аль-Валид настойчиво выдвигал требования об освобождении 10 мирных граждан, якобы задержанных федеральными силами, в обмен на сведения о судьбе пилотов — «живы или нет». Затем требовал освободить еще 10 задержанных мирных граждан в обмен на передачу экипажа представителям командования ОГВ.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что Абу аль-Валид ни разу не попытался через посредников выйти на контакт с командованием ОГВ(С) и представить списки лиц, которых необходимо освободить в обмен на экипаж. И самое важное, он не предоставил видеоматериалов (как обычно в таких ситуациях принято), доказывающих наличие у боевиков заложников. Все вместе взятые факты, как это ни трагично, указывают на то, что в реальности произошла авиакатастрофа, повлекшая гибель экипажа.

Очевидно, что боевики откровенно блефуют, используя этот случай.

24 мая 2002 года в результате спецоперации, проведенной в Веденском районе, обнаружен тайник с личным архивом Шамиля Басаева. Изъяты загранпаспорта его ближайших родственников. Отметки в паспортах свидетельствуют о неоднократных выездах отца и матери Басаева в ряд исламских государств: Турцию, Иран, Саудовскую Аравию, Иорданию. Трофеями российских спецназовцев стали также многочисленные документы, включая деловую и личную переписку, фотоальбомы братьев Басаевых, видео- и аудиокассеты личного и политически значимого

содержания, а также дискеты и компакт-диски, раскрывающие ряд особенностей финансовой деятельности семьи Басаевых и их окружения.

Некоторые из изученных материалов имеют важное значение для решения оперативных задач контртеррористической операции.

Результаты спецоперации расцениваются как значительный успех федеральных сил и позволяют рассчитывать на внесение ясности в отношении этого известного международного террориста.

Глава 4
Горячий сентябрь в Ингушетии

Начало осени 2002 года в Ингушетии выдалось жарким. Еще не успели остыть горячие предвыборные баталии. Напомню, что весной здесь прошли выборы Президента Республики. Победу одержал Мурат Зязиков. Многие жители Ингушетии, и я вместе с ними, восприняли приход к власти Зязикова с удовлетворением и надеждой, что в данном регионе наконец-то установятся порядок и стабильность. Ведь не секрет, что Ингушетия, соседствующая с Чечней, за последние годы фактически превратилась в перевалочную базу боевиков. Здесь они проходили лечение, через Ингушетию нередко шли поставки оружия террористам. Гуманитарная помощь (продукты питания, медикаменты и т. д.), которая направлялась в палаточные лагеря беженцев, нередко оседала у боевиков в горной части Чечни.

Все это происходило с молчаливого согласия местных властей и попустительства руководства Ингушетии. Опять могут подумать, что Трошев, мол, в очередной раз завел «старую» пластинку и в очередной раз хочет свести счеты с бывшим президентом республики Русланом Аушевым. Отнюдь нет. Никто не умаляет заслуг Аушева в становлении и развитии Ингушетии. Он немало сделал для своего народа. Однако его позиция по «чеченскому вопросу» и моя — как командующего в то время войсками округа и как гражданина России — совершенно противоположны.

Об этом я подробно рассказал в книге «Моя война», поэтому не стану повторяться.

Кстати, совершенно не случайно банда Р. Гелаева планировала прорваться в Чечню именно через Ингушетию. Но обо всем по порядку.

На территорию России отряд численностью свыше 200 человек проник еще в первых числах сентября. Исходя из оперативных данных, а также из имеющихся материалов (показания пленных боевиков, захваченные конспекты и записи по боевой подготовке, образцы вооружения, имущества и снаряжения), бандформирование под командованием Гелаева всесторонне готовилось к прорыву через российско-грузинскую границу с последующим выдвижением в горные районы Чечни именно через территорию Ингушетии, хотя мы не исключали и вариант прохода через Кабардино-Балкарию и Карачаево-Черкесию.

Организационно бандформирование состояло из 9 джамаатов (подразделений):

— арабский (командир Абу-Умар, численность до 12 человек);

— турецкий (командир Атаев Султан, 15 человек);

— кабардино-карачаевский (командир Сейфуллах, 15 человек);

— кистинский (командир Али, 30–40 человек);

— дагестанский (командир Сейфулла, численность не определена);

— ачхой-мартановский (командир Шадаев, до 20 человек);

— бамутский (командир Резван, численность не определена);

— наурский (командир Исса, до 10 человек);

— самашкинский (командир Хусейн, до 10–15 человек).

Кроме того, непосредственно Гелаеву подчинялся отряд наемников «Братья-мусульмане» под руководством Абдул Малика.

В ходе подготовки боевики приобрели современные образцы вооружения, в том числе переносные зенитно-ракетные комплексы, различные виды обмундирования и снаряжения иностранного производства, заблаговременно создавались ими и запасы продовольствия и медикаментов.

С террористами проводились занятия по действиям в горно-лесистой местности и обучению умелому владению всеми видами имеющегося вооружения. Были приняты меры к обеспечению скрытности предстоящих действий.

В ходе выдвижения бандиты рассчитывали на поддержку местного населения, а также планировали использовать промежуточные базы вблизи населенных пунктов. Например, в случае обнаружения их федеральными силами боевики намеревались использовать населенные пункты для укрытия от огня артиллерии и авиации.

Выдвижение бандгрупп в основном происходило в светлое время суток по одному маршруту одновременно несколькими группами по 15–20 человек. Строго соблюдался режим радиомолчания. Для определения направления движения в темное время суток использовались световые ориентиры. Чтобы избежать утечки информации, маршрут и порядок выдвижения знали лишь некоторые члены бандформирования.

Бандиты использовали вьючных животных (лошадей, ишаков), а на участках, где это было возможно, — автотранспорт (УАЗ-469, КамАЗ), который предоставляли пособники из местных жителей.

Отдых, как правило, организовывался в ночное время. Места

для ночевок и промежуточные базы готовились заранее. Они выбирались вблизи населенных пунктов и источников воды. Бандиты размещались рассредоточенно, небольшими группами на удалении 50–100 метров друг от друга. Организовывалась отлаженная система наблюдения за подступами к местам отдыха.

Запрещалось разведение открытых костров, продукты питания употреблялись в сыром виде. Для повышения физической выносливости бандиты в основном использовали продукты с высоким содержанием протеина (сгущенное молоко, шоколадные батончики «сникерс», «марс»). Покидая места отдыха, принимали меры по сокрытию следов ночлега.

При нанесении ударов авиации и артиллерийском обстреле бандиты быстро меняли место расположения, стремясь выйти из района огневого поражения. При столкновении С группами разведки и спецназа применяли различные тактические приемы, включая быстрый маневр, отход, попытки окружения наших разведчиков.

До боестолкновений в радиосетях сохранялся режим радиомолчания, с началом боевых действий наряду с использованием радиостанций «Кенвуд» («Моторола») применялись сигналы опознавания и оповещения голосом — подражая звукам, издаваемым животными, в основном вою волков, лаю шакалов.

А теперь о том, как развивались события по блокированию и уничтожению основных сил банды Гелаева.

20 сентября

В 9.50 по линии оперативных дежурных МВД Республики Северная Осетия-Алания в штаб 58-й армии поступила информация о блокировании силами подразделений милиции группы вооруженных людей в районе населенного пункта Тарское.

В 10.00 было отдано распоряжение выдвинуть в этот район войсковую маневренную группу в составе мотострелковой роты и разведывательного взвода.

В 10.30 поступило сообщение о гибели двух военнослужащих в районе Тарское (армейский полигон).

В 10.40 на место происшествия выехала группа офицеров управления армии во главе с командующим генерал-лейтенантом В. Герасимовым. Выяснилось, что прапорщик В. Ан и рядовой О. Зинзиверь на автомобиле УАЗ направлялись с полигона «Тарское-2» в пункт постоянной дислокации своего полка во Владикавказ и попали в засаду, устроенную бандитами.

Стало известно, что боевики на одной из

сельскохозяйственных ферм захватили в заложники четырех местных жителей и угнали несколько коров. По словам заложников, которых позднее боевики отпустили, группа бандитов состояла из 10–12 человек. Все они носили бороды, были одеты в камуфляжную форму иностранного образца, вооружены автоматами и гранатометами.

Заместитель министра внутренних дел Северной Осетии-Алании сообщил, что боевиков блокировать на ферме не удалось. Две милицейские группы ведут их преследование.

12.00 В сложившейся обстановке были сориентированы все силовые структуры Северной Осетии и Ингушетии. В районе Тарское организована работа оперативной группы 58-й армии.

12.30 При высадке разведывательной группы вблизи командного пункта по вертолету Ми-8 с господствующей высоты, в двух километрах северо-восточнее Тарское, были произведены два пуска из переносного зенитно-ракетного комплекса «Игла». Вертолетчикам удалось применить противоракетный маневр. «Иглы» прошли мимо цели.

Пуск ракет засекли с наблюдательного пункта, но ответить огнем возможности не было. Оказалось, что донесение о преследовании боевиков милицией было ложным. Бандитов никто не преследовал. Милиционеры отсиживались у подножия горы, откуда боевики произвели пуск этих двух ракет.

Генерал Герасимов приказал отвести милиционеров на безопасное удаление, и только после этого по предполагаемому району расположения бандитов был нанесен огневой удар боевыми вертолетами и артиллерией. Две разведывательные группы начали преследование бандитов.

К 18.00 район населенных пунктов Тарское, Сунжа, Комгарон был блокирован войсками, а административная граница Северной Осетии и Ингушетии — силами подразделений МВД Ингушетии.

В ночь с 20 на 21 сентября артиллерия вела огонь по целям, выявленным разведчиками.

21 сентября

В течение дня четырьмя разведывательными группами были произведены дополнительная разведка местности и осмотр результатов огневого поражения. Обнаружено около 20 кострищ, медикаменты, использованные одноразовые шприцы, обрывки камуфляжной формы, обертки от «сникерсов», супов быстрого приготовления, пищевых концентратов и заменителя сахара.

22 сентября

Утром после осмотра результатов огневого поражения стало

ясно, что группы боевиков продолжают движение по лесному массиву в северном направлении вдоль административной границы Северной Осетии и Ингушетии.

13.30 Поступила информация, что в одном километре южнее селения Комгарон в районе учебного центра Владикавказского института Внутренних войск МВД РФ был ранен и задержан один из боевиков. Им оказался некий Алиев.

По его показаниям, в лесном массиве южнее селения Комгарон находится бандформирование численностью до 200 человек под командованием Р. Гелаева. Утром 22 сентября они начали выдвижение в направлении ингушских сел Мужичи, Галашки и далее на Бамут (Чечня).

Исходя из этой информации, а также по данным, полученным разведчиками, в предполагаемый район нахождения боевиков была направлена на вертолетах поисково-штурмовая группа. Одновременно организована воздушная разведка всего лесного массива восточнее населенного пункта Тарское до реки Асса.

Началась переброска подразделений 58-й армии на западный берег реки Асса по рубежу Галашки — Мужичи — Алкун. К вечеру вертолетами туда высадились группы разведки и спецназа.

Совершив марш, к исходу дня заняла позиции на западной окраине Галашек мотострелковая рота со средствами усиления. Сразу после занятия указанного рубежа мотострелки приступили к созданию системы огня и фортификационному оборудованию позиций.

23 сентября

7.00 На юго-западной окраине Галашек развернулся командный пункт оперативной группы 58-й армии.

В течение дня продолжались переброска подразделений на рубеж Краснооктябрьское — Алкун, совершенствование системы огня, фортификационное оборудование занимаемых опорных пунктов и позиций, устанавливались минно-взрывные заграждения на вероятных направлениях движения бандитов. Разведывательные группы вели поисковые действия.

18.00 Прибывшая мотострелковая рота заняла опорные пункты вдоль дороги Мужичи — Галашки, тем самым перекрывая возможные маршруты выдвижения боевиков.

В ночь с 23 на 24 сентября наносились огневые удары по предполагаемым местам скопления боевиков.

24 сентября

В течение дня разведывательные группы с помощью поисковых собак обнаружили одну из групп боевиков,

численностью до 15 человек. Началось преследование.

17.30 Разведывательная группа обнаружила базу боевиков, расположенную в труднодоступном скалистом ущелье. Там находилась бандгруппа, численностью до 50 человек. По выявленной цели немедленно был нанесен авиационный удар вертолетчиками и произведен огневой налет из минометов.

Двумя разведывательными группами, которые размещались на господствующих высотах в районе Галашки и Мужичи, ночью было установлено перемещение еще четырех бандгрупп (по 10–15 боевиков в каждой). По ним нанесено корректирующее огневое поражение ствольной артиллерией.

25 сентября

Утром две разведывательные группы при выдвижении к населенному пункту Галашки обнаружили вблизи него в лесном массиве лагерь боевиков. Бородатые мужики в камуфляже валили лес, вели работы по сооружению блиндажей и перекрытий. Дополнительно в этот район были переброшены еще две разведгруппы спецназа.

10.00 После проведения пристрелки артиллерийским корректировщиком, находящемся в составе одной из разведгрупп, по лагерю был произведен 15-минутный огневой налет ствольной артиллерией. По завершению огневого поражения шесть разведывательных групп незамедлительно выдвинулись в указанный район для дополнительной разведки местности, поиска боевиков и оружия.

Две из них обошли лагерь боевиков с целью нанести удар во фланг. Одна группа двигалась по гребню хребта, вторая — посредине склона с задачей уничтожить оставшихся в живых бандитов, а в случае невозможности это сделать — вынудить их отойти вниз по склону к ручью.

При продвижении по гребню хребта на подступах к лагерю разведгруппа была обнаружена боевиками и вынуждена вступить с ними в бой.

Всего в ходе боя, по докладам командиров подразделений и участников боя, с учетом огня артиллерии и ударов боевых вертолетов, а также по данным радиоперехвата, потери боевиков составили до 30 человек убитыми и свыше 25 ранеными.

Разведывательные подразделения также понесли потери — трое погибших и четверо раненых.

Приведу несколько выдержек из радиоперехватов.

1 — Асхаб **2** — Сейфулла

2 — У нас на месте трое раненых. Остальные ждут.

1 — Раненые идти могут?

2 — Нет, они лежачие.

1 — Сколько прошли уже?

2 — Около 1 километра от того места. У нас нет другого выхода, мы идем к вам…

1 — Раненые есть? Куда идти?

2 — Много раненых…

1 — Ты говоришь, сами вышли?

2 — Да, вышли. Что у вас?

1 — Мы замерзли.

2 — Терпите, будем все в раю, Аллах с нами…

1 — Джабраил **2** — Арафат

1 — Арафат, где остальные люди?

2 — Они погибли…

В ночь с 25 на 26 сентября были выставлены засады, блокированы мосты и велся огонь артиллерии по наиболее вероятным маршрутам движения боевиков.

26 сентября

В 4.10 с командно-наблюдательного пункта в 300 метрах западнее Галашек была обнаружена группа боевиков, численностью до 120 человек. Они выдвигались в направлении урочища Спорная Поляна — Галашки в обход позиций мотострелковой роты. По боевикам открыт огонь из БТР, стрелкового оружия и заградительный огонь из минометов. Боевики были рассеяны и группами по 3–4 человека стали прорываться в Галашки.

4.30 К месту боя выдвинулся мотострелковый взвод на бронетранспортерах.

Для оказания помощи нашим подразделениям и предотвращения прорыва боевиков через Галашки выдвинулись дополнительно еще четыре разведывательные группы на двух бронетранспортерах. В центре села группа, продвигавшаяся на первой машине, попала в засаду. Огнем из ручного противотанкового гранатомета бандитам удалось подбить БТР, а группа разведчиков, находившаяся на второй машине, быстро спешилась и заняла позиции около заборов близлежащих домов, перекрыв огнем пути продвижения бандитов в соседние кварталы.

Одна из групп выдвинулась по соседней улице, ближе к реке Асса, на помощь разведчикам, попавшим в засаду. В этот момент навстречу им выскочили два автомобиля. Боевики захватили их у местных жителей. Огнем из стрелкового оружия автомобили с боевиками (УАЗ и «Жигули») были уничтожены. Группа

продолжила движение к реке, вдоль которой пытались уйти оставшиеся в живых бандиты. Разведчики огнем прикрыли попавших в засаду товарищей.

Совместно с подразделениями 58-й армии действовал мобильный отряд МВД РФ, оборонявший мост через реку на южной окраине Галашек. Бойцы отряда не допустили прохода боевиков через мост.

7.20 По прорвавшимся на восточный берег реки боевикам был нанесен удар парой боевых вертолетов Ми-24. Огрызаясь огнем из стрелкового оружия и гранатометов, бандиты выпустили пять ракет из переносного зенитно-ракетного комплекса «Игла». Третьей ракетой вертолет был поражен и упал на западной окраине села. Три члена экипажа погибли.

В течение дня силами разведчиков и спецназа совместно с милицией проводилась проверка паспортного режима в селении Галашки. Были захвачены в плен четыре раненых боевика и найдены трупы бандитов, пулеметы, автоматы, электронный миноискатель, укомплектованные рейдовые рюкзаки.

Среди убитых — гражданин Великобритании Скотт Джефри Джон. Он являлся журналистом-стрингером и сотрудничал с телекомпанией «Фронт-лайн-телевижн-ньюс». Был одет так же, как и все боевики, — в камуфляж иностранного производства. При убитом обнаружен британский паспорт, где имелись таджикская и пакистанская визы, а также виза на въезд в Грузию. Найдены блокнот с записями на английском языке и спутниковый телефон. Кроме того, в его вещах обнаружены видеокамера и большое количество отснятых видеокассет.

Кроме англичанина, среди убитых — грузины, турки, выходцы из арабских стран. Захвачено знамя бандитского отряда.

В результате боевых действий в селении Галашки боевики только убитыми потеряли свыше 30 человек.

Позднее стало известно о героическом поступке жительницы селения Галашки Мареме Арапхановой, воспитательнице детского сада. Когда 26 сентября боевики вошли в этот населенный пункт, Марема Ахметовна не пустила их в свой дом, стала призывать односельчан поступать так же. Бандиты зверски убили мужественную женщину. За мужество и героизм при выполнении своего гражданского долга М. Арапхановой присвоено звание Героя России (посмертно).

27 сентября

Весь день силами армейских подразделений продолжались разведывательно-поисковые мероприятия. Они велись одновременно в нескольких районах. В лагере боевиков, по

которому наносилось огневое поражение, обнаружены трупы бандитов, окровавленные остатки камуфляжа.

Подразделения МВД и ФСБ Ингушетии организовали проверку больниц, аптек, продовольственных магазинов.

28 сентября

Мелкие группы боевиков пытались укрыться в лесных массивах в районе населенных пунктов Галашки и Нестеровская. После проведения артиллерийской подготовки здесь высадили тактический десант. Чтобы предотвратить выход боевиков из лесного массива на равнинную часть, были уточнены рубежи блокирования этих районов и привлечены дополнительные подразделения милиции из состава МВД Северной Осетии-Алания.

Проведена очередная проверка паспортного режима в селе Мужичи.

29 сентября

В ходе проведения разведывательно-поисковых действий двумя группами спецназа в пяти киометрах западнее селения Галашки была обнаружена «дневка» боевиков. В ней находились пулеметы, автоматы, упаковки из-под лекарств иностранного производства, использованные шприцы со следами крови, боеприпасы различного калибра, военное снаряжение, около двух десятков укомплектованных рейдовых рюкзаков.

Рядом с этим лагерем спецназовцы нашли место захоронения 17 боевиков.

30 сентября

Вскрыта еще одна база боевиков, где обнаружены два переносных зенитно-ракетных комплекса «Игла», ручной противотанковый гранатомет РПГ-7, два выстрела к РПГ, 39 электродетонаторов промышленного производства, большое количество патронов, саперные лопатки, брошенные спальные мешки, рюкзаки, арабские платки, видеокамера, натовское полевое обмундирование. Здесь же разведчики нашли знамя бандитского отряда.

Силами МВД Ингушетии была проведена проверка паспортного режима в Алхасты и Краснооктябрьском. Задержанных и подозрительных лиц не оказалось.

Учитывая, что работа ингушских милиционеров по проверке паспортного режима в селении Галашки, Мужичи, Алкун, Алхасты практического результата не дала, командующий 58-й армией генерал В. Герасимов принял решение о внезапной повторной

проверке паспортного режима в селе Галашки с привлечением солдат и офицеров 19-й мотострелковой дивизии.

1 октября

8.00 Село было блокировано подразделениями Министерства обороны. Создано 30 групп для проверки домов. Каждая в составе четырех-пяти милиционеров, одного армейского офицера и двух солдат. Однако и на этот раз проверка особых результатов не дала. Вскрылись факты выезда из Галашек нескольких автомобилей с людьми, которые не досматривались милицией.

По данным разведки, оставшиеся в живых боевики мелкими группами пытаются уйти по трем направлениям, на которых обнаружены следы крови, бинты, медикаменты.

В течение дня наносилось огневое поражение по вероятным путям отхода боевиков.

По результатам ведения разведки, докладам командиров подразделений, данным радиоперехватов, с учетом огневого поражения боевики за эти девять дней боев потеряли убитыми и ранеными свыше 100 человек. Основные силы бандформирования Р. Гелаева разгромлены, управление ими парализовано.

Пленные террористы в своих показаниях подтвердили факты пособничества грузинских властей боевикам. В частности, разгромленная под Галашками банда по окончании проводимой грузинскими силовыми структурами так называемой антикриминальной операции (о которой гелаевцев предупредили местные власти и вывели их из Панкиси) должна была вернуться на свои базы в Грузию. По словам задержанных, грузинские власти не только не уничтожают террористов, но даже создают для них благоприятные условия. Так, им регулярно выдавали гуманитарную помощь. Обмундирование и снаряжение импортного производства также постоянно доставлялось по линии гуманитарной помощи в Панкисское ущелье. Согласно этим показаниям, власти Грузии оказывали боевикам содействие даже в получении документов, в том числе в оформлении свидетельств Управления верховного комиссара ООН о том, что они являются беженцами. При этом факт причастности наемников к бандформированиям представителям ООН не раскрывался.

Между тем последние события в районе Галашек породили немало слухов и кривотолков в печати и на телевидении. Журналисты задавали, и вполне резонно, вопрос: почему Гелаеву со своей бандой удалось проникнуть на территорию России? Высказывались различные версии, зачастую весьма надуманные: мол, и деньги заплатили пограничникам, и участки российско-

грузинской границы, дескать, вообще не охраняются и т. д. Все это, конечно, плод фантазии некоторых изданий. Другое дело, что в момент пересечения границы были допущены некоторые просчеты со стороны командования погранотряда. Это факт очевидный.

Еще 17 сентября одним из пограничных дозоров была обнаружена «дневка» бандитов в районе реки Шанзон, недалеко от границы. Исходя из этой информации, были сделаны неверные выводы. Дескать, бандиты, поняв, что их обнаружили и им теперь «ничего хорошего не светит», не решились дальше продвигаться в сторону Чечни и ушли обратно в Грузию. Даже разведывательно-поисковые действия в Джейрахском ущелье пограничниками не были организованы.

В результате боевикам, преимущественно ночью, удалось обойти погранпосты и заставы и скрыться в лесном массиве. К тому же нельзя не учитывать и всестороннюю помощь, которую оказали бандитам проводники из числа местных жителей. Они хорошо знали не только все горные тропки, но и расположение пограничных застав.

На руку боевикам сыграли и неблагоприятные погодные условия, ограничивающие дальность ведения наблюдения. Во время перехода боевиков через границу шел проливной дождь, видимость порой ограничивалась расстоянием 10–15 метров.

Нельзя не учитывать и тот факт, что в Ингушетии бандиты рассчитывали на поддержку со стороны местных жителей, где еще немало оставалось их пособников. К сожалению, такую помощь они получали. Так, по информации одного из пленных боевиков, два местных жителя-ингуша на рынке в станице Слепцовской закупили 120 буханок хлеба, 90 палок колбасы, 70 пачек сосисок, 30 коробок «сникерсов», большое количество упаковок супов быстрого приготовления и минеральной воды.

Сотрудники МВД Ингушетии под любыми предлогами уклонялись от осмотра оставленных местными жителями домов. И только после личного вмешательства генерала Герасимова и прибывшего в Галашки президента Ингушетии М. Зязикова удалось организовать осмотр пустующих домовладений с привлечением понятых из числа местных жителей.

Зачастую формально осуществлялся и контроль за перемещением автотранспорта, его досмотр и проверка документов, что способствовало беспрепятственному перемещению бандитов в некоторых районах республики.

Тем не менее с момента обнаружения бандгрупп в районе Тарское подразделениям Минобороны (из состава 58-й армии) удалось в течение короткого времени организовать

разведывательно-поисковые мероприятия и достаточно точно определить общее направление передвижения боевиков. Этому способствовало и наличие заранее подготовленных резервов разведки. А своевременная переброска разведывательных и мотострелковых подразделений позволила опередить бандитов в их выходе на рубеж Галашки — Алкун почти на двое суток и заблаговременно занять опорные пункты и огневые позиции на путях движения боевиков. Это и определило дальнейшие успехи в ликвидации основных сил банды Р. Гелаева.

«Особая папка»

Хроника террора

2001 год

Участились нападения боевиков на военнослужащих инженерных подразделений, которые обнаруживают и обезвреживают устанавливаемые бандитами взрывные устройства. Бандиты минируют предполагаемые маршруты следования инженерно-разведывательных дозоров, а рядом с местом закладки фугасов организуют засады.

Продолжаются диверсионно-террористические акции в отношении представителей органов власти республики и лояльно настроенных к политике федерального центра чеченцев.

7 января в Урус-Мартане убит имам местной мечети Умалатов. В тот же день в Новогрозненском из автоматического оружия был обстрелян и получил ранение заместитель начальника службы безопасности главы Чеченской Республики Яхчаев.

8 января в районе станции Каргалинская Шелковского района убиты сотрудник РОВД майор милиции М. Бугаев и его сын.

9 января в населенном пункте Герменчуке во дворе своего дома был убит кадий Хасуев. На следующий день из подствольного гранатомета обстрелян дом главы администрации Закан-Юрт Элисханова.

Одним из основных районов по организации диверсионной деятельности по-прежнему остается Грозный. Мелкими группами, численностью от 3 до 5 человек, под видом мирных жителей в светлое время суток боевики ведут разведку, а с наступлением темноты обстреливают блок-посты, места дислокации подразделений федеральных сил, здания военных комендатур и

временных отделов внутренних дел, устанавливают фугасы на городских магистралях. При проведении своих акций боевики используют оружие, извлеченное из тайников, устраиваемых ими в брошенных домах или в квартирах своих пособников. Фактически беспрепятственное перемещение бандитов по городу объясняется наличием у них официальных документов о принадлежности к правоохранительным органам республики или подложных паспортов. Бандиты продолжают использовать в осуществлении терактов молодежь, обещая за подрыв или установку фугаса денежное вознаграждение.

Нередко боевики переодеваются в форму российских военнослужащих и расправляются с мирными жителями, вымогая у них продовольствие и одежду.

По факту похищения сотрудника нидерландского отделения организации «Врачи без границ» американца Кеннета Глака в Чечне возбуждено уголовное дело. Власти республики призвали население принять участие в его розыске. Международные гуманитарные организации немедленно отреагировали на беспредел бандитов, заявив о приостановлении своей деятельности в Чечне.

На окраине Гудермеса, на обочине дороги бандитами был заложен мощный фугас. Его должны были взорвать, когда мимо этого места будет проезжать автомобиль главы администрации Чечни. Но взрыв прогремел еще до того, как головная машина автокортежа поравнялась с тем местом, где была установлена бомба. В результате теракта в этот раз никто не пострадал.

В Грозном, на пересечении проспекта Ленина и улицы Трудовой, в тот момент, когда здесь проезжал пассажирский автобус, следовавший с мирными жителями из селения Чечен-Аул на центральный рынок, бандиты взорвали мощный фугас. Шесть человек тяжело ранены, трое из них находятся в критическом состоянии.

В Грозном бандиты зверски расстреляли очередную русскую семью. Дом сожгли. В преддверии дня депортации чеченцев (23 февраля) случаи подобных расправ над русскоязычными мирными жителями приобрели едва ли не массовый характер. Статистика страшная: только в феврале убито восемь мирных жителей и десять военнослужащих временных отделов внутренних дел и военных комендатур города. Бандиты не пожалели даже 85-летнюю русскую бабушку.

Не только на территории самой Чечни взрываются жилые

дома и пассажирские автобусы.

Несколько террористических актов совершено в Минеральных Водах, Ессентуках и Карачаево-Черкесии. В результате взрывов погибли 20 и ранено свыше 70 человек.

В Северной Осетии-Алании вновь прозвучал взрыв. На управляемом фугасе, установленном на дороге, ведущей из Владикавказа к армейскому горному полигону «Дарьял», подорвался военный автомобиль УАЗ-469. Погибли три человека и ранены двое. Теракт унес жизни подполковника И. Афанасьева, главного инженера районных электросетей Владикавказа В. Щербукина и работницы квартирно-эксплуатационной части В. Шелухиной.

Боевики придерживаются тактики беспокоящих обстрелов мест расположения частей и подразделений ОГВ, блокпостов, зданий ОВД, военных комендатур, а также устанавливают минно-взрывные устройства в районах дислокации и на маршрутах передвижения подразделений федеральных сил. Только за февраль-март количество обстрелов составило 485, а подрывов — 68.

В ночь с 14 на 15 марта были обстреляны здания военной комендатуры и временного отдела внутренних дел Шали.

16 марта в автомобиле «Урал», принадлежащем военной комендатуре, обнаружен подготовленный к взрыву фугас, закамуфлированный под банку автомобильной шпаклевки.

С целью оказания морально-психологического давления на население республики бандиты продолжают проводить целенаправленные акции по физическому уничтожению и запугиванию лиц, состоящих на службе в федеральных и местных органах власти, сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, а также лояльно настроенных чеченцев.

25 апреля в Гудермесе взорвано здание РУБОП, а в ночь на 25 апреля в селении Дуба-Юрт убиты участковый инспектор и трое кандидатов на должности сотрудников РОВД Шалинского района;

26 апреля прогремел взрыв в здании администрации Веденского района, а через два дня боевики попытались подорвать хлебопекарню.

29 апреля в Аргуне при проведении оперативно-розыскных мероприятий в общежитии СПТУ № 30 обнаружены трупы двух девушек-студенток. Они были изнасилованы, а затем зверски убиты.

1 мая в районе селения Автуры обнаружены тела главы администрации села Новая Жизнь Сайхана Чукаева и его

заместителя Умара Усманова со следами огнестрельных ранений, а в Киров-Юрте группой боевиков совершено убийство семерых его жителей. Все они являлись родственниками чеченцев, оказывающих содействие представителям федеральных сил в наведении конституционного порядка в республике.

4 мая убит в с. Новые Атаги кадий Матушев;

В ночь на 11 мая в Ведено бандиты учинили погром в средней школе № 2. На месте преступления оставлена записка с угрозами физической расправы в адрес учителей и учеников.

14 мая произошел подрыв взрывного устройства вблизи дома главы администрации селения Катыр-Юрт Расымбека Бокова, и там же ночью террористы расстреляли из автоматического оружия семью местных жителей Харсуевых.

17 мая на автотрассе Ростов-Баку, в районе Лермонтов-Юрт бандиты обстреляли автомобиль, в котором находилась глава администрации этого населенного пункта Нюра Адуева.

Стремясь придать «законность» совершаемым убийствам, боевики и их пособники распространяют на территории Ножай-Юртовского района текст решения «верховной коллегии военно-шариатского суда» с приговором к смертной казни ряда местных жителей.

За минувший месяц, кроме вышеупомянутых злодеяний, бандитами был совершен и ряд других жестоких преступлений. Убиты главы администраций населенных пунктов Гехи-Чу и Валерик, бывший глава администрации села Гехи, заместитель главы администрации села Белоречье. По подозрению в сотрудничестве с представителями местной власти бандиты расстреляли пять жителей в Элистанжи, трех жителей в Рошни-Чу…

10 июня в с. Старые Атаги террористы произвели подрыв двух взрывных устройств, в результате чего погибли мирные жители этого села, а двумя днями позже в Гудермесе подорвались два автомобиля, начиненных взрывчатыми веществами (один — вблизи здания РОВД Гудермесского района, другой — около здания суда). Результат этих взрывов известен — погибли трое и ранены более 50 человек.

В период с 1 3 по 16 июня главам администраций и жителям Элистанжи и Киров-Юрт Веденского района, Улус-Керт, Борзой и Большие Варанды Шатойского района были подброшены десятки записок с угрозами физической расправы.

Работа с населением стала занимать особое место в деятельности экстремистов. Руководство бандформирований

обращается к местному населению с требованиями организации ими митингов и маршей протеста против федеральных сил.

Подобные мероприятия боевики пытались организовать 10 и 11 апреля в населенном пункте Беной, однако их усилия ни к чему не привели. Жители ответили отказом.

12 апреля в Шали был убит лидер общественно-политического движения «Адамалла» («Человечность») Шавал Дениев.

14 апреля в Грозном убит первый заместитель прокурора города Владимир Мороз и ранен старший помощник прокурора Касум Дженоралиев.

16 апреля на участке дороги Аллерой-Довлетби-Хутор произошло покушение на сотрудников администрации населенного пункта Аллерой, в результате пять человек получили ранения различной тяжести.

8 апреля в селении Кулары Грозненского (сельского) района группой боевиков был открыт огонь по местным жителям. Шесть человек погибло и пятеро ранены. Среди погибших — сотрудница местной администрации и участковый милиционер.

«Пахарь войны» Михаил Лабунец

Штрихи к портрету

Я слышал об этом генерале еще в первую чеченскую кампанию и даже мельком видел, но до знакомства тогда дело не дошло.

Познакомились мы с ним в 1997 году, когда я был назначен заместителем командующего войсками СКВО и переехал из Владикавказа в Ростов-на-Дону. А Михаил Иванович уже тогда возглавлял Северо-Кавказский округ внутренних войск.

Впрочем, и после 1997 года мы почти не общались — так, встречались на каких-либо мероприятиях в официальной обстановке. А разве в подобных ситуациях можно узнать человека? Ведь на всех, как правило, в таких случаях как бы надета эдакая маска, за которой настоящего лица не разглядеть.

И вот наступил жаркий август 1999 года, когда незаконные вооруженные формирования под руководством Хаттаба и Басаева вторглись в Дагестан. А затем пришел и «горячий» сентябрь, когда началась операция по ликвидации бандитского анклава в Кадарской зоне, где в нескольких населенных пунктах возникла неподконтрольная федеральным и республиканским властям зона — самопровозглашенное ваххабитское «государство» со своей

«армией».

Меня, по воле сложившихся тогда обстоятельств (об этом я очень подробно написал в главе «Кадарская зона» в книге «Моя война»), назначили руководителем этой операции, а моим заместителем по внутренним войскам стал Михаил Иванович Лабунец.

Не скрою, я тогда немного запереживал: как сложатся наши с ним отношения? Ведь не секрет, что между начальниками из разных ведомств, чьи силы и средства действуют совместно в одном деле, часто возникают трения. Тем более в таких обстоятельствах, как тогда — в сентябре 1999 года.

Напомню, что я в тот момент был генерал-лейте-нантом, заместителем командующего войсками СКВО, а Михаил Иванович — генерал-полковником, командующим Северо-Кавказским округом внутренних войск. Кроме того, по замыслу операции почти всю «черную работу» (то есть взятие штурмом сел Карамахи и Чабанмахи с их мощными укреплениями и солидным гарнизоном) предстояло выполнить именно подразделениям и частям внутренних войск. Конечно, армейцы в лице артиллеристов, авиаторов, танкистов, десантников тоже были задействованы в операции, однако «внутренникам» досталось самое ответственное и опасное дело.

В итоге что получалось: я, двухзвездный генерал (по штатной должности — второе лицо в своем округе), должен был командовать трехзвездным генералом, который к тому же «по штату» (пусть даже в другом ведомстве) возглавлял округ. Уже в самом этом штатно-должностном раскладе вроде бы должна была скрываться «мина» будущих разногласий. Она могла взорваться, то есть привести рано или поздно к конфликтной ситуации. И я даже заранее настроился на это, внутренне собрался, чтобы быть морально готовым ко всяким межличностным трениям.

Однако худшие мои опасения не подтвердились. Мало того, еще в первые дни операции (уже на стадии разработки и утверждения планов) я понял, что Лабунец страшно далек от чиновничье-генеральского чванства. Ему и в голову не приходило не только оспаривать первенство при принятии решений, но даже сама мысль о «несправедливом распределении ролей» не возникала. Мы с первых минут нашли общий язык, и взаимопонимание, в самом широком и глубоком смысле, не оставляло нас на протяжении всех дней боев в Кадарской зоне. Впрочем, и во все последующие месяцы и годы совместной работы.

Естественно, что мы сблизились духовно в том «горячем» сентябре 1999-го, даже сдружились. Помню, были минуты, когда

я незаметно для Лабунца наблюдал за ним. Выглядел он живописно: в перепачканном землей камуфляже стоял в окопе и, уперевшись локтями в бруствер, пристально вглядывался через бинокль в склоны гор, по которым наступали «его люди»; на щеках и подбородке — седая трехдневная щетина (даже побриться было некогда из-за горячки боя), глаза — красные от недосыпания и усталости, голос — охрипший от непрерывных докладов и команд; радиостанция в его мощной руке, казалось, раскалилась от длительной работы… Тот, кто видел Лабунца в такие минуты, не мог не залюбоваться им — настоящим боевым генералом, далеким от паркетной суеты высоких штабов.

К тому же Михаил Иванович сам по себе очень «фактурный мужик» — высокий, поджарый, без единого намека на живот (который, увы, для многих людей нашего возраста — непременный атрибут фигуры), лицо аскетическое, огрубевшее от солнца и ветра, волосы — «перец с солью» (а теперь, по прошествии нескольких лет, уже и вовсе седые)… Будь моя воля и распорядись судьба иначе, я бы как кинорежиссер снимал бы его в ролях великих полководцев истории. Лучшего типажа не найти. Как трудно себе представить в роли Георгия Жукова кого-либо другого, кроме Михаила Ульянова, так для меня Дмитрий Донской или великие князья Киевской Руси Олег и Святослав и иже с ними должны были бы внешне (да и внутренне) выглядеть, как Михаил Иванович. Видимо, сама судьба, профессия (а значит, высокая ответственность и тяжелейшие испытания) формируют не только внутренний мир человека, но и в значительной мере отражаются и на его внешности. Не зря ведь в обиходе закрепились устойчивые словосочетания, образы — «волевой подбородок», «орлиный взор», «жесткая линия рта» и т. п.

В общем, Михаил Лабунец — настоящий боевой генерал. И я в этом убедился воочию.

На очередном этапе проводимой операции на правом фланге, где действовал один из отрядов спецназа внутренних войск, возникла тяжелая ситуация: продвижение наших подразделений застопорилось.

Естественно, на войне редко бывает так, что все планы и решения выполняются безукоризненно, точно и в срок. Реальная ситуация настолько сложна и динамична, что всего просто физически не учтешь. К примеру, мы предполагали, что ваххабиты, окопавшиеся в селах Карамахи и Чабанмахи, будут сопротивляться отчаянно. Но не до такой же степени, чтобы, обвязавшись гранатами, броситься в гущу наступающих и гибнуть, унося за собой в могилу и жизни наших ребят.

Как позже выяснилось из показаний пленных, местные

(дагестанские и даже чеченские) ваххабиты были настроены менее жестко, в итоге рассчитывая на амнистию и другие поблажки нашего российского законодательства. А кроме того, у них здесь были семьи (ранее мы по «зеленому коридору» дали возможность уйти из зоны боевых действий детям, женщинам и старикам), дома, имущество, приусадебное хозяйство. В глубине души каждый местный житель не был заинтересован в тотальном разрушении всего, что нажито. Однако в рядах ваххабитов в Кадарской зоне было немало наемников из дальнего зарубежья. Эти люди, конечно, считали, что с ними россияне церемониться не будут. Они сами отвергли всякие законы цивилизованного мира и были уверены, что и по отношению к ним мы учиним беспредел.

Конечно, это была их ошибка. Захваченных в плен наемников мы судили по действующим законам. Однако в тот момент «дикие гуси», прошедшие школу Хаттаба, и сами не сдавались, и местным ваххабитам не давали расслабиться, дрались отчаянно, как камикадзе.

К подобному сопротивлению не все наши солдаты оказались морально готовы. И вот в один из моментов наступления, когда ваххабит-самоубийца с истошным криком «Аллах Акбар!» бросился из окопа на спецназовцев, подорвал гранатой себя и одного нашего солдата, а еще одного — ранил, наши ребята дрогнули и откатили назад.

С командного пункта хорошо просматривался крутой склон с нижней окраиной села Чабанмахи, где происходили эти события. Мы с Лабунцом все видели через бинокли… И тут я не стал вмешиваться. Думаю, пусть Михаил Иванович сам разберется, не буду его «за рукав дергать» в такой напряженный момент. Тем более это его люди забуксовали, он их знает и по фамилиям, и в лицо, и по характеру. Я лишь косил глазом и прислушивался, как бы невзначай, какие команды он по этому поводу отдает подчиненному офицеру. Хотя, конечно, равнодушным оставаться не мог. Во-первых, это были наши войска, хотя и другого ведомства. Во-вторых, атака спецназа на южной окраине Чабанмахи не являлась автономной, а была тесно связана с общим ходом операции. От спецназавцев косвенно зависели действия подразделений и частей на других участках наступления. Короче говоря, от того, что на южном склоне Чабанмахи кто-то затормозил, задержка могла возникнуть и в других местах, поскольку бандиты получили возможность для маневра — могли перебросить часть сил и средств на соседние направления.

Слышу, Михаил Иванович связался с командиром отошедших

со своего рубежа спецназовцев:

— Что там у тебя происходит? Почему завяз?

При этом Лабунец, прижимая к щеке радиостанцию, не отрывает от глаз бинокля.

— Давай быстренько разберись в обстановке, уточни задачу каждому, если нужно, перегруппируйся и иди вперед! Из-за вас все может затормозиться…

Спустя некоторое время, уже более жестким тоном, Михаил Иванович «наехал» на подчиненного:

— Что ж ты врешь?! Какая атака? Какое там упорное сопротивление? Я ж вижу отсюда, как твои бойцы по дворам за курами гоняются… Ты что, решил там заодно и пообедать за чужой счет?! Ну, я тебе, блин, устрою подведение итогов!..

Через несколько минут с металлом в осипшем голосе:

— Если через три минуты в атаку не пойдешь, я тебя минометами накрою! Ты понял меня?! Я тебе дам чужих кур. Ты у меня наобедаешься!..

Лабунец в гневе, из глаз — искры, желваки играют, еле сдерживается, чтоб чего худшего не наобещать горе-командиру, а меня, прости господи, вдруг смех стал разбирать. Пришлось отвернуться, чтоб улыбку никто не увидел на моем лице.

Тут Леонтий Павлович Шевцов (генерал-полковник, курировавший операцию от МВД, но до поры до времени не вмешивавшийся в ситуацию, чтоб нам не мешать) подошел к Лабунцу:

— Михаил Иванович, минометами стращать не надо, не волнуйся, я сейчас разберусь на месте, а ты спокойно управляй боем…

С этими словами сел на БТР и поехал на окраину Чабанмахи, где увязли спецназовцы.

Спустя какое-то время командир отряда коротко доложил: «Атакую», и дело пошло.

Возвращается Леонтий Павлович, мы с Лабунцом спрашиваем: «Что вы с ним сделали?»

— Что надо, то и сделал, — хитро улыбнулся Шевцов.

Так мы и не узнали, какие меры воздействия применил Леонтий Павлович, но главное дело было сделано: спецназ в атаку пошел.

— Но все равно подведение итогов я ему устрою, — сердито буркнул Лабунец, имея в виду командира-спецназовца, — дождется он наград от меня!..

На протяжении всей операции в Кадарской зоне это был единственный случай, когда Лабунцу понадобилась помощь «со стороны». Ни в каких подсказках Михаил Иванович не нуждался.

Работа его была безукоризненной. Мне оставалось только координировать в этой операции действия сил и средств по разгрому бандитов, которых, по некоторым данным, насчитывалось до тысячи человек.

Я удивлялся его выносливости. Он не спал сутками, не выпускал из рук нити управления подчиненными войсками, не забывал ни одной детали в развитии боя, мгновенно принимал единственно верное решение. Он был требователен к своим офицерам, но в то же время жалел солдат, не гнал их бездумно, ради сомнительного успеха под пули врага, ел из солдатского котелка, если удавалось часок-другой отдохнуть — спал в БТР, который стоял рядом с командным пунктом. Для меня Лабунец — настоящий окопный генерал, чуждый политических интриг.

Когда позже, в марте 2000 года, огромный отряд Руслана Гелаева (около 1000 боевиков) вошел в село Комсомольское, операцией по его уничтожению руководил Лабунец. Я частично рассказывал об этом в книге «Моя война». Теперь же лишь добавлю, что личный вклад Михаила Ивановича в разгром гелаевцев трудно переоценить. Практически операцией в Комсомольском завершилась активная фаза боевых действий в Чечне. После этого у противника уже не было сил, чтобы держать инициативу в своих руках и навязывать нам «правила игры». Сотни бандитов были уничтожены, многие десятки захвачены в плен. Под Комсомольским мы одержали заметную победу.

Неудивительно, что результатом этой операции явилось то, что генерал-полковник М. Лабунец был представлен к званию Героя России. Однако представление это надолго завязло где-то в высоких московских кабинетах.

— Как же так? — спросил я у тогдашнего главкома внутренних войск.

— Министр против, — ответил мне главком.

— Как же так? — осмелился я спросить у министра внутренних дел РФ.

— Главком не представляет, — сказал министр.

Я только руками развел. Замкнутый круг какой-то! Было обидно за Михаила Ивановича — настоящего «пахаря войны», достойного высокой награды. Сам за себя он никогда не просил, был чужд этой порочной практики — выбивания орденов для себя (хотя и такие у нас сегодня есть генералы). За других вступался, доказывал, что тот или иной человек заслужил поощрения. Мне кажется, он и не ждал ничего за свой ратный труд. Тем более что был в курсе: «наверху» его не очень жалуют; официально хвалят, но в душе у некоторых начальников на него был «зуб» — из-за солдатской прямолинейности, вспыльчивости, презрения к

аппаратным правилам игры…

И все же не только я, многие военные, да и не военные тоже, уважали Лабунца, считали его героем и хлопотали о достойной награде. В итоге спустя долгое время (через несколько лет) Михаилу Ивановичу все же вручили Золотую звезду. Это было логично и справедливо, хотя Лабунец в глубине души уже и не ожидал, что удостоится столь высокого звания. Я искренне радовался вместе с ним, поздравил боевого товарища.

В последнее время видимся мы редко. У Михаила Ивановича забот хватает, в кабинет ему дозвониться почти невозможно: он то в Чечне, то в какой-нибудь бригаде своей работает, в общем, на месте не сидит, весь в делах. Понять его можно. Округ у него трудный, может быть, даже самый трудный. Но я знаю, что он выдержит все, не загордится, не расслабится, будет достойно нести свой крест. И горжусь, что служил с ним рядом, что мог опереться на его крепкое плечо. Если бы у нас в Вооруженных силах все командиры были такие, как Лабунец, половину проблем решили бы без всяких реформ и политического ажиотажа.

Глава 5
Зачем России сильная армия

Когда «простота хуже воровства»

В свое время меня потряс факт, который услышал на лекции в Академии Генерального штаба: в наступательной операции под Москвой зимой 1941 года из каждой тысячи наступавших советских солдат в живых остался только один. Из всех полков, прошедших по Красной площади 7 ноября 41-го, уже к февралю следующего года едва набралась бы стрелковая рота.

Я часто думал об этом, когда в очередной раз утверждал план проведения той или иной операции очередного этапа действий Объединенной группировки войск в рамках общей операции по восстановлению конституционного порядка в Чечне в 1994–1996 годах. Не забывал о горьких уроках Великой Отечественной и в активный период контр-террористической операции, начатой в августе 1999 года. Но на войне как на войне. Полностью исключить потери среди подчиненных, к несчастью, невозможно, но свести их к минимуму обязан командир любого ранга, а для этого он должен помнить всегда, что задачи надо выполнять, но не любой ценой: не ценой сотен и тысяч погубленных солдатских душ, не ценой сиюминутной победы, окропленной кровью, ради личной славы. Защищая государственные интересы, во «вторую Чечню» погибло более 3000 военнослужащих. И этот скорбный список, к великому сожалению, растет по сей день. Склоняю голову перед ними: они отдали Родине самое дорогое — свою жизнь!

Однако не могу понять тех политиков, которые пытаются на жертвах борьбы с террористами и бандитами сколотить для себя политический капитал. Некоторые из них вовсю стараются доказать, что служба в Вооруженных силах не идет на пользу юношам, а наоборот — приводит к их гибели и увечьям. Так и хочется спросить: а почему не бьют тревогу по поводу того, что в автомобильных катастрофах ежегодно погибают более 30 тысячи россиян? За один год жертв на дорогах больше, нежели за всю новейшую полувековую историю участия российских Вооруженных сил в локальных конфликтах, включая Афганистан и обе чеченские военные кампании. Но об этой национальной беде если кто и упомянет, так это начальник ГИБДД России. Да и то при подведении итогов года.

Для меня, например, очевидно: чтобы меньше было аварий с человеческими жертвами на дорогах, надо не только строго наказывать коррумпированных «гаишников» и пьяных водителей, но и качественно ремонтировать и строить эти самые дороги. И если кто-то из политиков попытается «сесть» на эту тему, то

изволь, докажи делом свою правоту: «выбей» деньги под дорожное строительство у правительства России или внедри систему частных дорог, оптимальную схему производства дорожного покрытия и т. д. А если твои дорожные идеи окажутся просто сотрясением воздуха, мыльным пузырем, тогда это достойный финал политической карьеры.

Но не только автокатастрофы уносят человеческие жизни. Сколько сегодня душ человеческих загублено пьянством и наркоманией! Почему же недейственно борются с этим злом, опять же пытаясь критические стрелки перевести в основном на армию.

С армией проще. Если с трибуны Госдумы сказать что-то критическое про Вооруженные силы — в худшем случае обвинят в отсутствии патриотизма. Так что из этого? В конце концов, русофобство все еще модно. И потом, отвечать за промахи и поражения в военном строительстве есть кому — для этого генералы и существуют. Может быть, поэтому сделать военным какую-нибудь «бяку» сегодня стало для некоторых «либералов» чуть ли не делом политической чести.

Возможно, логику поведения некоторых наших законодателей я показываю несколько упрощенно, но по сути очень близко к реальности.

Да, сохранение жизни подчиненных в первую очередь — самая главная забота офицеров и генералов, которым матери отдали своих сыновей. Но тысячу раз не прав будет тот, кто станет утверждать, что это обязанность только кадровых военных. Хотя бы потому, что армия — точный слепок российского общества. От того, насколько подразделения и воинские части в состоянии выполнить боевые задачи, зависит обеспечение защиты государства.

К примеру. Во второй половине прошлого века Советская армия по своей мощи могла противостоять странам блока НАТО. Еще в 1991 году на вооружении в СССР имелись 64 тысячи танков, 67 тысяч орудий и минометов, 76 тысяч БМП и БТР, 10 тысяч самолетов и вертолетов, да еще приплюсуйте к этому количеству комплект техники и вооружения на 3–4 миллиона резервистов. Но уже к началу первой чеченской кампании в 1994 году в России с трудом собрали технику и амуницию для одной общевойсковой армии! Где и как растворилась невиданная боевая мощь СССР? Это остается тайной за семью печатями.

Хотя дело тут не столько в количестве техники, сколько в ее качественных характеристиках, боевых возможностях. И само собой — в обучении солдат умело владеть этой техникой (стрелять и поражать цель с первого выстрела и первой очередью,

определять свое местонахождение, не выходя из боевой машины, и т. д.). А если посмотреть на экипировку нашего солдата (бахилы-сапоги, бронежилет весом с гирю, вещмешок образца 1917 года) — рыдать хочется! Неужели мы хуже американского «янки», на экипировку которого любо-дорого посмотреть.

Прошу понять меня правильно: эти цифры и разговор о современной технике и экипировке — не дань ностальгии по мировой мощи Советской армии, но повод в то же время сказать: пора определиться с отношением государства к своей армии. Мне запомнилось такое высказывание: «Государство сильно своей армией. С ним считаются и его уважают, если армия твердо стоит на ногах, а в ее рядах служат люди, сильные духом, и на вооружении ее находится современная боевая техника».

Арифметика сокращений

В новейшей истории России об этом, очевидно, забыли: фактически за десять лет сократили Вооруженные силы страны в 4 раза — с 4 миллионов 800 тысяч человек до 1 миллиона 200 тысяч. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в активную фазу контр-террористической операции к декабрю 1999 года в Чечню прибыли военнослужащие практически со всей России: забайкальские танкисты, североморские морские пехотинцы, десантники Псковской дивизии ВДВ, ставший легендарным 245-й мотострелковый полк из Московского военного округа, якуты-снайперы из Дальневосточного военного округа… всех и не перечислишь.

С одной стороны, это обнадеживающий факт: федеральная власть сумела относительно быстро собрать со всей страны необходимые силы на опасном участке и навалилась на терроризм, что называется, всей мощью. Но если проанализировать чуть глубже — общая картина не такая уж и радужная. Скорее наоборот.

К примеру, что такое обе чеченские военные кампании со стратегической точки зрения? Локальные конфликты с ограничением использования возможностей широкомасштабных боевых действий. Говоря проще, с теми боевыми задачами, которые были в Чечне (и в середине, и конце 1990-х годов), должны справляться даже не Вооруженные силы, а внутренние войска того же Северо-Кавказского округа внутренних войск.

Естественно, для решения оперативно-тактичес-ких задач в активной фазе боевых действий (таких, как штурм Грозного, ликвидация банды Гелаева и т. п.) необходимо было придавать частям внутренних войск фронтовую и армейскую авиацию, ствольную и реактивную артиллерию, танки и современную инженерную технику. Но получилось, что вся тяжесть проведения боевых, да и специальных операций (и не только в активный период боевых действий) легла на плечи военнослужащих Минобороны, а не сотрудников МВД. Об этом свидетельствует и статистика: только с 1999 по 2001 год в Чечню был откомандирован каждый четвертый офицер и солдат сухопутных войск! Вот где выплыла в своей неприглядности грустная арифметика непродуманных сокращений армейских частей и подразделений. Из чего обычный россиянин, далекий от проблем военной реформы, вправе сделать вполне логичный вывод: участие одновременно в двух локальных конфликтах (подобных чеченскому) может оказаться не под силу нынешней Российской

армии. Горький вывод, но правдивый.

Но ведь Вооруженные силы созданы и предназначены для защиты государства не только от внутренних террористов, но и от внешнего противника.

Мне могут возразить — сегодня у россиян внешних врагов нет. Сегодня нет, а завтра? Кто даст гарантию, что спустя несколько лет в странах, которые сейчас являются нашими стратегическими партнерами, не придут к власти другие руководители и администрации (как бывало в истории не раз), чья политика будет агрессивной по отношению к России?

В свое время СССР тоже имел с Германией договор о ненападении. И мы все знаем, чем это закончилось…

Да, сегодня борьба идет за рынки сбыта, а не за территории. И основные нынешние войны — это войны экономические. Но кто даст стопроцентную гарантию в том, что в запальчивости или излишней самоуверенности иные ретивые политики не перейдут черту. В конце концов знаменитое утверждение немецкого военного теоретика и историка Карла Клаузевица о том, что «война есть продолжение политики государства насильственными средствами», чуть ли не ежегодно подтверждалось на протяжении всего прошлого столетия. Подтверждается этот тезис и в новом тысячелетии. А политика в свою очередь, как известно, есть концентрированное выражение экономики.

Сил Российской армии хватает нынче разве что на два локальных конфликта, а не на полномасштабные боевые действия. Грустный итог военной реформы.

Термины вместо денег

Реформа, как в это верили все, когда она начиналась, должна проповедовать не только огульное сокращение армии. Можно же пойти по пути изменения организационно-штатной структуры частей и подразделений.

В том же Северо-Кавказском военном округе крайне необходимы горные егерские полки и батальоны, способные выполнять любые поставленные задачи в условиях горно-лесистой местности. Взять хотя бы военный гарнизон близ населенного пункта Борзой в горной Чечне. Ведь там высота вершин большей частью переваливает за две тысячи метров над уровнем моря. Так вот, в таких особых условиях, при выполнении боевых задач в подразделениях должна быть специальная техника. По узкой колее горных дорожных серпантинов боевой машине пехоты, а уж тем более танку проехать очень даже непросто — у существующих ныне бронированных боевых машин колея шире колеи узеньких горных дорог. Поэтому на маршах бывает, что такая техника срывается в пропасть. И артиллерия нужна универсальная, работающая, как миномет.

Решить проблему обеспечения таких горных батальонов подходящей техникой сравнительно просто: нечто похожее есть в воздушно-десантных войсках. Те же боевые машины десанта или десантные бронетранспортеры при незначительной доработке вполне могут подойти для эксплуатации в горных условиях. А артиллерийская система «Нона», стоящая сегодня на вооружении той же «крылатой пехоты», во вторую чеченскую кампанию доказала свою так необходимую в горах универсальность. Кстати, уже сегодня один из оборонных заводов Юга России готов поставить в такие горные батальоны уникальную специальную бронированную технику, как гусеничную, так и колесную, в том числе и плавающую.

Иными словами, необходимые технические условия для создания горно-егерских частей есть уже сегодня. Как есть и осознание руководством Вооруженных сил необходимости таких специальных частей. Но нет желания что-то менять. Вот уже который год аргументация и тут не претерпевает никаких изменений: нет денег! (А где же их раньше находили, лет 15–20 назад?)

Зато появились новые военные термины. Один из них — «войсковая маневренная группа» (ВМГ). Словосочетание новое, конечно, да вот суть неизменна. Это не что иное, как упомянутый в Боевом уставе усиленный мотострелковый батальон. И считать

ВМГ достижением проводимых реформ по меньшей мере наивно.

А вот что действительно необычно, так это деление воинских соединений и частей на элитные (части постоянной боеготовности) и неэлитные (все остальные). В элитные собирают и лучших людей, и лучшую технику, и льготы тут выше, а в остальные — по остаточному принципу («На тебе, боже, что нам негоже»). Это все равно что в одной большой семье делить родных детей на любимых и нелюбимых. Такое разграничение может оправдать разве что бездеятельность некоторых командиров полков и соединений. Потому как готовность в любую минуту выполнить поставленную боевую задачу — краеугольный камень в военном строительстве любого государства. Вот тут-то и не надо экономить государству. Грянет война — все должны идти воевать, и элитные, и неэлитные части, — и что тогда? Армия вся должна быть элитной, во всяком случае ее большая, а не меньшая часть.

«Уши» от словесной уловки сторонников этого проекта торчат опять-таки от ссылки на недостаточное финансирование Вооруженных сил.

Но ведь появились же средства на комплектование Псковской 76-й дивизии ВДВ солдатами-контрактниками? И средства немалые — более двух миллиардов рублей.

…Плюс контрактизация всей страны?

На протяжении последнего десятилетия сменились четыре министра обороны РФ. Но и частая смена министров все же не идет на пользу общему делу. Каждый из них привносил с собой что-то новое в понимание военной реформы. Генерал армии Павел Грачев, как десантник, особое внимание уделял развитию воздушно-десантных войск. Игорь Родионов как руководитель Академии Генерального штаба видел решение многих проблем в армии в изменении роли штабов. Маршал России Игорь Сергеев, как ракетчик, считал панацеей для России дальнейшее развитие ракетных войск стратегического назначения. А нынешний министр обороны Сергей Иванов пытается все вышеназванное реформировать.

Однако исполнителем всех начинаний упомянутых министров обороны был и остается один человек — начальник Генерального штаба генерал армии Анатолий Васильевич Квашнин. И какими бы радикальными ни были идеи сменяющих друг друга руководителей российского военного ведомства, пройдя дорожку согласований через Генштаб, все приказы министров несли отпечаток точки зрения именно начальника Генерального штаба. Уж кто-кто, а генерал Квашнин, командуя Северо-Кавказским военным округом и одновременно ходом военной операции по восстановлению конституционного порядка в Чеченской Республике на начальном этапе первой кампании, лучше других в Генштабе знает о проблемах контрактников. Потому как первый и не совсем удачный опыт в этом направлении был именно в «первую Чечню» на базе 205-й отдельной мотострелковой бригады.

Уже тогда было понятно, что для замены солдат срочной службы контрактниками нужны определенные условия.

Во-первых, продуманная до мелочей четкая система отбора кандидатов в волонтеры непосредственно в военкоматах.

Во-вторых, размещение добровольно изъявивших желание служить в армии влечет изменение инфраструктуры военных городков.

В-третьих, необходимо время для перестройки сознания офицеров, привыкших и умеющих командовать в основном «срочниками».

Четвертое условие подразумевает существенное изменение социально-правового статуса самих военнослужащих, подписавших контракт…

Впрочем, подобные «мелочи», основополагающие для

соблюдения прав и обязанностей военнослужащего-контрактника, исчисляются десятками. Простое их перечисление заняло бы не одну страницу. И все эти факторы — суммированные или каждый в отдельности — требуют определенного времени, а не штурмовщины. Тем не менее в 2002 году решено было срочно создать «контрактную дивизию» полного штата.

Подобное ускорение можно объяснить не только политическим моментом, но и демографическим провалом: отсутствие юношей призывного возраста в ближайшем десятилетии вряд ли позволит содержать даже миллионную армию. А если учесть, что половина российских детей страдает различными хроническими заболеваниями, шансы увидеть казармы практически пустыми значительно возрастают.

«Дикие гуси»

Утверждать, что России не нужна профессиональная армия, так же нелепо, как и доказывать, что армия существует вне политики. Всякий командир мечтает о механике-водителе, знающем конкретную боевую машину (БТР, БМП, танк, САУ и т. д.) не один год, или о заместителе командира взвода, способном при необходимости заменить в бою офицера. Все это так.

При упоминании словосочетания «профессиональная армия» у меня ассоциативно встают перед глазами картинки сидячей забастовки перед зданием штаба СКВО сотен контрактников летом 2001 года, когда им, воевавшим в Чечне, «заморозили» выплату так называемых «боевых». Или толпы тех же «профессиональных» военнослужащих на аэродроме Ханкала, штурмующих «вертушки», уходящие на Моздок, в том же 2001 году, после того как заместитель министра обороны РФ по финансово-экономической работе Любовь Куделина дала разъяснения в газетах по вопросу отмены материальной компенсации за участие в боевых действиях, предоставив право военнослужащим (в том числе и контрактной службы) выполнять свои обязанности в «горячей точке» не за 850 рублей «боевых» — суточных (как это было до сих пор), а за 200 целковых — командировочных.

Психология солдата-контрактника определена словосочетанием «дикие гуси» и известна не одну сотню лет. Сводится она к простой истине: служить там, где платят больше. Платят военнослужащему-профессионалу в России немного, поэтому идея «контрактизации» всей нашей армии может сегодня остаться трудно осуществимой.

В качестве аргумента приведу такой факт: в одной из самых густонаселенных областей России — Ростовской (4,5 миллиона жителей) — за 2002 год военкоматы едва смогли отправить в войска 350 военнослужащих по контракту! По численности — это один мотострелковый батальон (и то неполный). Кстати, никто не даст гарантию, что через год большая часть из них не вернется на Дон, отчаявшись далее верить в многочисленные, но так и невыполненные посулы о достойной жизни. А ведь согласно концепции военной реформы таких батальонов, состоящих из контрактников, необходимо иметь сегодня не один-два десятка, а сотни.

В сущности, жить хорошо — это естественное человеческое желание. Но если у контрактника появится одно только

подозрение о недостаточном денежном содержании при полном отсутствии государственных гарантий на льготы, он тут же развернется и уйдет из воинской части.

Повторюсь — это не просто моя субъективная точка зрения. Это мировой опыт содержания профессиональных армий. Со значительной долей уверенности можно предположить, что служба в Вооруженных силах будет восприниматься контрактником как обычное место работы. Как на заводе, в офисе или на строительной площадке.

Но помимо голого прагматизма в воинских частях и подразделениях есть еще и боевые традиции, и священная обязанность защищать свою Родину, и долг поддерживать постоянную боевую готовность. Эти понятия одним только рублем никак не привить. Приведу пример из боевой практики в Чечне.

В октябре 2000 года в Объединенную группировку войск на Северном Кавказе прибыла довольно большая группа контрактников из Приволжско-Уральского военного округа. Их, 300 человек, направили в воинскую часть, расположенную под чеченским селом Шали (кстати, самое крупное село в Европе). Через неделю военные психологи и командиры, проводя профессиональный отбор, взяли для одной воинской части 50 прибывших рекрутов, а для другой — 20. Остальные 230 человек не выдержали отбора, но не особо огорчились тем, что армия их не приняла. «Мы думали, что приехали только воевать, а здесь надо ходить в наряды и даже чистить картошку», — огорчились одни. «Такого жесткого «сухого закона» просто не выдержать», — честно признались другие. Для третьих препятствием стали сроки службы: многие думали, что приехали в Чечню на шесть месяцев, а не на три года, как этого требовали условия контракта. Впечатление такое, что они его и не читали…

Горе-профессионалы решили возвратиться домой. Но при этом, что называется, громко хлопнув дверью. И не придумали ничего другого, как… пикетировать здание местного штаба части. И это в боевой обстановке, когда роты полка были полностью задействованы в операции по уничтожению бандитов!

Командиру части пришлось вызвать разведроту, боевые группы которой опять-таки должны были в это время «прочесывать» местность в поисках баз террористов. А вместо этого разведчикам пришлось силком заталкивать уральцев в вертолет, чтобы отправить их на «Большую землю».

Не спорю: есть факты и другого порядка.

До недавнего времени в одной из разведрот Владикавказского гарнизона служили два брата. Не стану

называть имен и фамилию по той причине, что их до сих пор разыскивают бандитские наемники. Назову их условно: Сергей и Игорь.

Парни родом из Грозного. В первую чеченскую кампанию изверги из так называемой личной «гвардии» Дудаева убили их отца — простого работягу, машиниста тепловоза. Очередью из автомата была тяжело ранена мать этих ребят.

Отслужив два года в спецподразделении одной из частей морской пехоты, Сергей в 1993 году вернулся в отчий дом, женился. Но жить в чеченской столице для русского парня, прошедшего к тому же школу Тихоокеанского спецназа, было в то время невыносимо: чеченские эмиссары слишком уж настойчиво предлагали ему стать бойцом армии самопровозглашенной «Ичкерии».

С началом ввода российских войск на территорию Чечни, а позже при штурме Грозного, Сергей сразу же стал помогать морским пехотинцам, став их бессменным проводником по незнакомым улицам и кварталам города. Жену отправил к родственникам под Бамут. Но, как позже стало известно, молодую женщину это не спасло: она погибла от взрыва гранаты, случайно зацепившись ногой за «растяжку», когда шла по воду к колодцу.

Младший, Игорь, волею отца был определен для учебы в Минеральные Воды. Там же по спецпризыву в 1995 году его направили служить в спецназ внутренних войск. С трудом упросил командира части отпустить в Чечню в 96-м, чтобы вместе с братом вывезти мать из Грозного.

…Братья вместе пришли в отдел кадров мотострелковой дивизии в октябре 1999 года, когда российские войска в соответствии с планом контртеррористической операции пересекли бурный Терек. Прекрасно зная чеченский язык, обычаи, нравы, местность, они стоили целого полка. По данным радиоперехватов, определили нахождение более десятка бандгрупп. Младший из братьев зимой 2000 года навел артиллерию на крупный отряд Хаттаба, который шел к Аргунскому ущелью… Почти все бандиты погибли, и Хаттаб объявил солдата-разведи и ка своим личным врагом-кровником.

В ходе боев Сергей был тяжело ранен, но, после того как выписался из госпиталя, вернулся в родную часть.

Братья служили вместе и после завершения активной фазы контртеррористической операции. И лишь серьезные жизненные обстоятельства заставили одного из них сменить камуфляж на цивильный костюм.

Командир батальона часто спрашивал их: вы в разведке «по личным мотивам», чтобы отомстить за гибель своих близких?

— Нет, — отвечали Сергей и Игорь, — мы просто хотим, чтобы другие матери не теряли своих сыновей, а жены — своих мужей.

История этих контрактников, действительно настоящих военных профессионалов, укрепляет в мысли о том, что сознательно, ради идеи, «идти на контракт» способны далеко не все. Для этого нужны, в том числе, и серьезные жизненные испытания, и осознание необходимости, что военная служба — это личная необходимость для подписывающего контракт.

Побольше бы в нашей армии было таких Сергеев и Игорей!

По своему опыту скажу: в Северо-Кавказском военном округе командиры частей и подразделений трижды подумают, прежде чем взять контрактника на службу. При этом стараются не приглашать кого-либо со стороны, а работать с теми, кто проходил в данном подразделении срочную службу и изъявил волю остаться профессиональным военным. Поэтому в ротах и даже батальонах военнослужащих контрактной службы единицы. Но это действительно те, кто хочет и может служить. Как говорится, лучше меньше, да лучше…

Один — с сошкой, девятеро — с ложкой

Говорю, как человек, прослуживший в армии более 30 лет: я не вижу ничего дурного в идее всеобщей воинской повинности. Отдал Родине свой гражданский долг — и иди после этого куда хочешь: учиться в институт, работать на предприятие или продолжать служить Родине контрактником. Военный билет мог бы стать главным фактом при поступлении в престижные академии и университеты. Глядишь, со временем выпускники доросли бы до министров и депутатов, а то и до лидеров различных ветвей власти — так хоть взвешенно принимали бы решения по оборонным вопросам.

Впрочем, дело даже не в будущей карьере. Мужская часть общества должна уметь с оружием в руках защищать свою страну. В конечном счете обязательность военной службы придает авторитет не только обществу в целом, но и каждому его гражданину в отдельности.

Ну а пока роты и батареи являются истинно рабоче-крестьянскими. Я имею в виду социальный статус призывников. Парни отличные, с ними горы можно свернуть и в бою победить. Они не дрогнут в бою, да и в своей последующей гражданской жизни не станут хлюпиками… Но даже они в большинстве своем чувствуют себя ущемленными, их души гложет червячок сомнений: кто-то из друзей смог «отмазаться» от призыва, а вот я, дескать, нет…

Понимаю этих мальчишек: по статистике 2002 года на военную службу было призвано лишь 10 процентов от общего числа призывников. По словам бывшего замначальника Генштаба генерал-полковника Владислава Путилина, цифра весеннего призыва 2002 года составила 162 тысячи юношей. Осеннего — и того меньше. Получается так: один с пулеметной сошкой, а девятеро — с родительской ложкой.

Следовательно, пришедший в казарму новобранец испытывает все тяготы и лишения военной службы не только за себя, но еще и за девятерых своих сверстников, которые в это время с удовольствием для себя проводят время на «гражданке». Здесь не просто социальная несправедливость, а настоящая общественная дискриминация. Тем более что зачастую эти «откосившие» от службы в армии в лучшем случае переписывают из Интернета рефераты, дипломные работы и делают вид, что учатся в институтах, университетах и академиях.

Мне не единожды приходилось отвечать на вопросы солдат: почему мы, как говорится на молодежном сленге, «попали» и

месим чеченскую грязь, а вот большинство наших друзей развлекаются с нашими девчонками в уютных квартирах? Отвечаю так: вы придете домой уже личностями, которые могут и за себя постоять, и свой бизнес организовать. А если надумаете учиться, то будете не отсиживать лекции, а по-настоящему грызть гранит науки. И заставите любого уважать себя. Именно ВЫ станете элитой нашего российского общества, а не ОНИ, отмазавшиеся от служения своему Отечеству, развращенные и с гнильцой внутри. Ну а по поводу девчонок, не умеющих ждать, — если их чувство не выдержало проверку временем, значит, не настоящее оно: обязательно найдете девушку лучше. Хорошо, что она сейчас «засветилась», а не тогда, когда вышла бы за тебя замуж.

К сожалению, некоторые фракции Государственной думы на стороне уклонившихся от призыва. Они расширяют для этого возможности тех «девятерых», которые к защите Отечества никак не стремятся. Вот и появляются новые обстоятельства для отсрочек. К примеру, теперь, для того чтобы «откосить» от призыва, достаточно оставаться на второй год в девятом классе хоть до 20-летнего возраста и тем самым быть защищенным от военного призыва.

Пусть мою точку зрения разделят не все, но я уверен, что в армии служить должны не год-полтора, а тридцать шесть месяцев. Первый год — учебное подразделение, второй — солдатское становление в линейных ротах и батальонах, а третий — профессиональная служба на контрактной основе и с оплатой службы не ниже, чем на «гражданке». При этом по окончании службы предоставлять льготы не только для поступления в вузы, но и другие. Уже сегодня я на все сержантские должности (командир отделения, замкомвзвода) брал бы служить по контракту ранее отслуживших в армии. Служить должны все юноши призывного возраста, кроме больных, инвалидов, круглых сирот и вундеркиндов. Это поможет решить проблему и «дырявых границ», и в целом обороноспособности России.

Из всякого правила, естественно, есть исключения. К примеру, мальчишка, который уже в школе решает теорему Ферма или показывает спортивные результаты мирового уровня, — такому, конечно же, прямая дорога на студенческую скамью или в Олимпийскую сборную. Армия без них обойдется, пусть прославляют Россию своими талантами. Но ведь потому они и вундеркинды, что их мало. Остальным ничто не мешает осознать смысл понятия Родина через военную службу.

Кстати, еще об одной проблеме. Мехмат МГУ и Бауманку именуют не иначе, как «факультеты Силиконовой долины»: после

их окончания выпускники тут же берут авиабилеты в США. Их жаждет практически любая высокотехнологичная фирма деловой Америки. Впрочем, выпускники вузов рангом пониже тоже спешат оформить виды на жительство в богатенькой Европе, Канаде или Австралии. Зачем же мы сознательно и целенаправленно ущемляем себя и укрепляем «оборонку» США и других стран.

Не могу найти ответа и на вполне логичный вопрос: если каждый второй юноша призывного возраста обучается в институте с военной кафедрой и с вручением диплома впоследствии получает воинское звание «лейтенант» — где же тогда обилие офицеров-двухгодичников в войсках? Его почему-то нет. А тем временем, по данным комитета Госдумы по обороне, в Вооруженных силах РФ остаются вакантными 20 тысяч первичных офицерских должностей. Кто же будет обучать и воспитывать солдата? Может, отсюда и «дедовщина», что взводами рулят сержанты-срочники с сомнительными представлениями об этике. Вдумайтесь, 20 тысяч взводов сегодня без офицеров! Но зато с большим удовольствием «военные реформаторы» отрапортовали о десятках расформированных военных институтов (бывших училищ и академий).

Обреченные на нищету

И все же главной составной военной реформы считаю коренную ломку общественного сознания в стране по отношению к армии. Ведь Вооруженные силы — это не государство в государстве. В частях и подразделениях служат не иностранные наемники, а наши дети. Непонятно только одно: почему отношение к российским солдатам и офицерам, не говоря уже о генералах, такое же, как к нелюбимым пасынкам?

Порой создается впечатление, что некоторые народные избранники, заседающие в Государственной Думе, до сих пор мстят армии за танковый расстрел Белого дома в Москве 1993 года. Будто военные не приказ Верховного Главнокомандующего ВС РФ выполняли, а устроили поход на столицу по собственному желанию. Мы военные люди, и приказы для нас закон.

«Ах, это несправедливо, что офицеры не платят налогов. Ох, жилищно-коммунальное хозяйство не выдержит бремени пятидесятипроцентной оплаты офицерами жилья и коммунальных услуг!.. И вообще, они получают много и ровным счетом ничего не производят…» Да мы и не должны ничего производить, мы Родину должны уметь надежно защищать от врага!

И как-то замалчивается тот факт, что тот же командир взвода должен арендовать жилье (законодательно квадратные метры для проживания молодым офицерам не положены), прокормить семью на те шестьсот целковых так называемых «пайковых», которые определило ему правительство…

Самый скромный обед в офицерской столовой сегодня едва укладывается в 40–60 рублей. Значит, чтобы поесть хотя бы раз в день самому уже требуется полторы-две тысячи! Поднаем жилья нынче тоже недешев: в малых гарнизонах СКВО — от 70 долларов в месяц, в больших городах — свыше ста «зеленых». Вот и получается, что лейтенант вечно занимает где можно от получки до получки. А когда и чем расплатится — неизвестно. Разве что съездит в Чечню, походит под пулями бандитов за двести рублей суточных. Больше доходных статей у офицера нет. Воровать большинству офицерская честь не позволяет, да и красть-то уже нечего. Не солдатские же портянки на рынок тащить… Подрабатывать тоже нет возможности — ведь с утра до ночи то в казарме, то на полигоне.

Вроде как в июле 2002 года хотели исправить положение: повысили оклад за воинскую должность в среднем в полтора раза. Хотели как лучше, но получилось как всегда.

Приведу конкретный пример. Командир взвода старший лейтенант, проходящий военную службу в гарнизонах Ростовской области, с учетом денежной компенсации за продпаек и поднаем жилья до 1 июля 2002 года получал на руки 3249 рублей. После упомянутого повышения его оклад денежного содержания составил 4575 рублей (казалось бы, неплохо!).

А теперь о расходах. Прожиточный минимум на двух взрослых членов семьи к этому времени составил по области 3120 рублей. Если у этого старшего лейтенанта один ребенок — накиньте еще 1340…

Потом, нашему молодому офицеру надо где-то жить. Средняя стоимость аренды жилья (исключая, естественно, областной центр) к лету 2002 года составляла 2000 рублей. Плюс 500 целковых — за коммунальные платежи.

Итого общая сумма выживания офицерской семьи с одним ребенком 7160 рублей в месяц. Почти в два раза больше того, что предложило государство после повышения «получки». И если семейному молодому офицеру до июля 2002 года не хватало 2481 рубля для своего спартанского военного счастья, то теперь ему недостает уже 2585. Старшему лейтенанту, проходящему военную службу в Кабардино-Балкарии, повезло меньше. До повышения ему не хватало на жизнь 2317 рублей, а после 1 июля 2002 года недостает уже 3007 целковых.

Так это идет разговор только о еде и жилье. А на какие «шиши» купить одежду жене, ребенку да и себе (не круглосуточно же ходить в камуфляже), где взять деньги на покупку телевизора, музыкального центра, кухонной посуды, мебели? А хоть какие-нибудь украшения и парфюмерию жене, игрушки ребенку? Вот это как раз и есть проявление «неуставных взаимоотношений» между государством и российским офицером!

А ведь кто-то же это придумал, посоветовал принять, но при этом умышленно или по недоумению сделал все, чтобы подтолкнуть лейтенанта к увольнению из Вооруженных сил. Почему нашим депутатам в рамках военной реформы не сделать хотя бы небольшой шажок навстречу офицерскому корпусу? При этом не выходя за законодательные рамки. К примеру, обязать правительство по итогам служебной деятельности за год в качестве единовременного денежного вознаграждения (ЕДВ) выплачивать кадровым военным не три, а семь или десять окладов денежного содержания. Ведь в Законе «О статусе военнослужащих» ясно написано, что размер этого самого ЕДВ должен составлять не менее трех окладов. То есть можно и более. Хотя бы потому, что это самое пособие — одна из немногих возможностей для офицера купить какие-то элементарные вещи

для быта.

Нет, уцепились наши государственные мужи за эту «тройку» в Законе хваткой бультерьера: никакими доводами не оторвать. Вот и жалуются командиры полков: треть выпускников военных институтов и академий (нынче все военные училища преобразованы в вузы самых высоких рангов) пишут рапорты об увольнении в запас на первом же году своей офицерской службы.

В рамках моей последней итоговой проверки за зимний период обучения я посетил одну из автомобильных частей в гарнизоне Ростова-на-Дону. Часть вроде как и «придворная»: все-таки расквартирована в столице Южного Федерального округа. А молодых офицерских лиц что-то не видно. «Где же, — спрашиваю, — ваша офицерская молодежь?» А командир в ответ: «Прибыли летом из военных институтов семь лейтенантов, да к ноябрю все уволились. Все, как сговорились, «женатики». Я им про условия контракта, а они — про хлеб насущный: не проживем мы в Ростове с семьями на сто пятьдесят «баксов» в месяц».

Что возразишь, когда из агитационной аргументации остается разве что обращение к чести и совести?! Подписал командир части все семь рапортов. То, что в последнее время из частей побежали солдаты целыми группами, факт прискорбный. Но бегут и вслед за молодыми офицерами. Не видеть это смешно. А обвинять в этом генералов — просто глупо. Генерал лейтенанта не может удержать, что уж говорить про солдата…

Меня очень интересовало мнение нашей офицерской молодежи — ведь это наша смена. И на сборе молодых лейтенантов во Владикавказском и Волгоградском гарнизонах решил задать им, вчерашним выпускникам военных институтов и академий, единственный вопрос: как вы оцениваете ход проводимой военной реформы? И три четверти честно сказали, что вся реформа не представляется им конструктивной и видится как обыкновенное сокращение числа воинских частей…

Об исторических параллелях и перпендикулярах

Финансовая проблема — обоюдоострая. Ибо подразумевает не только переосмысление отношения «верхов» к службе в Вооруженных силах, но и перестройку сознания самого военного человека. Когда я в свое время поступал в Казанское танковое военное училище, вообще не задумывался о том, сколько буду получать денег. Как и все абитуриенты, просто хотел стать офицером, уметь защищать свою Родину. А вспомните литературные шедевры Александра Куприна, Льва Толстого и Михаила Лермонтова. Как исторические документы их повести и рассказы свидетельствуют о том, что в русской армии доминировали прежде всего понятия воинского долга и чести, а денежное содержание являлось приложением к этому.

Сейчас в российском обществе культивируется другая жизненная позиция, суть которой выражена одним принципом: обогащайся, как можешь.

В армии же способны обогатиться только единицы. Да и те чаще всего попадают в поле зрения прокурорского ока. Значит, если рассуждать с позиции идеологии обогащения, в Вооруженных силах служат одни неудачники. Те, кто не может «крутиться» в гражданской жизни.

Самое печальное, что подобные настроения разделяют многие военные. К примеру, при опросе солдат и сержантов 42-й мотострелковой дивизии, расквартированной в Чечне, на вопрос: «Гордитесь ли вы службой в Российской армии?» — положительно ответил лишь каждый четвертый. Остальные воспринимают пребывание в войсках как тяжкую обузу, потерянные годы жизни и т. д.

Надежда на изменение отношения к армии забрезжила осенью 1999 года, когда банды Басаева и Хаттаба вторглись в Ботлихский и Новолакский районы Дагестана. Тогда практически каждый житель этой многонациональной республики считал своим долгом если не записаться в создаваемые отряды самообороны, то хоть чем-то помочь военным. На горных серпантинах, протянувшихся от Махачкалы до Ботлиха, благодарные люди старались хоть на минутку задержать армейские колонны, чтобы протянуть бойцам горячий лаваш, бутылку воды, дать что-нибудь из одежды, ободрить благодарным словом…

Именно тогда не только здесь, в Дагестане, а весь наш народ

приветствовал доблесть десантников 7-й дивизии ВДВ, не отдавших превосходящим силам противника высоту Ослиное Ухо, и мужество мотострелков 136-й бригады, штурмовавших высокогорный аул Тандо.

К сожалению, этот всплеск патриотизма не был продолжительным. После штурма Грозного зимой 2000 года все вернулось на круги своя. Война в Чечне стала обыденностью. Слава богу — не такой, как в 1994–1996 годах, когда ангажированные идеологом самопровозглашенной «Ичкерии» Мовлади Удуговым центральные средства массовой информации называли бандитов не иначе, как борцами за свободу или на худой конец — сепаратистами, всячески стараясь окружить этих отморозков этаким робингудовским ореолом.

Позволю себе небольшое отвлечение от темы военной реформы, но так или иначе касающееся ее.

До 1917 года августейшие особы и крупнейшие русские предприниматели считали своим первейшим долгом помогать армии. Тот же Савва Морозов или семья Демидовых попечительствовали над целыми полками. Слышал ли кто-нибудь в новейшей российской истории, чтобы заместитель главы нефтяной компании «Юкос», получающий (судя по сообщениям в прессе) два миллиона долларов в месяц, или глава российского энергетического гиганта РАО ЕЭС Чубайс, денежное содержание которого обходится акционерам в немалые тысячи долларов, попечительствовали хотя бы над одной воинской частью?! То-то и оно, что нет. А ведь армия защищает экономические интересы страны и бизнес крупных предпринимателей. В том числе и в Чечне.

Сейчас все смешалось: белое стало черным, черное — белым. Возникли не исторические параллели, а какие-то исторические перпендикуляры. Крупный бизнес в лице олигарха Бориса Березовского, да и не только его, финансами поддерживал вторжение банд Басаева и Хаттаба в Дагестан. А вот так называемую гуманитарную помощь для воюющих рот и батальонов Российской армии в ходе боевых действий в Чечне собирали простые люди и средней руки предприниматели.

Кто научит любить Россию?

Бесспорно, золотым фондом Северо-Кавказского военного округа являются офицеры, те из них, которые уже перешагнули тридцатилетний рубеж своего жизненного пути. Подавляющее большинство из них прошли горнило локальных войн и конфликтов. Это действительно те, кто служит по убеждению. Да, у многих из них по-прежнему нет собственного жилья, а семьи жалуются на частые переезды. Но у таких офицеров есть четкие жизненные ориентиры. Если хотите — это цементирующее звено Вооруженных сил. Сохранить таких людей в ходе реформы — значит сохранить армию!

Силой личного примера, прекрасным тактическим мастерством и высочайшей ответственностью за каждого своего подчиненного прославился и в первую, и во вторую чеченскую кампании командир батальона воздушно-десантных войск подполковник Игорь Тимофеев. В боях за Аргунское ущелье зимой 2000 года его радиопозывного как огня боялись так называемые бригадные чеченские «генералы».

Человеком-легендой был и остался в памяти воинов-северокавказцев лучший вертолетчик нашей страны Герой Советского Союза, Герой России полковник Николай Майданов, умевший «выжимать» из своего Ми-8 то, что даже предположить не могли конструкторы этого вертолета. Будучи смертельно раненным, Николай Саитович смог выполнить боевую задачу, вывести винтокрылую машину из-под плотного обстрела и посадить ее на «взлетку».

Примером истинного мужества является подвиг начальника парашютно-десантной и поисково-спасательной службы авиации СКВО Героя России подполковника Александра Жукова. Он с земли прикрыл огнем погрузку в вертолет группы спецназа, зная, что остается один на один с десятком боевиков.

Воины-волгоградцы всегда будут помнить о подвиге старшины разведывательно-десантной роты Героя России старшего прапорщика Виктора Пономарева. В 1994 году он закрыл собой генерала Льва Рохлина от пули чеченского снайпера.

Образцом истинного самопожертвования стала судьба Героя России полковника Зарико Иванова. Когда российские войска еще находились на территории Дагестана в 1999 году, уже тогда Зарико, постоянно рискуя, работал с агентурной разведкой в городах и селах самопровозглашенной «Ичкерии». Данные, полученные от его группы, спасли жизни очень многих

военнослужащих, перешедших позднее Терек.

Десятки тысяч офицеров и прапорщиков, солдат и сержантов, пройдя сквозь горнило двух чеченских кампаний, делом, а иногда и ценою собственной жизни доказали свою преданность России.

Мне запомнилась беседа с офицерами и членами их семей в одном из мотострелковых полков, расквартированных на постоянной основе в Чечне. Так вот, из 60 этих семей все без исключения, в том числе и жены офицеров, заявили о своей готовности к самопожертвованию во имя Родины.

Это подтверждают и данные социологического опроса, проведенного в 42-й гвардейской мотострелковой дивизии: 70 процентов офицеров написали в анкете: «Знал, на что иду, когда решил стать кадровым военным». Нельзя упрекнуть в отсутствии патриотизма и молодых офицеров, которые более двух лет служат в составе Объединенной группировки войск на Северном Кавказе.

Не люблю пафоса, но здесь иначе не скажешь: в армии сейчас в основном служат те офицеры, кто по-настоящему любит Россию. Таких людей нужно беречь для Вооруженных сил, недопустимо бесконечно эксплуатировать их чувства, не давая взамен ничего. Нет денег, так дайте награду, досрочно или на одну ступень выше занимаемой должности звание присвойте, спасибо скажите, а не шельмуйте в прессе, иначе обидятся и в конце концов разбегутся. С кем останемся?

Кто залечит душевные раны?

Следует сказать и про отношение к людям, которые успели повоевать, приобрели не только боевой опыт, но и столкнулись с проблемами психологического свойства.

Много говорят и пишут об экономических, политических, демографических последствиях чеченской войны, но, может быть, не менее катастрофическим оказывается ее влияние на душевное здоровье и армии, и всего нашего общества. Речь идет о психологических последствиях участия в боевых действиях.

Какими бы высокими идеалами ни оправдывалась война, человек рождается на свет все-таки не для того, чтобы убивать себе подобных или же самому быть убитым. Война есть явление, противоречащее самой природе человека. Длительное пребывание в состоянии опасности, вид искалеченных и раненых, гибель товарищей, разрушения, запредельные физические и психические нагрузки — вот неполный перечень того, что переживают военнослужащие, участвующие в боевых действиях. Все это служит источником психических травм.

Проблемы душевного здоровья испытывают все военнослужащие, принимавшие участие в боевых действиях. Различна лишь степень выраженности этих проблем и острота их переживаний. Участие в боях, профессиональная деятельность в экстремальных ситуациях отличается от всего предыдущего опыта военнослужащего. Все это оказывает сильное влияние на все сферы жизни, часто приводит к стойким личностным изменениям не только у военнослужащих, но и у членов их семей. Выработанные на войне стереотипы поведения так глубоко укореняются в психике, что продолжают потом влиять на поведение и в мирной жизни в течение многих лет.

В общем, военные раны надо лечить — это аксиома, но и душевные раны тоже. Очень мало тех, кто может справиться с ними самостоятельно. Но как и кто может оказать помощь?

Уже после первой чеченской кампании в СКВО задумались об организации психологического сопровождения военнослужащих округа. И вот, чтобы наладить психологическое обеспечение боевой деятельности, у нас начала активно создаваться структура военной практической психологии: были введены штатные должности военных психологов, организованы центры и пункты психологической помощи, образован первый и единственный в России Центр психологической помощи и реабилитации (ЦППиР) СКВО. Вот так началась реформа в работе с людьми.

В чем смысл деятельности психолога в армии?

Как подготовить военнослужащих к действиям в экстремальной ситуации?

Как им помочь обрести внутреннее равновесие после участия в боевых действиях?..

Эти задачи и пытаются решать специалисты окружного центра.

Одним из главных направлений его работы стала программа подготовки военных психологов. Основная проблема заключается в том, что, во-первых, подавляющее большинство военных психологов не имеет соответствующего профессионального образования. Во-вторых, уже сложившаяся традиция подготовки военных психологов являлась неудовлетворительной, неприемлемой в реальной работе.

Специалисты центра впервые стали вести подготовку военных психологов, опираясь на практические запросы, актуальные потребности военнослужащих СКВО. Например, уже в 2000 году в Ханкале была осуществлена программа обучения, в которой участвовали военные психологи Объединенной группировки войск и 42-й мотострелковой дивизии. Обучение проводилось в экстремальных условиях, но это были принципиально новые формы обучения — с использованием собственного боевого опыта.

В этом деле приходится преодолевать трудности. Так, во время диагностики 15 военных психологов, проходящих службу в Чеченской Республике, было отмечено появление у них синдрома «профессионального выгорания» и деформации или трансформации ценностных ориентаций.

К сожалению, военный психолог часто занимает позицию воспитателя, судьи, по старинке прибегает к старым способам «накачки» военнослужащих. А такая позиция подразумевает взгляд на психическое состояние военнослужащего через призму общих идеальных критериев, а не с точки зрения его субъективного душевного здоровья, состояния психики.

Многим военным психологам самим нужна помощь специалистов. Тем более что они непосредственно участвуют в боях, рискуют жизнью, разделяют с солдатами все тяготы войны, гибнут, как погибли в Чечне подполковники А. Чернов и А. Гаврилов. Светлая им память…

Но вернусь к главной теме.

Специалисты Центра не только занимаются учебно-методической деятельностью, но и сами практически участвуют в психологическом сопровождении военнослужащих в условиях ведения боевых действий. Что за этим стоит? Работа с людьми. Их доверие. Оказание им психологической помощи. Вот, к примеру,

что откровенно рассказывают о своих психических переживаниях военнослужащие, которые приходили на прием к военным психологам.

Военнослужащий срочной службы Алексей С.:

— Мы пошли вниз к речке — набрать воды. Утро такое яркое было. Я вообще-то с ним не корешился. Знал, что он из Ростовской области, что служить ему осталось два месяца. Он чего-то мать вдруг вспомнил, говорил: «Как она там без меня в огороде управляется, картошку садит?» Рассказал, что в Чечню пошел, чтобы помочь матери купить хорошее жилье.

Мы подошли к речке, набрали воды, порадовались еще, что пьем такую вкусную воду. Потому что до этого были в горах и пили даже из лужи, а тут такое счастье — целая река воды… Вдруг хлопок, и он падает мне под ноги. Я сначала не понял. Он на меня смотрит, сказать что-то пытается, а у него изо рта кровь пузырями розовыми… И снова хлопок. Снайпер. Я падаю почти на него. Боли не чувствую. Лежу, не шелохнусь, хочу руки и ноги втянуть и стать маленьким, незаметным, а он рядом хрипит. Его кровь меня заливает. Она уже и в носу, и во рту. Меня просто сводит судорогой тошноты… Шевелиться нельзя. Все вокруг превратилось в кровь. Он умирает, а я больше не могу. Я знаю, что этот гад сейчас выстрелит, и я умру точно так же, как он…

Большинство военнослужащих самостоятельно пытается справиться с психическими проблемами, но, как правило, неудачно. Многие пробуют «лечиться» водкой, даже те, кто не был раньше склонен к ее употреблению. Возрастает количество различных заболеваний, которые протекают в тяжелой и хронической форме и сопровождаются следующими симптомами: ухудшается концентрация внимания, появляются проблемы со сном, повышается утомляемость, раздражительность, конфликтность, ухудшается память. В таких случаях при лечении тех или иных заболеваний требуется распознать и травматическое расстройство психики, иначе это будет блокировать процесс медикаментозного лечения основной болезни.

Интересно также, что у военнослужащих, имеющих многократный опыт командировок в «горячие точки», появляется эффект клановости. «Меня понимают только свои» — это своего рода защитный кокон, уход от решения личных проблем. Негативными проявлениями клановости являются предвзятость и негативная конкуренция между военнослужащими. Можно услышать такие разговоры: «Я в Грозном воевал, а ты в Ханкале отсиживался…»

Психологи отмечают, что среди более половины воевавших офицеров отмечается склонность к рукоприкладству,

физическому насилию в отношении к подчиненным, резкое повышение агрессивности.

Возрастает конфликтность и в семьях воевавших ребят. Семья принимает на себя первый удар со стороны психически травмированного военнослужащего, его внутреннее напряжение передается жене и детям. Статистика свидетельствует об увеличении в таких семьях числа разводов, о нарушении супружеских, сыновьих и родительских отношений. Например, жена одного офицера сказала: «После этих командировок в Чечню его семьей стали сослуживцы, а я забыта».

Короче говоря, видно, что участники боевых действий пытаются жить по совершенно иным законам, нежели люди, окружающие их.

Что же делать с ними, прошедшими через войну? Опыт психологов СКВО показывает, что главное — примирить человека с его прошлым. Прошлое нельзя изменить, но можно адекватно его воспринимать. Военнослужащие, прошедшие ад войны, потрясенные увиденным и пережитым на этой войне, находят свой путь к исцелению. И остаются в строю. Остаются полезными гражданами своей страны. Но для этого общество должно их понять и помочь. Я уж не говорю про то, что нельзя их шельмовать и требовать большего, чем они способны дать.

У семи нянек…

Ни для кого не секрет, что военнослужащие Северо-Кавказского военного округа — признанные специалисты по части ведения локальных войн. Более 80 процентов из них имеют реальный боевой опыт.

Это заслуживает уважения. Но участие в локальных конфликтах вырабатывает определенный стереотип проведения той или иной операции, зачастую идущий вразрез с Боевым уставом. Объясню на конкретном примере.

По дорогам Чечни принято передвигаться «на броне», то есть на корпусе БТРа или БМП. И это не пижонство, а жизненная необходимость: при наезде на мину или при попадании гранаты ручного противотанкового гранатомета в боевую машину пехоты или бронетранспортер у солдат «на броне» шансов выжить намного больше, нежели у тех, кто находится внутри бронированного корпуса.

А вот практика ведения широкомасштабных боевых действий свидетельствует о другом. При массовом использовании противником авиации и артиллерии подобный способ передвижения грозит полным истреблением личного состава.

Другой аспект: в локальных конфликтах не используется оружие массового поражения (ОМП). Поэтому необходимое снаряжение, предназначенное для защиты от радиационного, химического или бактериологического оружия за ненадобностью покоится на складах. А ведь в современных войнах ставка делается в том числе и на ОМП. Эта тема боевой подготовки (к счастью!) в ходе контртеррористической операции отпала за ненужностью.

Расхождения с основными положениями Военной доктрины Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 21 апреля 2000 года, возникли у артиллеристов, выполняющих сейчас узкий круг шаблонных огневых задач; в мотострелковых подразделениях, личный состав которых большей частью стоит в оцеплении при проведении паспортного контроля в чеченских селениях; изменились задачи и у подразделений ПВО, «работающих» в Чечне не по воздушным, а по наземным целям… Но самым существенным минусом проводимых на практике преобразований является тот факт, что вот уже более десятка лет нет четкого разграничения функций силовых ведомств в зонах проведения контртеррористических операций.

Зачастую получается, что, выполняя боевые задачи совместно

с подразделениями тех же Внутренних войск МВД РФ в ходе локальных конфликтов, армейцы превратились как бы в дополнение к силовым подразделениям Министерства внутренних дел. Хотя по количественному составу те же Внутренние войска МВД РФ почти равны Сухопутным войскам МО РФ.

Что мешает подчиненным министра внутренних дел своими силами выполнять задачи, поставленные правительством? Отсутствие надлежащего вооружения? Но та же 100-я дивизия особого назначения Внутренних войск МВД РФ, расквартированная в Ростовской области, в своем штате имеет и артиллерию, и танки, а при необходимости — приданные вертолеты. И если приплюсовать сюда многочисленные СОБРы, ОМОНы, ОБОНы, МОМы, СОМы и т. д., то силища у Министерства внутренних дел просто неимоверная.

Может быть, препятствием для этого является особенность выполняемых ими задач? Тоже нет. Внутренние войска для того и созданы, чтобы разбираться внутри своей страны с различного рода террористами, сепаратистами и т. п.

Не меньшие боевые возможности и у пограничников, защищающих южные рубежи страны. Воины в зеленых фуражках гордятся, что Итум-каленский погранотряд, заставы которого контролируют российско-грузинскую дорогу и ее окрестности, — самый крупный в мире. Не меньше и Назрановский погранотряд. Никто не пытается преуменьшить значимость пограничников на Северном Кавказе. Но почему тогда в сентябре 2002 года банда в две сотни человек перешла государственную границу и из Грузии без особых затруднений подошла к Владикавказу? Значит, наша граница, мягко говоря, полупрозрачная. Значит, скорее всего, назрела необходимость создать на участке границы с Грузией еще один огромный погранотряд, равный по численности Итум-каленскому.

Уничтожать бандитов, пришедших из Панкисского ущелья, замечу, было поручено военнослужащим 58-й общевойсковой армии, а не подразделениям внутренних войск или пограничникам. При этом погибли 17 наших разведчиков и артиллеристов.

Министерство по чрезвычайным ситуациям тоже нельзя назвать малочисленным или малообеспеченным. Но и они не прочь в чрезвычайных ситуациях взять себе в помощь армейские подразделения инженерных и химических войск, а то и мотострелковые полки.

В Военной доктрине РФ четко сказано: «Военная организация государства включает в себя Вооруженные Силы Российской

Федерации, составляющие ее ядро и основу обеспечения военной безопасности, другие войска, воинские формирования и органы, предназначенные для выполнения задач военной безопасности военными методами, а также органы управления ими». А на деле получается, что эта самая «основа» должна во всем подстраховывать эти самые «другие войска» практически в любой критической ситуации.

Невольно возникает вопрос: может быть, в этих самых министерствах тоже что-то не так? И они, как и армия, тоже нуждаются в коренной реформе?

Вот уж воистину, у семи нянек дитя без глазу.

В связи с этим насущна другая проблема. Кому бы ни подчиняли руководство контртеррористической операцией — армии, ФСБ или МВД, — общего и безоговорочного подчинения единому начальнику Объединенной группировки войск (сил) на Северном Кавказе не будет никогда.

Во-первых, «виноваты» субъективные причины — каждый командующий той или иной министерской группировки получает инструкции от своего министерства. А значит, обязан блюсти не столько общие интересы группировки, сколько свои, узковедомственные.

Впрочем, и по объективным причинам тоже. Всего один штрих: в тех же подразделениях МВД РФ широко используются средства связи импортного производства типа «Кенвуд» или «Моторола». Армейские же части в вопросах связи не барствуют и пользуются отечественными армейскими радиостанциями, частотный диапазон которых не совпадает с милицейскими. В итоге при проведении совместных операций зачастую возникает сумятица и неразбериха.

Есть и другая незадача: что сказано по «Мотороле» или «Кенвуду», то сиюминутно известно боевикам. И как бы ни наказывала боевая обстановка сотрудников МВД неэффективностью проведения операций по проверке паспортного режима в чеченских селениях, засадами террористов на направлениях движения колонн — связь, перефразируя поговорку, и ныне там.

Впрочем, отсутствие единых образцов средств связи отрицательно сказывается на эффективности взаимодействия с теми же пограничниками или сотрудниками МЧС, с подразделениями министерства юстиции. Однако в общественном сознании и даже в оценках федерального центра ответственными за неудачи, как правило, назначаются армейские генералы.

Сердечной болью отозвалась в моей душе трагедия вертолета Ми-26, сбитого ракетой террористов над Ханкалой. Тогда погибли

120 человек. Подавляющее большинство были воины-северокавказцы.

Молот оргвыводов обрушился на командующего авиацией Сухопутных войск генерал-полковника Виталия Павлова и на меня. При этом Виталий Павлович был срочно уволен министром обороны. Даже несмотря на то, что генерал-полковник за свою многолетнюю службу награжден 27 орденами и медалями, за воздушные бои в Афганистане стал Героем Советского Союза, а за операции в Чечне — кавалером ордена Мужества.

Мотивировка столь строгих мер в том числе была такова: Ми-26 не предназначен, дескать, для переброски личного состава по воздуху.

Но ведь этот прекрасный вертолет для того и создан! И обладающие лучшей в мире грузоподъемностью, эти винтокрылые машины доказали свою эффективность еще в первую чеченскую кампанию 1994–1996 годов.

Экипаж в тот черный для вертолетчиков августовский день 2002 года сделал все, чтобы спасти падающую машину. Но против вертолетчиков сразу же было возбуждено уголовное дело. Немудрено, что после такой «оценки» действий экипажа буквально в тот же день кадровики получили десятки рапортов об увольнении в запас от членов других вертолетных экипажей, воюющих в Чечне.

Кстати, такая же реакция офицеров была и после того, как начальник Генерального штаба генерал армии Анатолий Квашнин принародно, по центральному телевизионному каналу, до выводов суда, назвал командира танкового полка полковника Юрия Буданова подонком.

Оружие: от шоу до поля боя

Летом 2002 года меня отправили в служебную командировку в качестве эксперта на английский авиасалон «Фарнборо Интернэшнл-2002», который традиционно считается главной аэрокосмической выставкой каждого четного года. В табели о рангах она занимает второе место в мире после французского ежегодного авиакосмического салона в Ле-Бурже.

Участие нашей страны в британском авиашоу преследует едва ли не единственную цель — поддержание имиджа авиадержавы. Этим мы напоминаем, что способны реально выступать на мировом рынке авиавооружений.

Во время салона довелось поговорить о проблемах использования авиации в локальных конфликтах с генеральными конструкторами КБ Сухого и Миля. С удовольствием передал слова восхищения всех, кто в конце 1999 года видел в деле новейшие штурмовики Су-39 конструктора Владимира Бабака в действии. Воистину — это самолет завтрашнего дня.

Был приятно удивлен, что штурмовик оснащен аппаратурой, позволяющей пилоту видеть даже табличку с названием улицы в городе. А по живучести машина сравнима разве что с танком. Можем же делать великолепную боевую технику!

«Вы не знаете, какие лежат у нас под сукном фантастические разработки, для реализации которых просто нет денег», — честно признались гении русского авиастроения.

В свою очередь, и я поделился своей болью. Речь пошла о «рабочих лошадках войны» — вертолетах.

Более половины авиационной техники ОГВ давно уже выработало межремонтный и назначенный ресурс и эксплуатируется только благодаря продлению ее срока специалистами Министерства авиационной промышленности и НИИ МО. Семьдесят пять процентов двигателей находятся в таком же состоянии. Войскам не до технических новинок: лишь бы винтокрылые машины перенесли их в район выполнения боевой задачи. А вертолетчики и рады бы, но зачастую не могут. Чтобы подняться в воздух, не хватает самого необходимого: лопастей несущего винта, главных и хвостовых редукторов, генераторов и автоматов перекоса лопастей…

Во многом из-за физической изношенности Ми-24 и Ми-8, в основном применяемые в этом районе, не в состоянии совершить противоракетный маневр и становятся легкой добычей для переносных зенитно-ракетных комплексов.

Мне запомнился разговор со старшим летчиком отдельного

транспортно-боевого вертолетного полка майором Александром Дзюбой (впоследствии он стал Героем России):

— Вертолетчиков-северокавказцев, товарищ командующий, в авиачастях других военных округов иначе как «божественным ветром» (камикадзе) не называют, — горько пошутил Александр Иванович. — И ведь правда: чем мы отличаемся от японских камикадзе, летавших таранить американские авианосцы в 40-х годах XX века? Поднимаешься в воздух и отгоняешь от себя мысли о том, что родная «восьмерка» может запросто развалиться в небе. При такой интенсивной эксплуатации наша эскадрилья если и протянет, то максимум год…

Что было ответить асу? Что производители боевых машин тоже едва сводят концы с концами? Но ведь это стыдливая полуправда.

Та же статистика свидетельствует: компания «Рособоронэкспорт» по итогам работы в 2001 году по праву вошла в десятку крупнейших мировых экспортеров вооружений, заработав на военных поставках 4,4 миллиарда долларов. Алжир получил ракетные системы для своего военно-морского флота, Греция — противотанковые системы. Китай приобрел 40 истребителей Су-30МК и 8 подводных лодок. Колумбийские государственные символы нанесены на 6 вертолетах Ми-17. «Миль» также построил 6 Ми-35 для чешской армии. Индия купила субмарины и ракеты. Индонезию снабдили автоматами Калашникова и вертолетами, Малайзию — ракетами «Игла», Мьянму — истребителями МиГ-29. Нигерия посчитала необходимым приобрести у России 9 вертолетов Ми-35. Судан закупил 12 истребителей МиГ-29, Пакистан — 12 транспортных вертолетов Ми-17, Йемен — 14 истребителей МиГ-29…

А в зоне проведения контртеррористической операции только за 2001 год 20 вертолетов получили различные повреждения от огневого воздействия с земли. Десять крылатых машин (восемь Ми-8, один Ми-24 и один Ми-26) пополнили по различным причинам список безвозвратных потерь.

Впрочем, итоги технического перевооружения мотострелковых воинских частей и подразделений в ходе военной реформы тоже, мягко говоря, не вызывают особого восторга. СКВО остался со своей старой, измотанной еще в «первую Чечню» боевой техникой. Хотя иногда российские оборонщики преподносили войскам приятные сюрпризы. Нижегородские автомобилестроители порадовали своим ответом на американский автовездеход «Хаммер» — в Чечне проводились испытания аналогичной машины «Водник».

и вертолеты, просто незаменимо. Так оценили ковровский

пистолет-пулемет солдаты и офицеры.

Но при личной встрече на мою просьбу продолжить оружейное «меценатство» представитель завода лишь грустно улыбнулся: больше просто не можем. Если бы поступил госзаказ, ответил он, тогда другое дело. Но заказы, увы, не поступают, хотя даже в минимальной партии себестоимость одного «Каштана» не превысила бы двухсот долларов.

Неужели жизнь вертолетчиков и танкистов стоит меньше указанной суммы?!

Вот и воюем тем, что изобретено три-четыре десятка лет назад.

А вот террористы мыслят иначе. Готовясь к той или иной боевой операции, они до мелочей обдумывают свою экипировку, капризно подбирают необходимое оружие. И деньги при этом для них значения не имеют.

В той же банде, прорвавшейся на территорию Северной Осетии из Грузии, оснащение боевиков было на высоком уровне. Да, оружие осталось армейским: автоматы Калашникова, снайперские винтовки Драгунова, переносные зенитно-ракетные комплексы «Игла-2». А вот экипировке боевиков наши армейские разведчики откровенно завидовали.

У каждого командира бандгруппы (такие группы состоят обычно из 10–12 человек) — спутниковая портативная система глобального позиционирования (GPS), позволяющая мгновенно определить свое местонахождение. У всех боевиков — легкие одноместные палатки, невесомые спальные мешки. Обязательными были даже тепловые химические составы: насыпал такого порошка в ботинки — и в течение суток у ступней ног температура 35–40 градусов тепла. Комфортно, и вероятность простудиться минимальная.

Нет этих «мелочей» ни у армейской разведки, ни у войскового спецназа. Да что там «мелочи» — не хватает основного: засекреченных радиопередатчиков, специальных винтовок и автоматов, рейдовых рюкзаков, разгрузочных жилетов, тех же систем глобального позиционирования….

В этой связи мне запомнилась беседа с командиром разведвзвода старшим лейтенантом Анатолием Дронем. В Объединенной группировке войск он прославился тем, что за два с половиной года, со времени прибытия в Ханкалу, не потерял ни одного солдата — все его разведчики вернулись домой живыми. И это несмотря на то, что именно его парням командование частенько доверяло выполнение самых ответственных задач.

За четыре года офицерской службы этот командир взвода награжден двумя орденами Мужества и медалью «За отвагу».

Впрочем, за эти самые четыре года офицер, кроме войны, ничего и не видел: после выпуска из Московского общевойскового командного училища прямым распределением — в Таджикистан. Потом — Чечня.

Из своих подчиненных он лепил настоящих профессионалов, занимался с каждым солдатом индивидуально.

Но поразило меня другое: каждый из его разведчиков был экипирован не хуже киношного Рембо. На мою шутку: мол, наверное, крепко с вещевиками дружишь? — командир взвода только рассмеялся.

— Наши снабженцы, — отвечает, — это чеченцы из Ведено.

Дело в том, что боевая группа взвода в последнее время «работала» в горах Веденского ущелья. «Вот уж где настоящий бандитский рассадник, — поделился впечатлениями Дронь. — Там, в окрестностях Ведено, мы обнаружили базы с вещевым имуществом и продовольствием. Эти базы хранения, конечно, уничтожили. Ну а добру — не пропадать же!

«Добро» было очень даже специфичное: натовские камуфляжные летние и зимние костюмы, маскировочные халаты для снайперов, добротные сапоги с пластиковыми пластинами на подошвах, очень удобные «разгрузки», позволяющие распределить всю тяжесть переносимых боеприпасов равномерно на все тело…»

Таким образом разведчики обзаводятся тем, что им действительно необходимо для ведения боевых действий. Тем же, кто подобных «духовских» баз не нашел, приходится закупать необходимое на «Большой земле» в специализированных магазинах (сейчас по части экипировки можно найти буквально все).

То, что боец специального назначения должен иметь специальное вооружение и экипировку, наши государственные мужи осознали лишь после нападения банды Бараева на Театральный центр в Москве. После этих трагических событий нашлись и деньги, и полное согласие депутатов Госдумы с правительством относительно специальной экипировки.

Вот уж воистину, гром не грянет — мужик не перекрестится. Жаль только, что от финансового пирога армейским спецназовцам и разведчикам мало что достанется. Хотя для них в зоне проведения контртеррористической операции практически каждый день — свой «Норд-Ост».

С трудом верится и в то, что даже после утверждения Верховным Главнокомандующим ВС РФ В. В. Путиным планов переориентации части задач Вооруженных сил на борьбу с терроризмом вооружение специальных подразделений армии изменится в лучшую сторону. Ведь в том же Северо-Кавказском

военном округе борются с терроризмом уже более десяти лет — начиная с осетино-ингушского конфликта в 1992 году. Сколько было послано «наверх» рекомендаций и пожеланий по поводу выделению необходимого минимума для успешного ведения боевых действий, который под силу даже нашему небогатому государству, не перечесть. А вышло по Крылову: воз наших проблем с нами же и остался.

Не благодаря, а вопреки

Офицеры в Объединенной группировке войск на Северном Кавказе часто шутят: мы научились побеждать не благодаря, а вопреки военной реформе. Но в этой шутке лишь доля юмора, а остальное — правда.

Только один штрих: начиная с 1993 года на финансирование статьи «боевая подготовка» в округ не выделено ни одного рубля. А это значит, что боевая учеба проходит, что называется, самотеком. По принципу: кто, что и где достанет.

На одной из итоговых проверок решил лично проверить подготовку танкистов Волгоградского гарнизона. Тем более что на Северном Кавказе мест дислокации этих войск, составляющих главную ударную силу Сухопутных войск, — наперечет. Может, из-за своей малочисленности теперь танкисты считают себя войсковой элитой.

На танковых учениях все было подчеркнуто образцово. Но когда раздалась команда «Вперед!» и боевые машины ринулись поражать учебные цели, от удивления я на мгновение онемел. Вместо привычных, положенных по условиям проведения стрельб фанерных мишеней, выкрашенных в защитный цвет, полигонные подъемники представили на всеобщее обозрение ярко-алые силуэты «танков».

Спрашиваю у командира батальона: что же у тебя стрельбы проходят в упрощенном виде? Ведь такие «танки» и «безоткатные орудия» не только за полтора, а за пять километров любой ребенок распознает. А подполковник, оправдываясь, приводит мне экономические выкладки, говорит про стоимость листа фанеры, который разлетается в мелкие щепки после двух-трех выстрелов, о том, сколько этих самых листов надо только на одну стрельбу батальона. Вот и нашли танкисты выход: выделяли на парково-хозяйственные дни «ударные бригады» грузчиков на подшефное швейное предприятие, а за это оно одаривало военных… кумачом. Другие ткани вроде как в дело пошли, а революционный алый материал был не востребован.

На безрыбье, как говорится, и рак рыба. Так и учились танкисты «ложить» снаряды в красные тряпки мишеней. В общем, коррида…

А вот артиллеристы сподобились готовить к бою расчеты самоходных установок непосредственно в парке боевых машин. Топлива выделяют мало, поэтому технари заставили работать отдельные системы и агрегаты боевых машин через… электросеть. И, как на тренажере, дешево и сердито: не покидая

парка, наводчики и заряжающие оттачивают навыки согласно штатному предназначению.

Не от хорошей жизни вводятся новшества и в вопросах вождения. На танкодроме основным методом обучения стал «пеший по-танковому». Механику-водителю надевают на голову ящик из-под бананов или апельсинов, в котором прорезана щель, напоминающая ту, в которую солдат смотрит на дорогу в танке. И мотается он пешком по штатным препятствиям танкодрома до тех пор, пока эту самую трассу не пройдет с закрытыми глазами. А по-другому нельзя.

Проехать по тому же танкодрому на боевой машине механик-водитель может только 1–2 раза в полгода. На большее просто нет дизельного топлива.

Вот так и «крутятся» командиры воинских частей, кто как может. Если есть предпринимательская жилка, тогда ты «на коне»: можно и боевую учебу достойно организовать, и казармы подремонтировать. Если соблюдать все запреты, которыми изобилуют приказы вышестоящих штабов, — не миновать нагоняя, а то и лишения должности за «упущения» в боевой подготовке. И основная боевая учеба воинов-северо-кавказцев происходит в настоящем боевом противостоянии реальному противнику в Чечне.

В период активных боевых действий своей инициативой радовали артиллеристы. Что объяснимо, в частности, объективными причинами: в силу, скажем, непогоды авиация и вертолеты зачастую не могут подняться в воздух. Поэтому, исходя из статистики, поражение 80 процентов всевозможных целей в ходе контртеррористической операции на Северном Кавказе — результат работы воинов-артиллеристов.

Кое-что они взяли из опыта Великой Отечественной войны: эффективно использовали так называемое кочующее орудие. По ложбинам самоходная артиллерийская установка скрытно выходила на позицию для стрельбы прямой наводкой и после первого выстрела тут же перемещалась в другое место.

В ходе боев за село Комсомольское (2000 год) появился у «богов войны» новый способ действий: при обнаружении крупного отряда боевиков артиллеристы ведут огонь, постепенно перенося его в глубину по всему фронту. В итоге у боевиков не было никакой возможности укрыться от осколков.

А выучка расчетов установок залпового огня к началу 2001 года достигла немыслимых ранее высот. Реактивщики научились подавлять огневые точки противника одним боеприпасом. Из оружия, замечу, которое предназначено для поражения целей на больших площадях, а не для так называемой точечной стрельбы.

Ювелиры, одним словом!

Естественно, все эти наработки артиллеристов были подчинены одному жесткому правилу, востребованному самой войной: без предварительной огневой обработки того или иного района предстоящих действий мотострелковые и десантные подразделения не приступают к выполнению поставленной боевой задачи. Более того, именно вторая чеченская кампания утвердила как незыблемый следующий закон: ни одна группа, ни один отряд не выходит на выполнение боевой задачи, не имея в своем составе артиллерийского корректировщика, а при возможности — и передового авианаводчика.

Многое изменилось и в тактике самих мотострелковых подразделений. Широкое распространение получила практика действия личного состава в составе боевых двоек и троек и на мушкетерских принципах «Один за всех, все за одного», когда перемещение одного солдата на поле боя огнем прикрывает все мотострелковое отделение. Существенно уменьшить потери с нашей стороны помогали и огнеметчики, приданные отрядам, штурмующим опорные пункты обороны противника.

Тактика локальных войн напрочь отвергла формы ведения боевых действий, применяемые в крупномасштабных вооруженных конфликтах. В условиях высокой плотности огня из стрелкового оружия, который был в том же Грозном зимой 2000 года, при разгроме банды Гелаева в селе Комсомольском или уничтожении боевиков у входа в Аргунское ущелье мотострелкам невозможно было наступать боевой линией, как это требовали боевые уставы. Гораздо эффективнее действия мелкими группами, в составе так называемых двоек: «автоматчик + пулеметчик» или «автоматчик + снайпер». Или троек: «автоматчик + гранатометчик + помощник гранатометчика». Впрочем, состав этих троек может меняться в зависимости от поставленных подразделению задач.

Из практики боевиков пехота взяла на вооружение создание усиленных снайперских групп, особенно эффективных в городских боях, когда работу снайпера прикрывают одновременно гранатометчик и 1–2 стрелка (автоматчик и пулеметчик). Другими словами, все средства хороши. Лишь бы поставленная задача была выполнена при минимуме потерь.

Хочешь жить — умей изменяться. Так говорят сегодня на войне. И меняться надо всем. Иначе понятие «военная реформа» так и останется несбыточной мечтой и для армии, и для общества.

«Особая папка»

2001 год

В лагерях беженцев в Ингушетии пособниками боевиков продолжается активная пропагандистская деятельность по разжиганию антироссийских настроений.

26 марта в Слепцовской, в палаточном городке беженцев, выступил имам Хатуев. Он призывал к проведению массовых антироссийских митингов, которые «волной» должны прокатиться по всей территории Ингушетии и Чечни.

Некоторые представители ингушских властей оказывают все большее противодействие деятельности руководства Чечни по возвращению в Чеченскую Республику вынужденных переселенцев. В лагерях беженцев «Барт» (Карабулак), «Северный», «Алика» (Орджоникидзевская) ингушские должностные лица распространяют слухи о том, что беженцев якобы переселяют к местам прежнего проживания в Чечню, для того чтобы их уничтожить.

В пропагандистских целях сторонники А. Масхадова используют подпольный передающий центр, находящийся в селении Гойты. В Веденском районе отмечена работа радиостанции, осуществляющей передачи на русском языке и пропагандирующей идеи ваххабизма. При этом допускается вступление в ряды ваххабитов военнослужащих, перешедших на сторону боевиков.

В Урус-Мартане, Беное под видом домашних видеофильмов распространяются кассеты с угрозами в адрес чеченцев, сотрудничающих с федеральными силами.

6 июля в Апхан-Кала убит глава администрации Юшан Гасаёв.

10 июля в здании администрации Шалинского района совершен подрыв самодельного взрывного устройства.

22 июля в Грозном убиты заместитель начальника отдела РОВД Сайди Тасухаджиев и начальник криминальной милиции Расул Хабусеев.

30 июня на территории Дагестана в поезде № 191 Баку-Ростов задержана жительница Урус-Мартановского района Чечни Т. Ножаева. При досмотре ее вещей было обнаружено самодельное взрывное устройство с часовым механизмом, которое она должна была установить в автоматической камере хранения на железнодорожном вокзале в Астрахани.

31 июля на окраине Невинномысска произошел захват

рейсового автобуса. Заложниками оказались 39 пассажиров и 2 водителя. Бандит требовал отпустить из тюрем пятерых чеченцев, предоставить вертолет, шесть автоматов, два гранатомета и ящик с патронами. Специалисты уточнили личность террориста. Им оказался ранее судимый Султан Изиев. Бойцы отряда «Альфа» применили спецсредства, а снайпер уничтожил террориста. На его теле было обнаружено взрывное устройство.

В Грозном, на улице Тайханова был обнаружен заминированный бандитами труп мужчины. Взрывное устройство, прикрепленное к телу, состояло из 800 граммов тротила, 122-миллиметрового артиллерийского снаряда и детонатора.

В Грозном взорван радиоуправляемый фугас в тот момент, когда в нескольких десятках метров от него проходила автоколонна с гуманитарной помощью. Пострадали три представителя общественных организаций, проводивших сбор гуманитарного груза.

2 августа в центре Назрани (Ингушетия) на пересечении улиц Магистральная и Скрябина обнаружено самодельное взрывное устройство, мощность которого составляла до 600 грамм тротилового эквивалента.

5 августа на пункте пропуска «Верхний Ларе» (Северная Осетия-Алания) при досмотре рейсового автобуса Тбилиси-Москва обнаружено самодельное взрывное устройство мощностью до 400 граммов тротилового эквивалента.

8 августа при досмотре рейсового автобуса Владикавказ — Минеральные Воды обнаружена тротиловая шашка весом 400 граммов.

4 сентября на участке Северокавказской железной дороги, в районе Махачкалы бандитами произведен подрыв железнодорожного полотна. Мощность взрывного устройства составила от 8 до 10 кг в тротиловом эквиваленте.

10 ноября во Владикавказе на рынке «Фаллой» прогремел взрыв. Мощность самодельного взрывного устройства, по мнению экспертов, составила около килограмма в тротиловом эквиваленте. Пять человек скончались и еще 60 получили ранения различной степени тяжести.

2002 год

При закладке фугасов боевики применяют способ, при котором замыкатель устанавливается на дороге на расстоянии до трех метров после взрывного устройства. При этом, даже при

использовании катковых минных тралов, взрыв происходит под бронетехникой.

5 января на территории заброшенных дачных участков в Октябрьском районе Грозного убиты пять человек, среди которых — сотрудники милиции и администрации селения Старые Атаги.

В ночь на 6 января трое неизвестных ворвались в один из домов в Дышне-Ведено и расстреляли из автоматов начальника сельскохозяйственного управления районной администрации, его отца-пенсионера и 10-летнего сына. В том же населенном пункте в ночь с 10 на 11 января боевиками Р. Бачагаева было совершено несколько поджогов домов.

Основным способом вооруженного противодействия федеральным силам со стороны боевиков остается минирование и подрывы минно-взрывных устройств на маршрутах передвижения воинских колонн и подразделений ОГВ(С). При этом тактика и способы подрыва взрывных устройств постоянно совершенствуются. В течение последних месяцев неоднократно отмечались факты двойной закладки фугасов, а также повторного минирования тех мест, где ранее были проведены подрывы военной техники. Кроме того, имеется информация о поставках боевикам партии электронных взрывателей, позволяющих осуществить подрыв двух фугасов через заданные промежутки времени.

Боевики продолжают привлекать к диверсионной работе мирное население. Так, 16 февраля на окраине селения Курчалой при установке на дороге самодельного взрывного устройства подорвались три местных жителя.

18 января в Махачкале на фугасе подорвался автомобиль «ЗИЛ». Погибли семь военнослужащих.

25 января на железнодорожном участке Хасавюрт-Кадиюрт произошел подрыв грузового поезда. Один вагон с углем сошел с рельс.

Чтобы дискредитировать представителей федеральных сил, боевики совершают преступления под видом сотрудников силовых структур. В ночь с 26 на 27 февраля в селении Аллерой бандитами, предъявившими документы сотрудников ФСБ, был похищен директор местной школы И. Дисалатханов. В Аппатово Наурского района вооруженной группой в масках, одетой в форму военнослужащих, совершено несколько разбойных нападений на мирных жителей.

25 февраля в Дышне-Ведено убит Султан Баширов,

входивший в совет старейшин этого населенного пункта, а в Гехи-Чу во дворе собственного дома убит участковый инспектор Урус-Мартановского РОВД лейтенант милиции И. Исмаилов.

2 марта в Аргуне бандитами похищен сотрудник районного отдела внутренних дел рядовой милиции И. Бихаев.

6 марта на южной окраине Урус-Мартана обнаружены тела двух местных жителей с множественными огнестрельными ранениями.

11 марта в районе Танги подорвался автомобиль ГАЗ-24 МВД Чеченской Республики. Погибли начальник УБОП УВД ЧР подполковник милиции В. Баталов и два сотрудника, а в селе Гойты боевиками совершено убийство Х. Гончаева, председателя совета старейшин района.

21 марта убит глава администрации Бас-Гордали А. Балтукаев, а днем позже глава администрации Катыр-Юрт Р. Боков.

В селении Гойты бандиты из засады расстреляли председателя местного совета старейшин. Пятидесятилетний Х. Ганчиев стал председателем совета в 2000 году. По его инициативе в селе из числа местных жителей создан отряд самообороны, который противостоял бандитам.

В Гудермесе мощным взрывом разрушена мечеть. Повреждения получили соседние дома и школа. По некоторым данным, в мечети могли находиться боеприпасы. Именно здесь сотрудники ФСБ уже обнаруживали тайники с боеприпасами, оружием и ваххабитской литературой.

В мечети станицы Наурская бандиты развернули подпольную типографию, где печатали листовки с призывами оказывать вооруженное сопротивление федеральной власти, убивать чеченцев, сотрудничающих с федеральной властью, глав и сотрудников местных администраций.

На северо-западной окраине Грозного бандит расстрелял десятилетнего мальчика. Недалеко от места преступления обнаружены стреляные гильзы и автомат Калашникова.

В результате взрыва фугаса, установленного боевиками на автодороге между Старыми и Новыми Атагами, погибли два местных жителя.

В долине реки Нетхой между селениями Янди-Котар и Старый Ачхой Урус-Мартановского района обнаружены полтора десятка пещер с останками по меньшей мере десяти человек. Этих людей бандиты похитили в период 1994–1996 годов. Стены пещер покрыты надписями на русском языке.

В Аргуне группа боевиков попыталась взорвать местную ТЭЦ. В ходе начавшегося боя семеро нападавших убиты, двое ранены.

Две недели находились в плену у бандитов двое военнослужащих мотострелковой части, дислоцированной в Шали. По словам солдат, их увезли в горы, держали в земляной яме, не давали ничего, кроме воды, постоянно избивали. Освобождение пленников стало результатом спецоперации.

В Грозном, на улице Алтайской взорвались два мощных фугаса. В результате теракта погибли 18 чеченских омоновцев.

Более двух десятков получили ранения. Стало известно, что дерзкий теракт — дело рук Мовсара Бараева и его бандгруппы.

28 апреля во Владикавказе, в районе центрального рынка прогремел взрыв. Есть жертвы. В числе отрабатываемых следствием версий — террористический акт, имевший цель дестабилизировать обстановку в республике во время второго тура президентских выборов в соседней Ингушетии.

9 мая в Каспийске во время празднования Дня Победы прогремел мощный взрыв. Погибли военнослужащие местного гарнизона, участвовавшие в празднике, и местные жители. Пострадавшим от теракта оказывали необходимую медицинскую помощь в местных больницах и Ростовском окружном госпитале.

В Наурском районе Чечни задержаны трое экстремистов. По их словам, они получили задание проникнуть в северную часть республики для организации терактов против местного населения. Все задержанные обучались в специальных лагерях диверсионному делу под руководством арабских наемников.

В Аргунском ущелье уничтожена группа экстремистов. На месте боя обнаружены несколько американских автоматических винтовок М-16.

В ходе спецоперации в Грозном освобожден заложник — военнослужащий срочной службы Юнир Асмадияров. Он был захвачен в плен 5 февраля в районе Ханкалы. Солдата, прикованного цепью, держали в одном из разрушенных домов города. Бандиты требовали, чтобы тот сообщил родственникам о выкупе.

Только по официальным данным, до сих пор неизвестна судьба свыше трех тысяч заложников из числа военных и мирных граждан России, захваченных чеченскими бандитами в период с 1994 года по настоящее время.

Глава 6
«Нулевой цикл»

Место и время

На войне как на войне. Она всегда оставляет после себя жертвы и разруху. Лет двадцать назад даже в страшном сне я, как и множество военных моего поколения, не мог представить, что придется воевать на родной земле, да еще со своими же соотечественниками. И тот факт, что меня и других военных вынудили это сделать бандиты, — весьма слабое утешение. Но иначе мы поступить не могли. Жизнь заставила.

Однако безусловный положительный момент «чеченской эпопеи» — то, что армия здесь не только сражалась. Она многое восстанавливала и строила. Если возрождение Чечни в чем-то и обозначилось, то прежде всего в появлении капитальных военных городков. Сегодня они фактически стали форпостами стабильности на этой не знающей покоя земле. Возвели городки в труднейших условиях военные строители, а эксплуатируют их, обеспечивают жизнеспособность новостроек нередко подвергающие себя риску работники квартирно-эксплуатационных частей (КЭЧ). И те и другие очень многое сделали для обустройства войск и местного чеченского населения. Думается, о военнослужащих и гражданском персонале строительно-квартирного комплекса стоит рассказать особо. Тема заслуживает того. Тем более что в СМИ и в целом в обществе об этом мало говорили, мало знают. А жаль. Военные строители за свой каторжный труд заслуживают слова благодарности.

Как и любого другого офицера, жизнь меня часто сводила с квартирными службами и военными строителями. Нередкие переезды из гарнизона в гарнизон, с последующими заселениями в общежития, коммуналки и (о счастье!) в изолированную квартиру, подразумевали получение и сдачу ордеров, каких-то справок и многое другое. Все это отнюдь не способствовало горячей любви к работникам квартирно-эксплутационной части или, как их называют в войсках, — «кэчманам». Тем более что жилье большей частью нуждалось в ремонте. Одно спасение, что заселяли в него быстро. Если же после смены места службы мне говорили, что жить пока негде, то обещали, что сейчас военные строители возводят дом и через несколько месяцев квартира будет готова. Обычно так и случалось, но мы, бесквартирные, ворчали и сердились, что придется где-нибудь снимать угол.

И все же то, что моему поколению лейтенантов или капитанов тогда не нравилось, сейчас нынешней молодой офицерской когорте кажется неосуществимой мечтой.

Выпускники военных университетов и институтов успевают стать майорами, а то и полковниками, когда получают свою первую квартиру. Поэтому в нынешние времена, если есть такая возможность, я стараюсь разделить с офицерами эту радость получения жилья — сам вручаю ордера. Вот только праздники такие случаются куда реже, чем хотелось бы. Основные силы, средства, техника нашего строительно-квартирного комплекса брошены в Чечню. И не зазря. Там уже поднялись военные городки в станице Калиновской, в Ханкале, Борзое, Шали. В этих населенных пунктах теперь есть настоящие гарнизоны — своего рода военные базы — с казармами, столовыми, медпунктами, складами, школами, магазинами.

Прежде, еще до первой чеченской кампании, то есть в советское время, несколько городков располагалось в Грозном. Под селением Шали квартировали танкисты, а в Ханкале размещались авиаторы. Ханкалу особенно чтят в нашей семье. Ведь здесь моя мать-казачка познакомилась с моим отцом, бывшим в ту пору военным летчиком. Так что в определенном смысле мои корни — именно в Ханкале. Много воды с тех пор утекло…

Уже после первого освобождения Грозного (зимой 1995-го) районы, где располагались военные городки, лежали в развалинах. Встал вопрос: стоит ли их восстанавливать? Ответ должны были дать военные проектировщики и архитекторы.

Еще не отгремели выстрелы, когда в Грозный прилетели начальник 711-го военпроекта полковник Салав Зайналабидов и главный инженер полковник Владимир Ткаченко с несколькими изыскателями. Прежде они бывали здесь не раз, по их проектам в столице республики было возведено несколько десятков зданий, они украшали Грозный. Теперь же, чтобы добраться в центр города из полуразрушенного аэропорта Северный, им пришлось взобраться на броню.

Взорам проектировщиков открылась страшная картина. Война не пощадила ни одного здания, спроектированного ими и по их чертежам построенного военными строителями. Одни из них еще дымились, другие (с вмятинами и проломами, а то и со снесенными несколькими этажами) казались безжизненными… В каждом из них могли затаиться боевики. Но медлить было нельзя. И, рискуя попасть под обстрел или подорваться на растяжке, проектировщики провели тщательное обследование развалин. Приговор вынесли неутешительный — руины восстановлению не подлежат. Надо возводить городки на новом месте.

В ходе второй контртеррористической операции вопрос о восстановлении городков в центральных районах Грозного даже

не ставился. Во время повторных боевых действий было окончательно уничтожено все, что можно было хоть в какой-то мере возродить.

Но это было позже. А в первую чеченскую кампанию проектировщики полковника Зайналабидова подготовили проектно-сметную документацию на три городка: один — на пустыре в районе аэропорта Северный, второй — в Ханкале и третий — под селением Шали. Два из них (в районе аэропорта Северный и в Ханкале) удалось почти полностью построить. Начались работы и на третьем — под Шали. Но в конце 1996-го поступил приказ вывести войска. Работы пришлось прекратить.

К зодчим, вообще ко всем строителям, у меня отношение особое. Я уже говорил в первой книге о том, что в юности хотел стать архитектором. Более того, после окончания школы даже поступил на архитектурный факультет Московского института инженеров землеустройства. И если бы не ушел в армию и не поступил в военное училище, сегодня был бы зодчим. А учитывая династическую привязанность к Вооруженным силам, по всей вероятности, выбрал бы профессию военного зодчего.

Но жизнь сложилась по-другому, а любовь к архитектуре осталась, как и любовь к городу моего детства — Грозному. Что, кстати, неудивительно — в не столь далеком прошлом он с полным на то основанием считался одним из красивейших на юге России.

Ныне как-то подзабылось, что Грозный заложили русские солдаты, чтобы помешать абрекам, промышлявшим разбоем, спускаться с гор в долину. Центральная часть города была спланирована с учетом прохождения войск, улицы — прямые и широкие. Прежде здесь было много зелени и цветов, над речкой — прекрасный старый парк с вековыми деревьями… Столицу Чечни пощадила Великая Отечественная война. Фашистов, рвавшихся к грозненской нефти, остановили под Владикавказом.

В свое время мне нравилось гулять по набережной Сунжи, где стояли старинные чугунные фонари, любоваться особняками XIX века, как будто перенесенными из сумрачного Санкт-Петербурга на солнечный Кавказ… Неподдельное детское любопытство вызывали расположенные в центре Грозного военные городки. В них сохранились казармы, другие здания и сооружения дореволюционной постройки. Каждое с толстыми и прочными стенами, как бы подчеркивавшими свою принадлежность к военному ведомству. Ныне всего этого больше не существует. Осталось лишь на старых фотографиях да в памяти коренных грозненцев. Война прошлась по городу безжалостным, всесокрушающим катком.

Что делать? Опускать в бессилии руки? Отчаиваться? Конечно, нет. Поэтому там, где была хоть какая-то возможность и надежда, военные проектировщики старались возродить дома. Наглядный пример тому — Ханкала. Фактически это предместье Грозного, отделенное от него утопающими в прежние времена в зелени дачами. Военный городок состоял из зданий разных лет постройки: похожих на особняки двухэтажных «сталинок» с толстыми стенами и высокими потолками, куда более скромных кирпичных пятиэтажек хрущевской поры, не обошло Ханкалу и панельное строительство. Однако в 1995 году здесь не осталось почти ни одного целого здания. Проектировщики все их досконально обследовали и в короткий срок выдали необходимую документацию для строителей. И что вы думаете? Все жилье восстановили!

Во вторую военную кампанию все было разбито и разрушено. Причем повреждения еще более серьезные, чем прежде. Прилетевший из Ростова главный инженер Военпроекта Владимир Ткаченко и все члены возглавляемой им группы изумлялись: как могли в ходе боевых действий выстоять стены возведенных военными строителями зданий и сооружений?! Стройбат традиционно и прежде критиковали, да и теперь поругивают за невысокое качество отделки, штурмовщину перед сдачей объектов в эксплуатацию. Но прочность домов, возведенных военными строителями, всегда оказывалась отменная. Это доказали обе чеченские войны. Ни авиабомбы, ни артснаряды коробок домов не сокрушили. По крайней мере, большую их часть. И все же результаты боев ужасали.

Восстанавливать, как известно, тяжелее, чем строить заново. Больше забот и у проектировщиков. Ведь нужно досконально обследовать каждый квадратный метр кирпичной кладки, технические помещения, прилегающую территорию и многое другое. Изыскатели и проектировщики Андрей Мельников, Владимир Чижов, Альберт Айдогдыев, Николай Иванов, Алексей Гришанов спускались в темные и забитые мусором цокольные этажи. Неяркий свет фонариков вырывал из темноты «лежки» боевиков и наспех оборудованные места, где жители прятались от артобстрелов и бомбежек. Вместе с проектировщиками (обычно впереди) шли саперы. В ходе таких обследований неоднократно находили установленные боевиками мины-ловушки, растяжки. Не меньшую опасность представляли и подъемы по искореженным лестницам на полуразрушенные этажи, обследования прилегающей территории. За день проектировщикам и изыскателям приходилось проходить до двадцати и более километров. А ведь надо было не только пройти по развалинам,

но и записать все данные, по которым, опять же в короткое время, предстояло определить судьбу того или иного здания. Часть строений пришлось потом разобрать или пустить под нож бульдозеров, но большинство удалось восстановить. Это дало возможность не только ускорить возрождение Ханкалы, городка в станице Калиновской, но и сберечь для нового строительства большие деньги.

Городки в Чечне проектировались с учетом реально сложившихся обстоятельств. Если в Ханкале большинство зданий лежало в развалинах, то станицу Калиновскую жестокие бои обошли стороной. Проектировщикам работать здесь было легче, проектносметную документацию подготовили быстрее, и со временем военный городок в Калиновской первым передали в эксплуатацию.

Два же других городка (под селениями Шали и Борзой) пришлось возводить с первого колышка. «Шалинскую базу» проектировали ростовчане из 711-го военпроета, «борзойскую» — москвичи из Центрального военного проектного института.

Выбор места для городка — дело архиответственное. Все определяется его военной целесообразностью, но вместе с тем надо подобрать такую территорию под застройку, которая бы располагалась невдалеке от хорошо оборудованной дороги (прокладка новой обходится крайне дорого), не подвергалась затоплению, должна была иметь подземные водоносные слои, подходящие грунты и многое другое. Ошибаться тут нельзя, иначе в будущем возникнут проблемы.

Военные поселения часто бывают и градообразующими. Тот же Грозный, Владикавказ, Майкоп, ряд других городов на Северном Кавказе были заложены вначале, в XIX веке, как крепости. Планировали их русские военные инженеры. Их талант, чувство предвидения определили и далекое будущее этих поселений. Они стали крупными промышленными и культурными центрами региона, а многие из зданий, возведенных в XIX веке и в дореволюционные годы, стоят и поныне. Я никогда не переставал удивляться этому. Как мудро все делалось!

Итак, начальник 711-го военпроекта полковник Зайналабидов.

Мне неоднократно доводилось встречаться с Салавом Зайналабидовичем. Это способный, высокоэрудированный и смелый человек. Вместе со своими проектировщиками и изыскателями он шел сразу же за боевыми порядками, не раз попадал под обстрел. Но иной, более спокойной жизни полковник Зайналабидов и не представлял, работать в условиях войны уже привык. Кроме того, затяжка в производстве работ даже на

несколько дней на такой же срок отдаляла ввод строительных объектов в эксплуатацию. А это существенно для войск.

Участок под городок возле Шали нашли сравнительно быстро. А с территорией в горном районе вблизи границы с Грузией пришлось, как говорится, повозиться. Первоначально намеченное место не подходило по всем условиям. Пришлось его перенести в район высокогорного селения Борзой.

И в первую, и во вторую войну городки в Чечне монтировались из сборных зданий. Но все они спроектированы в лучших традициях русской архитектурной школы. Все делалось быстро и обеспечивало армейцам приличные условия для жизнедеятельности.

Труд коллектива 711-го военпроекта позже получил высокую оценку. Большая группа изыскателей, проектировщиков, архитекторов была удостоена государственных наград. А ставший к тому времени генеральным директором Военпроекта и полковником запаса заслуженный строитель России Салав Зайналабидов был награжден орденом «За военные заслуги».

По делам и честь…

«Стройбат из поднебесья»

Помню, в «перестроечные» годы не раз ставился вопрос: нужен или не нужен вообще стройбат. Это воинское формирование в общественном мнении частенько подвергалось откровенному осмеянию. Был даже роман писателя Сергея Каледина «Стройбат» — полный сарказма и презрения к военным. Я уж не говорю про анекдоты и прибаутки типа «два солдата из стройбата заменяют экскаватор». Однако обе чеченских кампании наглядно продемонстрировали — стройбат не только нужен, но и крайне необходим. При экстремальных условиях, а тем более при работах вблизи районов ведения боевых действий, стройбату нет цены.

В первую военную кампанию солдаты в рабочих спецовках успешно справились со всеми стоящими перед ними задачами. Вначале военно-строительным управлением командовал подполковник Михаил Ташлык, а затем его сменил полковник Виктор Елишев. Обоих офицеров знал лично, так как постоянно приходилось с ними взаимодействовать, принимая объекты для заселения подразделениями и частями 58-й армии. Никаких претензий обычно к ним не было, а если и были какие-то вопросы, то они решались незамедлительно. В августе 1996-го, когда боевики уже фактически захватили Грозный, а наши войска пытались выбить их из города, на строительных объектах продолжался аврал по выполнению плана. Стройбатовцы «штурмовали» будущую резиденцию главы администрации Чечни, которую должны были сдать еще в первом полугодии. Из Турции в Ханкалу доставили специальные тонированные стекла, без которых приемная комиссия не хотела подписывать акт ввода в строй двухэтажного здания стоимостью в четыре миллиарда рублей (в старом масштабе цен), отделанного с необыкновенной роскошью. Все это так «по-нашему», даже сейчас грустно. «Хотели как лучше, а получилось как всегда»…

Военные городки в районе аэропорта Северный и Ханкале монтировались из сборных конструкций. В 1996 году после Хасавюрта, где А. Масхадов и А. Лебедь подписали соглашение о выводе наших войск, когда городки были практически готовы, здания надо было срочно разобрать и вывезти из Чечни. Срок на это отводился ограниченный — немногим больше двух месяцев. Причем в соглашениях было оговорено: все, что не успеем вывезти, остается безвозмездно в «Ичкерии». Короче, был явный расчет на то, что мы все бросим, не будем возиться.

С тяжелым чувством взялись строители за разборку зданий.

Женщины-служащие откровенно плакали. Чтобы уложиться в отведенный срок, приходилось трудиться беспрерывно днем и ночью. Адская работа была проделана! Но в результате ни одна сборная казарма боевикам-«ичкерийцам» не досталась, офицерское общежитие, штаб и все остальное было снято с мест. Изделия и конструкции, где по железной дороге, а где и автотранспортом, отправили в Буденновск и Буйнакск. Там их вновь собрали, обложили кирпичом, и теперь мало что напоминает о необыкновенных путешествиях этого, как говорят военные строители, «жилищно-казарменного фонда».

Вся эта беспримерная в истории военного строительства операция была проведена под руководством тогдашнего заместителя командующего войсками СКВО по строительству и расквартированию войск генерал-лейтенанта Леонида Шатворяна и начальника строительного управления округа полковника Юрия Иванова. Непосредственно же занимался демонтажем городков, их вывозом и повторным возведением в Буденновске — начальник Управления начальника работ (УНР) полковник Виктор Елишев.

А вот восстановленные в Ханкале стационарные кирпичные и панельные здания эвакуации, естественно, не подлежали. Их пришлось по Указу Президента России Бориса Ельцина по актам передавать бандитам. Большего унижения для офицеров-строителей и работников квартирно-эксплуатационных частей трудно было придумать. К тому же представители «независимой Ичкерии» требовали все передавать только в исправном состоянии. Вплоть до того, что заставляли запускать котельные. Если бы во всей России администрации городов так принимали у коммунальщиков хозяйство, в стране не было бы проблем с ЖКХ.

Под одним из актов приемки я видел подпись «подполковника» Ширвани Басаева — «великого ичкерийского хозяйственника». Меня аж передернуло от увиденного (я с ним лично был знаком по переговорам еще в первую кампанию).

Вскоре после того, как наши войска покинули Чечню, в Ханкале побывал Аслан Масхадов. Ему по душе пришелся «подарок», который сделали незаконным вооруженным формированиям высшие должностные лица федеральной власти. Особо приглянулась Масхадову резиденция, предназначенная для главы чеченской администрации Доку Завгаева. Тем не менее бывший советский полковник в конце осмотра все же заметил, что подобная роскошь во время войны непозволительна. Увы, с ним нельзя не согласиться. Огромные деньги, затраченные на восстановление и строительство зданий и сооружений в Чечне, труд и самоотверженность наших специалистов вылетели в трубу.

А ведь вместо этого можно было построить квартиры для тысяч ныне бездомных офицеров и прапорщиков (в том числе самих строителей).

Во вторую чеченскую войну стройбат вновь демонстрировал чудеса героизма, вновь показал, на что он способен. Конечно, зеркального повторения прошлого не было и быть не могло. Перед строителями были поставлены новые, еще более сложные задачи. Число военных городков увеличивалось с трех до четырех. В несколько раз возрастало количество зданий и сооружений, планируемых к постройке. Счет пошел на сотни. И это при том, что к началу контртеррористической операции военно-строительный комплекс СКВО претерпел существенные изменения. После реформирования резко сократилось количество военно-строительных частей и подразделений в округе, уменьшилась численность личного состава. Постарела и техника…

Поступил приказ на вылет. Стройбат в Ханкалу из Моздока в полном смысле этого слова спустился с неба. Высаживались с вертолетов, как десантники.

Размещаться пришлось на голом месте. Поставили привезенные с собой палатки и сразу же начали готовить производственную базу. Уже через несколько дней стал выдавать продукцию растворобетонный узел, начали поступать материалы, изделия и конструкции, были заложены первые объекты. Работами на участках руководили офицеры-строители УНР Виктора Елишева.

Полковника Елишева я знаю давно. Он ветеран строительного управления округа. Поистине неподдельное уважение вызывает этот человек… Еще в советское время, перед первой войной, Виктор Иванович командовал грозненским УНР. Но после установления дудаевского режима ему пришлось переехать в Ростов, где он служил в стройуправлении СКВО. Стали офицерами и продолжают службу оба сына полковника Елишева.

Елишеву довелось восстанавливать здания, которые и прежде возводились под его началом. В их числе была и пятиэтажка в Ханкале, еще в советское время при строительстве доставившая много забот инженерно-техническому персоналу. На этом доме поменялось несколько прорабов, но все равно здание пришлось сдавать в эксплуатацию в срок с недоделками. Как это часто бывает, ответственные за огрехи лица клятвенно обещали, что после подписания акта о вводе незамедлительно устранят недостатки, но слова своего бракоделы не сдержали. О случившемся кто-то из жильцов написал жалобу в высокую инстанцию. Понаехали комиссии и выяснили, что злополучный

дом имеет даже куда больше недоделок, чем записано в акте. Как из ящика Пандоры, посыпались взыскания, выговоры. Досталось и Елишеву. Что-то исправили, что-то нет. Но пока шел этот весь сыр-бор, в Чечне началась смута, появился Джохар Дудаев, и тут уже было не до исправления огрехов на каком-то здании. Но это не вся история.

В первую войну, перед уходом из Ханкалы, дудаевцы взорвали вместе с другими строениями и этот злосчастный дом. Но все же пострадал он меньше, чем другие. Поэтому в 1995-м здание восстановили в первую очередь и сделали из него офицерское общежитие. Но все повторилось и во вторую чеченскую войну. Дом боевики опять взорвали и опять под руководством все того же Елишева восстановили во второй раз.

Злоключения не прошли для дома безрезультатно. Особенно это заметно по фасаду. Как ни пытались скрыть следы первоначального брака и «шрамов» от разрывов, они все равно проглядывают даже через толстый слой штукатурки. Зато, как оказалось, жилое здание обладает завидной прочностью. Несмотря на первоначальные недоделки и жалобы, несмотря на две войны, дом, сработанный руками стройбатовцев, стоит подобно памятнику.

Объем восстановительных работ и нового военного строительства в Ханкале, Калиновской, Шали и Борзое после ввода войск на территорию Чечни во второй кампании был настолько велик, что потребовал создания крупного объединения, которое за сравнительно ограниченный срок могло бы возвести и сдать в эксплуатацию сотни военных зданий и сооружений. Решение этой важной государственной задачи было поручено вновь сформированному строительному управлению региона с дислокацией в Ханкале.

Вначале его возглавил полковник Владимир Шкаленко, а затем полковник Александр Остремский. Начальник строительства и расквартирования войск — заместитель министра обороны генерал-полковник Александр Косован взял под личный контроль формирование и деятельность этого управления и сам стал решать самые сложные и неотложные проблемы. А их было немало.

Мне часто доводилось бывать на стройплощадках, и я, как и другие военачальники и командиры, видел, что все офицеры-строители, от лейтенанта до полковника, чувствовали себя на объектах как рыба в воде. Вроде бы только что прибыли, только взглянули на чертежи, но уже незамедлительно начали организовывать производственный процесс. Уверен, такое большинству гражданских специалистов сегодня не по силам.

Характерно, что десятки офицеров (в основном младших, а также уволившихся в запас при реформировании военно-строительного комплекса) обратились в военкоматы с просьбой вновь призвать их и направить на службу в Чечню. В большинстве своем они хорошо проявили себя, выросли в званиях и продолжают службу.

Как я уже упоминал, первым был передан в эксплуатацию городок в станице Калиновской, восстановленный управлением начальника работ полковника Дмитрия Брахнова. УНР было сформировано в Чечне, но костяк составили военные строители из Ставрополья. Оттуда и весь командный состав УНР и двух батальонов — полковника Валерия Солохненко и подполковника Александра Алексаняна. Ставропольцев у нас в округе всегда отличало высокое качество строительства. Не ударили они лицом в грязь и на этот раз. Например, большинство объектов в Калиновской — не вновь построенные, а восстановленные. Но восстановили их так, что здания стали лучше, чем были прежде, до войны.

Военные строители успешно справились еще с одним заданием, которое вовсе не входило в утвержденный план производства работ. Более того, это задание вообще к армии отношения не имело. В чем же дело? За годы существования «независимой Ичкерии» самозванный экстремистский режим палец о палец не ударил, чтобы хоть что-нибудь сделать для социальной сферы республики вообще и для народного образования в частности. Не составляла исключение и школа в станице Калиновской. Ее не ремонтировали с 1980-х годов, а два последних перед освобождением Калиновской федеральными силами года учителя совсем не получали заработной платы. За месяц с небольшим военные строители преобразили школу, сделали в ней капитальный ремонт. Ныне тут обучается более тысячи учащихся. И детишки, и коллектив учителей этой школы встречают российских военных как самых дорогих гостей. Ну, понятное дело…

Когда я размышляю о той роли, которую сыграли в чеченских кампаниях пресловутые стройбаты, невольно приходит на ум сравнение с русскими инженерными войсками XIX века. Крепости, построенные около полутора веков назад, стали градообразующими. Нечто подобное могут сделать и наши военные строители. Создав военные городки, они могли бы взяться за восстановление гражданских объектов Чечни. Лишь бы правительство выделило для этого деньги. Уверен, не было бы такого воровства, как в цивильных строительных организациях, бюджет страны был бы целее, да и сроки работ намного бы

уменьшились.

В бой идут… квартирмейстеры

За последнее десятилетие нет такой «горячей точки» на Северном Кавказе, где военнослужащие и гражданский персонал квартирно-эксплуатационных служб, зачастую с риском для жизни, не занимались бы обустройством войск. Северная Осетия — Алания, Чечня, Дагестан и вновь Чечня — вот адреса, где приходилось работать квартирмейстерам.

Когда бандиты Басаева и Хаттаба ворвались в Дагестан, туда для обустройства наших частей и подразделений, обеспечения их необходимым довольствием вылетела группа офицеров квартирно-эксплуатационного управления (КЭУ) СКВО.

Бои шли высоко в горах, где нет гарнизонов и военных городков. Поэтому в ходе рекогносцировок были определены места для разбивки палаточных лагерей и создания вокруг них оборонительных сооружений. Сюда доставили металлические печки с искрогасителями, деревянные настилы, даже туалеты. Там, где это было возможно, организовали временное электрическое освещение. Войскам своевременно подвозили питьевую воду, которая так была необходима в тот жаркий август и сентябрь 1999-го.

С перенесением боевых действий на территорию Чечни перед личным составом КЭУ округа были поставлены уже другие, куда более ответственные задачи. Как известно, у «кэчманов» уже был определенный опыт действий в боевых условиях на территории Чечни.

…В первую войну вновь сформировали грозненскую КЭЧ. В отличие от своей мирной, советских времен предшественницы, она дислоцировалась не в столице республики, а в Ханкале. В ходе первой кампании, как я уже упоминал, военные строители СКВО восстановили Грозненский аэропорт, а вблизи него возвели новый городок. Такой же был построен и в Ханкале, а эксплуатацией их занималась Грозненская КЭЧ. Но что это была за работа? Многие думают, что квартирмейстеры — это «теплый обоз» армии. И напрасно. Потому что война и смерть не выбирают своих жертв «по специальности». Мало кто знает, что из шести офицеров Грозненской квартирно-эксплуатационной части были убиты трое. Ровно половина. Подобного соотношения потерь не знало абсолютное большинство воюющих боевых подразделений. Причем квартирмейстеры погибли не от случайной бомбы или мины. Они держали оборону и пали с оружием в руках, отбивая атаки превосходящих сил бандитов. Пали смертью храбрых и удостоены высоких наград подполковник Алексей Ли, капитан

Владимир Тимченко и старший лейтенант Алексей Жарин. Их имена не должны быть преданы забвению. Я склоняю голову перед их мужеством. Но точно так же восхищаюсь мужеством трех выживших в тех боях офицеров. Потому что как только началась антитеррористическая операция в Чечне, оставшиеся в живых офицеры Грозненской КЭЧ тут же подали рапорты об отправке их в зону боевых действий. В знакомые места выехали подполковник Алексей Курносов, майор Владимир Клюкин и капитан Анатолий Чекрышев. Запомните их имена. Они и теперь в Чечне, которая для этих мужественных людей фактически стала второй, малой родиной. Но эти люди — не исключение. Среди квартирмейстеров таких много.

…Директивой начальника Генерального штаба от 18 марта 2000 года был создан 326-й квартирно-эксплуатационный отдел, который возглавил полковник Магомед Хандаев. Наследство от бандитов ему досталось тяжелое. Боевики перед своим уходом разрушили городки. Ханкала лежала в развалинах. А войскам срочно нужна была вода. Поэтому Хандаев с подчиненными сразу же приступил к работе, чтобы восстановить станцию водозабора. Трудились, когда перестрелка еще шла в сотнях метров от Ханкалы. И все сделали. Военные строители (до сих пор не знаю почему) работали в Чечне без оружия. Это грозило серьезными опасностями.

И вот в один из апрельских дней полковнику Хандаеву доложили, что боевики, просочившиеся через железнодорожную линию, движутся к водозабору. Связь вскоре оборвалась, и полковник Магомед Хандаев, подполковники Андрей Амельченков и Юрий Белоглядов, прихватив с собою автоматы и несколько магазинов к ним, выскочили из вагончика. Вскоре они уже были на водозаборе…

Вот когда пригодилась офицерам и курсантская училищная наука, и боевой опыт первой кампании. Среди «кэчманов» робкие попадаются крайне редко. К тому же все трое оказались хорошими стрелками. По еле заметным в тумане фигурам боевиков хлестко ударили автоматы. Бандиты вначале залегли и открыли ответный огонь, надеялись сломить оборону, а потом дали задний ход — начали отползать за железнодорожную линию…

Бой продолжался более часа, пока к нашим не подошла подмога. Водозабор удалось отстоять. А это значило, что вода продолжала отправляться в части и подразделения бесперебойно. Действия трех офицеров в этом бою получили достойную оценку. Впоследствии их наградили орденами «За военные заслуги»…

И прежде, и ныне профессия квартирмейстера, или, иначе

говоря, военного коммунальщика, — одна из самых опасных в Чечне. К каждой водовозке, спецмашине или мусоровозу бронетехнику для охраны не приставишь, да и саперов для осмотра каждой подъездной дороги не вызовешь. Вот и приходится рисковать. То там, то здесь возникают нештатные ситуации. Одни заканчиваются благополучно, другие не очень. Отсюда и потери, в том числе и среди гражданского персонала.

Спору нет, опасность налагает свой отпечаток на все действия военных квартирмейстеров в Чечне.

Но главное — постоянная работа по обеспечению и обустройству войск. Фактически это коммунальная служба армии. Она и на гражданке хлопотная, а тут, на войне, в полевых условиях — и подавно трудна. Не зря на основании Директивы начальника строительства и расквартирования войск — заместителя министра обороны РФ генерал-полковника Александра Косована от 6 мая 2000 года были сформированы четыре квартирно-эксплуатационные части — Ханкалинская, Итум-Каленская, Шалинская и Калиновская. Каждая из них теперь обслуживает свой военный городок, возведенный военными строителями в 2000–2002 годах.

Но деятельность этих КЭЧ началась задолго до того, как городки сдали в эксплуатацию. «Кэчманам», как и строителям, все пришлось начинать с первого колышка. На первых порах они выполняли обязанности службы заказчика и на всех этапах контролировали качество производства работ. А как только то или иное здание было окончательно готово и подключено к системам жизнеобеспечения, приступали к его заселению.

Любой командир по собственному опыту знает, что это не столь простое дело. Следует все тщательнейшим образом проверить и выявить все огрехи, чтобы не допускать течи водопровода, забивки канализации и тому подобного, что создает немало дополнительных забот личному составу. К тому же надо было обеспечить все казармы, офицерские общежития и другие строения мебелью, лампочками, шторами, сантехникой и т. п. На первый взгляд дело это вроде бы совсем простое, прозаическое и для любого горожанина где-нибудь в «Большой России» не доставляет особых хлопот. Нынче плати деньги — тебе мебель и привезут, и на этаж поднимут, и даже расставят в квартире по твоему желанию. Но в Чечне эту самую мебель доставляли в военные городки в сопровождении бронетехники. Для ее хранения (как и для других «скоропортящихся», ценных для воров материалов) построили специальные склады. А потом развезли и расставили в казармах в целости и сохранности. Иной обыватель подумает: что это за подарок — кровать с тумбочкой и табуретом,

да еще в помещении, рассчитанном на сотню с лишним служивых! Но так считает только тот, кто отродясь не хлебал солдатской каши, не прожил хотя бы несколько месяцев на нарах в палатке или, того хуже, переделанном под жилье сыром блиндаже. Тут начинаешь ценить и умывальник, и сушилку для вещей, и сантехнику. Нехитрый солдатский уют — большое счастье для военного человека в тех экстремальных условиях, которые сохраняются в Чечне уже несколько лет. Обеспечивают его все те же работники квартирно-эксплуатационных служб.

Условия труда в 326-м КЭО и подчиненных ему КЭЧ — особые. Сплошь и рядом рабочий день неограничен. Выходные бывают редко, от случая к случаю. Каждая поездка за пределы гарнизона, транспортировка грузов сопряжены с риском. Но и в этих экстремальных условиях военные квартирмейстеры терпеливо и достойно выполняют все возложенные на них задачи. Как бы им ни приходилось трудно, но казарменно-жилой фонд в Чечне обеспечивается всем необходимым. Поломки и аварии здесь случаются даже реже, чем в так называемых мирных гарнизонах. Последнее мое замечание не случайно и сделано не ради красного словца. Качество обслуживания имеющегося жилфонда и систем жизнеобеспечения в Ханкалинской, Итум-Каленской, Шалинской и Калиновской КЭЧ — одно из лучших в СКВО.

Не секрет, что в квартирно-эксплуатационной службе гражданский персонал составляет большинство личного состава. В Чечне же (по понятным причинам) не все виды работ могут поручаться местным жителям. Поэтому при 326-м КЭО был сформирован эксплуатационно-технический батальон. Командует им подполковник Алихан Карумов. Личный состав состоит из военнослужащих, которые не относятся к военным строителям. В этой части есть даже свой взвод охраны, вооруженный автоматическим оружием.

Подчиненные подполковника Карумова работают операторами котельных, электриками, машинистами дизельно-электрических установок, заняты на погрузочно-разгрузочных операциях и других работах. В большинстве своем эти «редкие армейские» специальности солдаты и сержанты получили уже во время службы. Кстати, и очень этим довольны. На гражданке сгодится.

Вместе с военнослужащими, там, где это возможно, трудятся и гражданские специалисты. Часть из них прежде работала по вольному найму в других КЭЧ округа и теперь находится в Чечне в длительной командировке. Остальные — местные жители, в большинстве своем чеченцы. Думается, о гражданском персонале

строительно-квартирного комплекса стоит рассказать особо. Вклад этих людей во все, что сделано и делается в последние годы, огромен. Но об этом знают очень немногие.

Редко упоминается в прессе и о деятельности работников квартирно-эксплуатационных служб в Южной Осетии и Абхазии, где находятся наши миротворцы. Абхазия, конечно, не Чечня, но там тоже стреляют. В республике еще с советских времен осталось несколько военных городков. Теперь они находятся на балансе 148-го КЭО, где начальником полковник Игорь Воля. В ходе боевых действий в Абхазии эти городки оказались заброшенными, а то и полуразрушенными. И хотя по своим размерам они невелики, хотя имеют собственные системы жизнеобеспечения, до последнего времени миротворцам в местах постоянной дислокации приходилось жить чуть ли не в полевых условиях. Казармы и общежития плохо отапливались, возникали перебои в подаче воды, электроэнергии. Теперь ряд зданий капитально отремонтирован, запущены котельные, подается вода. Здания, принадлежащие Российской армии, чуть ли не единственные в Абхазии, где есть и действуют все так называемые городские удобства.

Но об Абхазии и Южной Осетии это так, между прочим. Вернуться же хочу к гражданскому персоналу, поскольку тема эта не коммунальная, а политическая. Как в капле воды отражается весь мир, так и в вопросе трудоустройства местных жителей Чечни в строительные и квартирно-эксплуатационные организации Вооруженных сил отражается проблема доверия чеченцев к федеральной власти и перспектива восстановления мирной жизни в республике.

Освещая события в Чечне, пресса обычно хватается за так называемые сенсации. Телевидение демонстрирует, а газеты пишут о взрывах, обстрелах, терактах… В общем, темы известны. Делается это уже так давно, так однообразно, что возник некий фон, на котором сенсацией теперь может выглядеть хорошая новость (например, о том, что в Чечне собрали невиданный даже в советские времена урожай). А ведь поводов для хороших новостей в республике больше, чем для «жареных фактов».

Я не претендую на публикацию сенсационной информации, но убежден, что для абсолютного большинства населения нашей страны, а для зарубежной публики — тем более, совершенно неизвестно, что около двух тысяч местных жителей-чеченцев работают в наших Вооруженных силах на различных должностях — от инженера КЭЧ до дворника, от врача в госпитале до водовоза… При этом все знают, что Аслан Масхадов и его сподручные смертью карают «предателей», сотрудничающих с

федеральными войсками. Угрозы на многих людей действуют, но, как видите, не на всех.

Любопытно, что анализ терактов в Чечне показал: в воинских частях и организациях, где работают чеченцы, диверсий нет. И не потому, что бандиты стараются беречь своих соплеменников. Как я уже сказал, наоборот, они прежде всего карают так называемых «национал-предателей». Так что дело, видимо, в том, что местные жители лучше знают, от кого и откуда ждать беды, стараются дорожить работой и покоем, пытаются завоевать доверие русских. И это при том, что бандиты за ними действительно охотятся. Тот же анализ показывает, что среди всех потерь нашей группировки войск от терактов около половины приходится на гражданский персонал.

Эти факты почти никому не известны. А о чем они говорят? Думаю, прежде всего о том, что местное население в Чечне постепенно интегрируется в мирную жизнь, не боится угроз масхадовских и басаевских палачей и смело сотрудничает с федералами, работая в воинских частях.

Спросите у этих людей: хотят ли они переговоров Москвы с бандитами, за которые не устают ратовать некоторые политики? Эти две тысячи чеченцев (у которых, кстати, большие семьи) прекрасно понимают: переговоры, а значит — уступки бандитам, позволят террористам вырезать их вместе с семьями. В потенциале это минимум около 10 тысяч трупов. Вот какова цена вопроса. Готовы ли наши «либералы» взять на свою совесть такое море крови?

Подчеркну: речь идет прежде всего об этой группе риска — чеченцах, составляющих гражданский персонал нашей армии. Они просто под прицелом бандюг ходят. Остальных чеченцев, работающих в гражданских организациях, чтобы семьи прокормить, может, еще и простят басаевы да Масхадовы. А армейских «пособников» — ни за что. Даже если этот «пособник» всего-навсего кочегаром в полковой котельной работает.

Когда я слышу из Москвы призывы о переговорах, сразу вспоминаю чеченцев из наших воинских частей. У них лица меняются при упоминании политиков, зацикленных на «переговорных процессах». Хоть бы этих людей пожалели! Не тех, кто с автоматами по лесам бродят (их мизерное количество), а тех, кто мирно трудится (их тысячи). Или для некоторых «либералов» они ничего не значат?

Чеченцы — они разные, всех под одну гребенку не причешешь. Но одно для меня очевидно: абсолютное большинство населения за нормальный труд, за восстановление республики, за Федерацию. Лишь малая толика находится в

бандах, приблизительно такая же не воюет, зато ворует. Ворует и национальные богатства Чечни, ворует и то, что вся Россия от себя отрывает и посылает в Чечню, что Москва из нашего скудного бюджета направляет обездоленным людям.

А знаете, я говорил об этом выше и не боюсь повториться: увеличьте штаты военных строительных организаций, добавьте должностей гражданского персонала (чтобы принять на работу местных жителей, слоняющихся без дела), перенацельте финансовый поток на «стройбаты», и наши специалисты втрое дешевле, без воровства и в сжатые сроки восстановят разрушенную войной республику.

Кстати, заняли бы людей работой — меньше осталось бы шансов у басаевых за триста рублей нанимать молодых недорослей, чтоб мины ставили на дорогах.

Может быть, я и ошибаюсь, может, упрощаю проблему, но, глядя на наших стройбатовцев и работников квартирно-эксплуатационных органов (в том числе чеченцев), невольно приходишь к выводу: то, что они сделали в республике, — это некий выход, как говорят строители — на нулевой цикл, то есть на создание фундамента. Лет пять назад (в конце 1990-х) об этом и не мечталось. Но ведь дело сделано, начало положено. Военные городки и даже школы построены. Можно строить дальше. Давайте! Есть опыт, есть силы, есть желание. Неужели остановимся? Неужели разгоним стройбаты, уволим людей? Бросим фундамент, чтобы травой зарастал?.. Ей-богу, аж на душе муторно, как представишь, что все это может пойти прахом.

Член военного совета Владимир Чуб

Штрихи к портрету

С Владимиром Федоровичем Чубом я познакомился в 1995 году. Я тогда был командующим 58-й армией, а он возглавлял администрацию Ростовской области, хотя «политическим тяжеловесом» еще не считался. Но кроме того Чуб входил в состав военного совета нашего Северо-Кавказского военного округа. Именно эта его «вторая» должность и послужила поводом для встречи. Мы увиделись на заседании военного совета и были представлены друг другу. Так обыденно вроде бы и состоялось знакомство. Однако уже на следующий год я ощутил, насколько оно стало для меня благотворным.

…1996 год стал черным годом и для Вооруженных сил в целом, и для СКВО в частности. Захват Грозного масхадовцами в

августе, паникерские настроения Москвы и «вето» федерального центра на операцию по освобождению города от бандитов. Зловещая фигура сутулого Бориса Березовского — как его называли в прессе в то время, «серого военно-политическо-го кардинала России», разруливавшего ситуацию на Северном Кавказе, затем капитулянтские хасавюртские соглашения, напоминавший бегство вывод войск из Чечни… Как вспомню, так вздрогну…

Озлобленный неудачами, федеральный центр навалился на СКВО проверочными комиссиями и изматывающими командно-штабными учениями с заранее уже выставленными отрицательными оценками и выводами. Москва давила на Ростов, а штаб округа соответственно давил на штаб армии.

В общем, на очередном военном совете, фигурально выражаясь, с меня начали семь шкур сдирать. И дисциплина у нас, в 58-й армии, дескать, ни к черту, и порядка нет, и боевой учебы не видать… Я — человек привычный, не первый год в строю, да и война (первая чеченская на тот момент уже закончилась) за плечами — терплю, одним словом. Как говорят в армии, «нас дерут, а мы крепчаем». Хотя и обидно было в душе. Много несправедливого в тот день высказывали. Короче говоря, сижу я на Военном совете, молчу, голову опустил… Как боксер в безнадежной ситуации, ушел в глухую защиту. В конце концов, что говорить о личных амбициях и проблемах, когда вообще в армии и в стране ситуация патовая (напомню — шел провальный в военно-политическом аспекте 1996 год). И тут слышу голос Чуба:

— Подождите, я что-то не пойму, — удивился Владимир Федорович после выступления очередного докладчика, который в пух и перья разносил и меня, и моих офицеров. — Сколько в 58-й армии людей?

Ему ответили: столько-то, мол.

— А в Волгоградском корпусе? — опять спросил Чуб.

Столько-то, назвали цифры.

— А в Краснодарском? — не унимался «гражданский» член военного совета.

Ему снова ответили.

— Это что ж получается, — удивился Владимир Федорович, — у Трошева личного состава больше, чем в обоих корпусах? Его армия составляет около половины численного состава всех войск округа? А показатели количества нарушений воинской дисциплины уважаемые докладчики сравнивают, как говорится, по «номиналу»: столько-то в армии, столько-то в корпусе, столько-то в дивизии. Но разве можно так сравнивать,

если армия даже с корпусом не сопоставима, не говоря уже про дивизию. При таком подходе заведомо ясно, что у Трошева количество ЧП будет больше. Тут и анализ не нужен… Тем более 58-я армия стоит на «осетино-ин-гушском разрезе», выполняет миротворческие задачи в Южной Осетии, в конце концов воюет в Чечне. Люди с оружием в руках, в боевой обстановке… Это же не кремлевский полк!.. Что же мы от них хотим? Считать, по-моему, следует в процентном отношении. Тогда и картина яснее, и справедливости больше…

В зале повисла напряженная тишина. Руководству округа стало неловко за направленность своих докладов и критических стрел, поскольку правота Чуба была очевидна.

Не знаю, что там было запланировано у окружного начальства по поводу меня и 58-й армии, какие оргвыводы. Не исключаю, что и жесткие. Однако после «вопросов» Чуба критику заметно смяли. Я распрямился и поднял голову — не сидел уже сгорбленным, как побитый бедный родственник.

После завершения военного совета я поблагодарил Владимира Федоровича за то, что вник в ситуацию и поддержал. Он молча улыбнулся в ответ и пожал руку. По-моему, в тот день мы виделись с ним всего-навсего второй раз в жизни…

Спустя время, в 1997 году, я был назначен заместителем командующего войсками СКВО (командующим на тот момент стал генерал В. Казанцев) и соответственно — начальником гарнизона в Ростове-на-Дону. Теперь мы с Чубом оказались в одном городе.

Что такое начальник гарнизона, должность которого по традиции исполняет замкомандующего? Это как бы мэр города по военным вопросам. На нем и проведение парадов, встреч высоких гостей, празднование «красных дней» календаря, помощь городским и областным властям в проведении различных мероприятий… «Заморочек» всегда куча. В том числе и протокольных, и хозяйственных, и коммунальных, и других… А самое главное здесь — четкое взаимопонимание и взаимодействие с местными властями. Если начальник гарнизона его не наладит — «труба» делу, ни с чем не справится, все завалит. В общем, очень хлопотная эта должность. Тем более что она ведь не основная, а «нагрузочная». У замкомандующего есть еще свои прямые служебные задачи, касающиеся войск округа.

Не знаю, насколько четко справлялся я с обязанностями военного градоначальника — со стороны виднее. Однако, насколько помню, ни одного мероприятия не завалил. И во многом благодаря помощи губернатора.

Вообще, надо признать, что Чуб — настоящий член военного

совета округа, действующее лицо, не декоративная фигура. Он несколько раз бывал в Чечне, общался и с офицерами нашей группировки, и с простыми солдатами, и с местными жителями, и с республиканскими властями. Пытался вникнуть в обстановку, узнать настрой людей, выяснял, чем он сам лично и область могут помочь, чтобы поскорее покончить с войной и восстановить разрушенное хозяйство. Насколько я знаю, между Ростовской областью и Чеченской Республикой заключено соглашение о взаимопомощи и сотрудничестве. В рамках этого соглашения с Дона в Чечню была, к примеру, направлена солидная партия сельскохозяйственных машин, выезжали из Ростова в Грозный и специалисты различного профиля, чтобы помочь республике в налаживании энергетической системы. Этими примерами и ограничусь. Не хочу утомлять читателя перечислением «достижений» Чуба в политической и социально-экономической сферах его деятельности. Само собой разумеется, что у руля Владимир Федорович уже около двенадцати лет, и за это время оценки ему выставили люди и без меня. И на федеральном уровне, и в области, и на выборах, и между ними.

Но вернуться хочу все же к военному аспекту.

Бывая в Чечне, Чуб не только общался с людьми и раздавал солдатам праздничные наборы к «красным дням» календаря. Он не думал о «пиар-акциях», как это делали некоторые политики, и не лез в телекамеры. Чуб доподлинно выяснил, в чем есть нужда, и… подарил каждому полку, дислоцирующемуся в Чечне, автобус — детей военнослужащих в школу возить.

Только за последние несколько лет по распоряжению губернатора Ростовской области выделено 94 квартиры семьям погибших в Чечне военнослужащих. Регулярно оказывается финансовая помощь Героям России, получившим это высокое звание в ходе боевых действий.

Владимир Федорович очень много сделал для военных медиков, особенно для Ростовского окружного госпиталя, чтобы обеспечить их всем необходимым (аппаратурой, медикаментами) для лечения раненных в Чечне.

А когда грянула беда с вертолетом Ми-26, он сразу, в первый же день, выделил 300 тысяч рублей на медикаменты и другие материалы, необходимые для спасения раненых. Потом выделил еще 200 тысяч. Организовал дежурство, создал штаб для работы с семьями пострадавших. Родителей солдат ждали автобусы, бесплатное жилье, питание, связь…

Когда случилась беда в Каспийске (теракт на параде 9 мая 2002 года), он сразу выделил деньги, транспорт, бесплатные гостиницы, продукты питания для родных и близких погибших и

раненых военных моряков, которые со всей страны стали приезжать в Ростов, в госпиталь.

Кстати, основная масса пострадавших была из Каспийской военной флотилии, а она в состав СКВО не входит. То есть для члена военного совета нашего округа (с федерально-чиновничьей позиции) эти люди — как бы из чужой епархии. Но Чубу даже в голову не приходило делить ребят по ведомственному принципу. Для него все были НАШИ.

Кстати, про флот. Мало кто знает, что Владимир Федорович в молодости служил на Северном флоте. И сохранил о службе самые добрые воспоминания. До сих пор по возможности старается ездить туда, когда его приглашают на различные мероприятия моряки-североморцы.

Впрочем, бывает он и на Черноморском флоте. Тем более что жители города Азова шефствуют над одноименным кораблем «Азов», входящим в состав этого флота. Объясняется любовь Владимира Федоровича к флоту еще и тем, что в свое время ему пришлось работать на водном транспорте. Короче говоря, флот — его родная стихия.

Однако, как я уже сказал, Чуб никогда не делил людей на «наших» и «ненаших» по ведомственному или профессиональному признаку. Да и вообще, умеет встать над суетой, приподняться над мелочными, местечковыми, эгоистическими соображениями, которые, к сожалению, нередко проявляются у некоторых местных руководителей.

В доказательство приведу следующий пример. В 2001 году я всерьез обратил свое внимание на нашу футбольную команду «СКА Ростов-на-Дону». Во-пер-вых, у нее были немалые шансы выйти в первую лигу российского чемпионата. А это уже серьезный уровень. Во-вторых, былая слава ростовского СКА, бравшего в свое время даже кубок СССР, явно контрастировала с тем прозябанием клуба, которое я наблюдал в конце 1990-х годов. Решил команду поддержать и укрепить. Но как?

Прежде всего написал пространные письма всем главам администраций субъектов Федерации на юге страны. Просил денег, просил игроков. Даже к Валерию Газзаеву (главному тренеру ЦСКА на тот момент) обращался, чтоб «отдал» в Ростов пару игроков. Хотелось также привести в порядок стадион, на котором большинство трибун от ветхости просто рухнули. А ведь он вмещал в свое время больше 30 тысяч зрителей. Теперь же (в 2001 году) на нем не было ни освещения приличного, ни электронной информации, ни помещений для команд и т. п. А что говорить про тренировочную базу клуба?! Слезы…

В общем, взялся за эпистолярный жанр — сочинял письма и

обращения. И что вы думаете? Никто не ответил, никто не помог. Только Чуб! Я страшно удивился. И вот почему.

Дело в том, что у Чуба (ну, не у него лично, конечно) есть своя головная боль — футбольный клуб «Ростсельмаш». Он давно выступает в высшей лиге, но играет из сезона в сезон неровно, бывает на грани вылета из нее. Частая смена тренеров, перетасовка игроков, финансовые вливания и прочие спасательные меры проку давали мало. Существенных результатов «Ростсельмаш» так и не мог добиться.

Немаловажная деталь: стадион «Ростсельмаша» вмещал только 16 тысяч зрителей и зачастую был переполнен. Короче, давно стал тесноват. Это особенно проявилось в один из сезонов, когда ростовчане получили возможность играть с иностранными клубами. Даже «Ювентус» однажды приезжал. К слову, заявок на билеты было около 300 тысяч!

Я знал, что в головах ростовских спортивных (и не только) функционеров давно созрела мысль окончательно «похоронить» наш клуб «СКА Ростов» или слить его с «Ростсельмашем» и заполучить себе военный стадион — пусть и развалившийся, но все же в два раза вместительнее. Если он станет собственностью «Ростсельмаша», то на его реконструкцию и деньги, мол, быстро найдутся. Тем более что положение, сложившееся в ростовском футболе и вокруг него, благоприятствовало осуществлению такого плана. Ну ведь действительно поклонников у «РСМ» больше. И команды к ним приезжают именитые… Логика своя тут была. Здраво рассуждая, лучше иметь в городе один клуб, но сильный, чем два относительно слабых. И, соответственно, один большой, хорошо оснащенный стадион, чем два не удовлетворяющих ни зрителей, ни команды, ни спортивных функционеров.

Думал, что Чуба давно на это дело подбили, но он в силу деликатности, зная, что я болею проблемами СКА, вопрос этот не поднимал. Конечно, и ему письмо направил — думал скорее для проформы. Каково же было мое удивление, когда он и откликнулся на мои просьбы.

— Конечно, Геннадий Николаевич, СКА нужно помочь, — сказал мне Чуб.

И помог. Дал армейскому клубу, что мог. Не исключаю, что даже за счет «Ростсельмаша».

А как он радовался, когда в «стыковом» матче с саранской «Светотехникой» мы победили и вышли в первую лигу! По-моему, больше меня.

Короче говоря, с помощью Владимира Федоровича, его так называемого «административного ресурса» северо-кавказские

армейцы поднялись выше в турнирной таблице российского футбола. Жаль, что не удержались, опять скатились во вторую лигу. Но это уже другая история. Я здесь хотел рассказать о Чубе, о логике его поступков, которая лишена меркантильного, собственнического аспекта. Хотя злопыхатели могут сказать: но ведь Чуб — член военного совета округа, ничего удивительного нет в том, что он радел за команду «своего округа», то есть «личный интерес» у Владимира Федоровича, дескать, был. Отвечу так: в конце концов, донской футбол («гражданский» он или «военный») от всего этого только выиграл. И прежде всего — зрители, которые получили второй в городе приличный стадион.

…С Чубом мы подружились. Несколько раз встречались семьями, удавалось изредка выезжать на открытие охотничьего сезона или на рыбалку. И вот однажды на рыбалке, сидя за удочками, я у него поинтересовался:

— А почему вы, Владимир Федорович, не спрашиваете, как я собираюсь баллотироваться на пост губернатора Ростовской области?

Он хитро улыбнулся:

— Жду, когда сам расскажешь…

А дело было вот как. Приблизительно летом 2001 года, в канун выборов губернатора Ростовской области, в местной прессе провинциальные «аналитики-политологи» высказали предположение, что В. Чубу альтернативы на выборах нет. Единственный, кто по своему авторитету в обществе, дескать, мог бы составить ему конкуренцию, — это командующий войсками СКВО генерал Г. Трошев. Идею эту подхватили, и «пошла гулять брехня по селу».

Спустя время не только в области, но и в столицах субъектов Федерации Юга России, и даже в Москве стало укореняться мнение, что я собрался уходить «в политику» и планирую выставить свою кандидатуру на пост главы администрации Ростовской области. Меня об этом напрямую спрашивали, звонили разные «высокопоставленные люди», пресса перешла от намеков и предположений к «серьезному анализу» расклада сил и возможностей «кандидатов в губернаторы».

Я лишь посмеивался и убеждал собеседников, что слухи о моем губернаторстве «сильно преувеличены». Увы, это мало помогало. «На чужой роток не накинешь платок» — как гласит народная мудрость. Тем не менее я задумался над тем, стоит ли делать официальное заявление для прессы, чтобы прекратить сплетни. К тому же был убежден, что до Владимира Федоровича слухи дошли. А мы ведь в добрых отношениях. Что он там себе думает по этому поводу?

Вот на таком «политическом фоне» и случилась наша совместная рыбалка и мой «хитрый» вопрос: почему, дескать, не интересуетесь моим «решением баллотироваться».

В общем, все Чубу рассказал. И про «утки» прессы, и про молву в чиновничьих кругах, и про свою позицию. Он поулыбался и коротко «припечатал» сплетников соответствующей характеристикой.

На этом инцидент, как говорится, был исчерпан. Однако до сих пор думаю, что слухи тогда были запущены в умы жителей Дона не просто так, случайно. Не исключаю, что кому-то было выгодно рассорить меня с Чубом, кому-то наши дружеские отношения не давали спать спокойно. Кому? Вопрос трудный. Можно лишь предполагать. Однако фамилий называть не буду, чтобы не уподобиться тем же сплетникам, от чьих злых языков сам и пострадал. Короче говоря, «замнем для ясности».

Не раз пытались вбить клин в наши отношения. Я рассказал лишь об одном таком случае. А их было, к сожалению, несколько.

Но главное, наши отношения не нарушились и после того, как я был освобожден от должности командующего войсками СКВО. Больше того, Владимир Федорович, опасаясь, что я «расклеюсь» после кадрового решения, очень плотно опекал меня, морально поддерживал. Я благодарен ему и за это, и за все, что он сделал и продолжает делать для округа, для людей в погонах, которым так непросто приходится на Северном Кавказе. Чуб — настоящий государственный человек, настоящий мужик. Побольше бы таких во власти. Может, тогда бы и Россия воспряла, быстрее пошла в гору.

«Особая папка»

Хроника террора

2002 год

Если ранее диверсионно-террористическая деятельность боевиков в основном заключалась в минировании автодорог и обстрелах пунктов временной дислокации федеральных сил в ночное время, то за последний месяц предпринимаются попытки проведения широкомасштабной акции.

В ночь с 4 на 5 июня группа боевиков, численностью до 40 человек, пыталась штурмом захватить здание одного из отделов внутренних дел. В ходе боестолкновения один бандит убит, двое получили ранения. Задержаны 6 человек.

11 июня обстреляна военная комендатура Октябрьского

района Грозного. Огонь велся из автоматов и подствольных гранатометов.

В горной части Чечни захвачено большое количество штабных документов Масхадова, из которых стало известно о намерении бандитов предпринять 25 июня захват Грозного. Среди документов были списки 500 человек, которых Масхадов приговорил к смерти.

В Шатойском районе на фугасе, установленном вблизи военной комендатуры, подорвался автомобиль с бойцами стрелковой роты, призванными из Чечни. Погибли десять человек.

После проведенных специальных операций в Итум-Каленском и других районах Чечни бандиты заметно снизили активность. Затаившись, стали действовать исподтишка, вымещая свою злобу на беззащитных мирных жителях.

Так, в Веденском районе убит житель Ведено Хамит Боршигов. Его тело с огнестрельными ранениями в голову и грудь было найдено на окраине села Дышне-Ведено. В селении Новые Атаги застрелен местный житель Лечи Сайтов. Он сидел на скамейке возле своего дома, когда из проезжавшего автомобиля «Газель» была открыта стрельба из автоматического оружия.

Анализируя криминогенную ситуацию в Чечне, российские правоохранительные органы отмечают резкое увеличение бандитских нападений и убийств. Прокурор республики Николай Костюченко на совещании республиканского правительства сообщил, что в настоящее время в производстве находится 360 уголовных дел, возбужденных по фактам убийств.

В Грозном задержана гражданка, занимающаяся изготовлением фальшивых паспортов. По месту ее жительства обнаружены и изъяты бланки паспортов старого образца и печать. Сотрудники правоохранительных органов отмечают, что данный вид преступного ремесла набирает силу.

Директор одной из фирм, путем завышения объема строительных работ, совершил хищение бюджетных средств на сумму более 1,2 миллиона рублей. По предположению спецслужб, похищенные деньги направлялись для финансирования бандформирований.

Продолжается вербовка молодежи боевиками. При этом замечено снижение возрастного ценза при наборе в банды — до 14–16 лет. Родственникам завербованного выплачивается аванс

150–200 долларов. Подготовка боевиков к террористическим актам проходит главным образом в горной части республики либо в Панкисском ущелье. Только за несколько дней в учебные лагеря на территории Грузии из Урус-Мартана были переброшены 5 подростков в возрасте до 1 7 лет.

В ходе спецоперации освобождены трое сотрудников концерна «Севосетингазпром», захваченных в плен у селения Хурикау Моздокского района в ноябре 2001 года, а трое их коллег, взятых вместе с ними в заложники, умерли в плену.

Как сообщило Северо-Кавказское региональное управление Федеральной погранслужбы России, с начала 2002 года на российско-азербайджанской границе задержаны около 30 человек по подозрению в причастности к незаконным вооруженным формированиям. У них изъяты огнестрельное и холодное оружие, 70 единиц различного типа боеприпасов, контрабанда на общую сумму более 30 тысяч долларов США.

Четыре захоронения с останками более чем 70 военнослужащих и гражданских лиц обнаружено в Чечне в окрестностях населенного пункта Старый Ачхой.

Как сообщили представители регионального оперативного штаба по проведению контртеррористической операции на Северном Кавказе, еще в начале 1996 года бандиты Масхадова и Басаева оборудовали в этом месте концентрационный лагерь, куда со всей Чечни свозили военнопленных и захваченных в заложники гражданских лиц.

В ходе предварительного следствия удалось найти Виктора Рослякова, чудом выжившего в застенках бандитского концлагеря. Согласно его свидетельским показаниям, в конце января 1996 года в селение Старый Ачхой были привезены 20 заложников-энергетиков АОЗТ «Гермес-Юг», которые работали вахтовым методом на Грозненской ТЭЦ-2. Все они были жителями Волгодонска Ростовской области.

До середины февраля их, а также шестерых работников «Ростовэнергоремонта» и двух священников (отца Сергия и отца Анатолия) держали в подвале местной школы, оборудованной под тюрьму.

Там же, по показаниям свидетеля, содержался Александр Соколенко, украинец по национальности, прибывший в Чечню для участия в боевых действиях на стороне боевиков. Однако со временем бандиты, вместо обещанного денежного вознаграждения, превратили его в раба.

Затем в Старый Ачхой доставили 15 солдат федеральных

войск и 8 чеченцев, среди которых был бывший министр печати Чеченской Республики Лечи Удугов, а также 28 строителей из Зеленокумска.

В начале марта в тюрьму поместили еще 24 военнослужащих. Так что уже к середине марта 1996 года в лагере находилось до 150 человек.

При осмотре мест захоронения, а также по свидетельским показаниям опрошенных жителей Старого Ачхоя следствием было установлено, что всех заложников боевики использовали на строительстве дороги, ведущей к границе с Грузией. Затем большая их часть была замучена и расстреляна. Во всех захоронениях останки человеческих тел были без черепов. По достоверным данным, известно, что бандиты отрубали или отрезали головы у заложников, насаживали их на колья и с целью устрашения выставляли на всеобщее обозрение.

Большие жертвы среди мирного населения стали результатом очередного теракта в Грозном. Мощный взрыв прогремел днем в одном из самых оживленных мест чеченской столицы — на площади Победы. Установленное вблизи дороги взрывное устройство бандиты привели в действие в тот момент, когда мимо проезжал рейсовый автобус. Есть погибшие и раненые. По данному преступлению возбуждено уголовное дело по двум статьям УК — терроризм и умышленное убийство.

Наемник-россиянин, участник одного из чеченских бандформирований, задержан в Дагестане при попытке перейти российско-азербайджанскую границу. Перебежчик — гражданин России Сергей Калиниченко — принимал участие в совершении тяжких преступлений на территории Чечни.

В Махачкале убит начальник Управления по борьбе с экстремизмом и уголовным терроризмом МВД Дагестана полковник Акилов. Группа преступников из автоматов расстреляла его служебную «Волгу» и скрылась. Акилов и водитель автомобиля скончались на месте.

У следствия практически нет сомнений, что убийство связано с профессиональной деятельностью Акилова — непримиримого борца с экстремистскими группировками ваххабитов в Дагестане.

Целую серию убийств совершили бандиты в Курчалоевском районе Чечни. В селении Октябрьское, во дворе собственного дома, был зверски убит заведующий учебной частью местной школы Агариз Сайдалиев.

В Аллерое застрелены два милиционера полка вневедомственной охраны УВД Чеченской Республики.

В Цодан-Юрте от рук бандитов погиб Хасан Батаев и вся его семья.

В селении Новая Жизнь убит помощник муллы, 68-летний Якуб Джамалханов.

Три человека были убиты в городе Гудермесе: лейтенант милиции Хасан Ахмадиев, а также жительницы Грозного — Лейла Корхоева и Раиса Дараева.

Но самым беспрецедентным насилием в отношении мирных жителей, получившим широкий общественный резонанс, стал взрыв в Грозном, в районе центрального рынка. В результате его, по данным прокуратуры, погибли семь человек, среди них пять женщин и годовалый ребенок, а 24 получили ранения.

Как сообщил прокурор Чеченской Республики Н. Костюченко, взрывное устройство сработало на участке, где в ожидании маршрутных автобусов собираются десятки людей.

В Урус-Мартане похищен сын главы районной администрации, 20-летний студент московского вуза Русланбек Ясаев. По версии следствия похищение Русланбека связано со служебной деятельностью его отца. Ширвани Ясаев с первых дней контртеррористической операции занимал активную позицию в борьбе с боевиками.

Теракт, совершенный боевиками в чеченской столице, в результате которого погибли 25 человек и 15 получили ранение, поверг в шок все население республики.

Взрыв прогремел в здании Заводского РОВД 10 октября примерно в 17 часов 30 минут по московскому времени. В тот момент там проходило совещание. Сила взрывной волны была такова, что рухнули перекрытия всех четырех этажей. Среди погибших начальник отделения Магомед Сибаев, а также почти весь руководящий состав РОВД.

23 октября в Москве, в бывшем Дворце культуры Государственного подшипникового завода вооруженные террористы из Чечни взяли в заложники зрителей и труппу мюзикла «Норд-Ост» (всего — около 800 человек). Бандиты выдвинули требование — прекращение контртеррористической операции в Чечне, вывод войск из республики. В противном случае террористы пригрозили взорвать и расстрелять заложников.

26 октября в результате проведенной операции спецназом «Альфа» заложников удалось освободить. К сожалению, более ста

человек не смогли выжить. Уничтожены все 40 террористов, из них 18 женщин-камикадзе. Убит главарь бандитов Мовсар Бараев.

Терроризм бросил очередной вызов не только России, но и всему мировому сообществу.

Глава 7
Между вчера и завтра

Минно-фугасная война

Потерпев поражение в открытых боевых столкновениях с федеральными войсками (последняя крупномасштабная операция была проведена в марте 2000 года в селе Комсомольское), бандиты окончательно склонились к проведению диверсионно-террористической тактики. Они все чаще стали обстреливать федералов «из-за угла», проводить диверсии, подрывы, устраивать засады, минировать дороги.

Против федералов, как и против мирного населения республики, была развязана минная война. Готовиться к ней бандиты начали заранее, еще задолго до начала ввода федеральных войск в Чечню. Об этом свидетельствуют такие находки саперов, как мощные фугасы, закатанные в дорожный асфальт, специальные колодцы на перекрестках дорог, куда в любой момент можно заложить несколько артиллерийских снарядов с детонатором…

Противоборство в минной войне осложняется тем, что здесь нет устоявшихся канонов, которые позволили бы военнослужащим раз и навсегда выработать методы, обеспечивающие успех. Тем более когда имеешь дело не с регулярной армией, а с бандитами. Прогнозировать набор провокаций и диверсий, их место и время, увы, непросто.

После окончания активных боевых действий минно-фугасная война стала усиливаться и принимать все более разнообразные формы. Хотел бы напомнить читателю, что многие боевики в свое время проходили службу в Советской армии, они знали минновзрывное дело практически в том же объеме, что и наши военнослужащие. В первую очередь мины и фугасы устанавливались боевиками на дорогах, активно используемых для передвижения как военнослужащими, так и мирными жителями. В качестве планируемого времени подрыва выбиралась самая активная часть рабочего дня.

Особенностью минно-фугасной войны стала ее изощренность. Саперы Объединенной группировки войск, проводя инженерную разведку дорог, нередко обнаруживали, например, заложенные бандитами фугасы, управляемые по проводам. Причем если раньше, при подходе саперов к установленному боевиками фугасу, те стремились поскорее скрыться с места минирования, то позднее стали приводить фугасы в действие, резонно полагая, что потери специалистов-саперов, имеющих боевой опыт, восполнить непросто.

Нередко бандитами применялись и радиоуправляемые

фугасы. Только в первой половине 2000 года боевики закупили, например, около 400 радиоуправляемых взрывателей. Они изготавливали фугасы в форме бордюрных камней, труб, широко использовали мины-сюрпризы в виде ракетниц, фото- и радиоаппаратуры, другой бытовой мелочи, которая не должна была вызвать у людей чувство опасности.

Что касается дня сегодняшнего, то ныне у боевиков не в моде, например, мины нажимного действия. Ведь по дорогам бегают десятки легковых авто, которые могут стать легкой добычей неразборчивой «взрывалки». При этом «автора» теракта здесь обычно вычисляют без проблем. А заиметь «кровника» на «глупой» мине никто из бандитов не хочет.

Все реже и реже стали применять фугасы, управляемые по проводам (у этого способа подрыва очень много демаскирующих признаков).

В ходу сегодня, в основном, остались радиоуправляемые взрывные устройства. Эти механизмы относительно просты: из радиоуправляемых детских автомобильчиков извлекаются необходимые «внутренности» и подвергаются несложным переделкам. Правда, такой способ бандиты могут использовать только там, где легко скрыться (в городах или в горной местности), так как нажимающий на кнопку террорист должен сидеть от подрываемого объекта не далее 40–50 метров (объясняется небольшим радиусом действия передатчика).

Как показывает практика, с каждым днем у боевиков все меньше становится профессиональных минеров, а посему все чаще и чаще руководство бандформирований вынуждено пользоваться услугами дилетантов. Необученность же в такой тонкой сфере, как минирование, приводит к гибели минера. Как результат — чуть ли не ежедневно в сводках проходят такие вот строки:

«В Ведено при закладке самодельного взрывного устройства подорвался боевик, являвшийся местным жителем…

В районе рынка в Урус-Мартане произошел подрыв находившегося у бандитов взрывного устройства, в результате чего два боевика погибли, один получил ранение…

При установке фугаса на участке железнодорожного пути близ Шовза подорвались трое боевиков с оружием».

Минно-фугасная война продолжается. Однако она не стала основной козырной картой в тактике боевиков и в той степени, в которой бандформирования предполагали охватить ею Чечню, провалилась. Сегодня инженерные подразделения снимают с дорог до 90 процентов всех устанавливаемых бандитами мин, фугасов и самодельных взрывных устройств.

О «тактике пчел» и камикадзе

Во время проведения специальной операции в горной части Чечни нашими разведчиками были захвачены изъятые у боевиков документы. Среди них приказ № 067, подписанный амиром Высшего военного меджлиса-шуры Шамилем Басаевым: «Создавшаяся ситуация, когда осталось чуть-чуть подтолкнуть кафира, чтобы он бежал с нашей земли, требует от нас перехода к новой, более жесткой тактике наших предков — «тактике пчел» — непрерывным мелким и крупным уколам врага, приводя его таким образом к полному истощению и поражению».

ВВМШ отдает приказ:

«1. Всем подразделениям перейти к новой тактике полного жесткого и постоянного прессинга противника.

2. Военному амиру ВВМШ Хаттабу определить каждому подразделению конкретные направления.

3. Всем группам намеченного врага атаковать непрерывно из всех видов имеющегося в наличии оружия. Ничего не экономить. Главное — не мощь атаки, а ее непрерывность.

4. Всем группам держать врага под постоянным контролем в местах дислокации. Следить за каждым движением противника. Устраивать засады в местах вероятного продвижения разведгрупп врага. Вести непрерывный поиск врага».

Как видно из текста, приказ — это плохо замаскированная попытка сохранить хорошую мину при никудышней игре. Главное в нем, помимо «пчелиной тактики», — поднять пошатнувшийся, если не упавший, боевой дух боевиков. Вместе с тем нельзя не отметить, что деятельность бандформирований, засевших преимущественно в горах, время от времени активизируется. Даже в дневное время в населенных пунктах участились случаи устройства боевиками засад. Наряду с кратковременным, но интенсивным обстрелом из стрелкового оружия и гранатометов автомобилей федеральных сил бандиты используют подрывные устройства. К проведению диверсионно-террористических акций они привлекают даже женщин. Так, в Ленинском районе Грозного была предотвращена попытка прорыва к зданию комендатуры и временного отдела внутренних дел автомобиля, напичканного взрывчаткой. В нем была обнаружена и задержана девушка, которую журналисты тут же окрестили «камикадзе».

Использование лидерами бандформирований террористов-смертников, на мой взгляд, тема отдельного разговора.

Еще в июле 2000 года в короткий срок по единому сценарию боевики попытались провести в Чечне сразу несколько

террористических актов. По их замыслу, автомобили марки «Урал», начиненные взрывчаткой огромной силы, должны были поднять на воздух ряд военных и гражданских объектов в Гудермесе, Урус-Мартане, Аргуне и других населенных пунктах республики.

И хотя в целом террористическая акция не принесла тех жертв и разрушений, не дала тех результатов, на которые рассчитывали ее организаторы, федеральным войскам все же не удалось избежать потерь.

Первый такой «Урал»-фугас в сгущавшихся сумерках попытался протаранить заграждения на въезде в Урус-Мартан. Автомобиль врезался в стомиллиметровую трубу. От столкновения с препятствием водителя и часть взрывчатки выбросило из машины. Но сила инерции протащила «Урал» к КПП, где и прогремел взрыв.

В Гудермесе планировалось провести сразу три теракта. Так, одна из автомашин-фугасов нацеливалась на комплекс зданий военной комендатуры и администрации А. Кадырова. Не прореагировавший на требование остановиться водитель «Урала» был расстрелян часовым КПП, автомобиль взорвался. Другую начиненную взрывчаткой машину патруль чеченских милиционеров попытался остановить недалеко от городского хлебозавода. Выстрелом в упор бандит убил милиционера Хусейна Асхабова. В ответ патрульные тут же открыли огонь. «Урал» взлетел на воздух. «Не повезло» и третьему «гудермесскому» автомобилю, протаранившему ворота расположения батальона внутренних войск…

Увы, в Аргуне не обошлось без трагедии. Рано утром к общежитию, где был расквартирован отряд УВД Челябинской области, прорвался «Урал»-фугас. Его удалось расстрелять только в непосредственной близости от здания, после чего прогремел взрыв.

Именно тогда на страницах СМИ впервые замелькали по отношению к Чечне определения «камикадзе» и «шахиды», которыми называли непосредственных исполнителей терактов. Хотя, скажем прямо, по смыслу эти слова вряд ли являются синонимами. «Камикадзе» (в переводе с японского — «священный ветер») — название летчиков-смертников в японской авиации времен Второй мировой войны. Исходя из идейных побуждений и руководствуясь моральными принципами, которые прививало им общество, камикадзе управляли самолетами, несшими бомбы или другие взрывчатые вещества, вплоть до момента столкновения с целью. Шахиды же — это мученики, те, кто «пал на пути Аллаха» и «обязательно попадет в рай». Смерть в честном бою за веру

всегда считалась почетной (и не только у мусульман). Хотя Аллах запрещает самоубийства.

Как показали результаты расследования уголовных дел, ни камикадзе, ни шахидами исполнители терактов не являлись. Боевики подобрали их кандидатуры из чеченцев, не имеющих средств к существованию. Смертникам за определенную сумму денег (некоторым — просто за мешок муки) предлагали доставить начиненный взрывчаткой автомобиль к какому-то объекту, а затем, скрывшись, привести в действие взрывной механизм. Но, как установили специалисты, от шофера ничего не зависело: автомашина-фугас управлялась извне и взрывалась вместе с водителем. Вот такой получался «камикадзе»… с гарантией! Не исключаю, что и взрывы грузовиков возле Дома правительства в Грозном, а позже возле административных зданий в селе Знаменском осуществлялись не «идейными борцами», а людьми, заранее приговоренными к смерти за какие-либо прегрешения.

По оперативным данным, Масхадов регулярно получал из-за рубежа крупные денежные суммы на подготовку боевиков-смертников, поскольку их действия, как правило, вызывали общественный резонанс. Чаще всего они совершали террористические акты в местах массового скопления людей, применяя оружие неизбирательного действия. Значительную часть смертников составляли женщины, потерявшие мужей, детей, близких родственников, что по кавказскому менталитету равносильно собственной гибели.

Следует отметить, что иногда в качестве смертников бандитами использовались глубоко верующие люди, приговоренные шариатскими судьями к казни за какие-либо преступления. Им внушалась мысль, что такая смерть гарантирует полное искупление вины перед Аллахом и людьми.

Однако удивительнее всего то, что за сравнительно небольшие суммы на боевиков принудительно или по своей воле соглашались работать не только чеченцы, но и представители тех национальностей, которые исторически не исповедуют ислам. К сожалению, были среди них и славяне.

В то же время желающих добровольно расстаться с жизнью становится все меньше и меньше, поэтому главарям бандитов часто приходится идти на циничный обман. Перед диверсионной операцией с использованием взрывчатых средств с жертвой отрабатывают варианты «отхода», а часовой механизм устанавливают так, чтобы он сработал раньше установленного времени. Исполнитель довозит смертельный груз до места диверсии и… взрывается вместе с ним. Именно так было в июле

2000 года, именно так произошло и в Урус-Мартане годом позже: сработал часовой механизм на поясе у женщины-смертницы, и был смертельно ранен военный комендант Урус-Мартановского района генерал Гаджиев. Трудно себе представить возможные размеры трагедии в Москве на Дубровке, если бы сработали взрывные механизмы на поясах двадцати смертниц, сидевших в зале среди зрителей и артистов «Норд-Оста».

Нужно отметить, что подобные акции достаточно сложно предотвращать и крайне трудно расследовать. Сама методика преступления, совершаемого с использованием смертника, удобна тем, что исполнитель не имеет ни малейшего шанса уйти живым с места преступления, быть задержанным и дать какие-либо сведения о заказчиках.

Чем занимается сегодня армия в Чечне?

Этот и подобные ему вопросы часто задают журналисты, некоторые политики, их зарубежные коллеги, правозащитники, а то и любители просто так, ни разу не бывая в Чечне, порассуждать. Смысл вопроса можно конкретизировать: что делает в Чечне армия, если военная фаза контртеррористической операции давно завершена? Ответ прост, хотя и требует пояснений. Война в виде едва ли не фронтального противостояния федеральных войск с крупными отрядами боевиков и наемников завершилась еще весной 2000 года. Но мощная федеральная группировка войск продолжает решать непростые и ответственные задачи, основными из которых сегодня являются:

выявление, задержание или уничтожение главарей бандформирований путем комплексной работы с ФСБ, МВД, администрацией республики и органами местной власти;

прикрытие государственной границы; проведение мероприятий по ужесточению режима служебно-боевой деятельности КПП, недопущению перемещения по территории республики мелких групп недобитых бандитов и преступников;

содействие в обеспечении правопорядка, общественной безопасности.

Вообще же, основные решаемые сегодня группировкой задачи можно определить в двух словах — специальные операции (как говорят военные) или адресные зачистки (на языке гражданских). Но суть не в терминах. Бывает, что в день (в зависимости от обстановки) таких специальных операций набегает до десятка. Что такое спецоперация? По простому счету — это проверка блокированного со всех сторон населенного пункта на предмет выявления и ареста, а при оказании вооруженного сопротивления — уничтожения в нем боевиков, обнаружения и изъятия оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, наркотиков и контрабандного бензина.

Действительно, именно в ходе таких спецопераций задерживаются или уничтожаются боевики, выявляются склады и схроны с оружием и боеприпасами, обнаруживается наркота и «левая горючка». Наши недруги используют проведение подобных мероприятий как очередной повод еще раз заговорить о том, что, мол, военные в Чечне занимаются беспределом в отношении мирного населения. И вот пример.

Мескер-Юрт. Название этого села, расположенного недалеко от Грозного, стало своеобразным символом Чечни 2002 года. В

нем переплелась история здешних нравов от Хаджи-Мурата до Ахмат-Хаджи Кадырова. В течение месяца это название не сходило со штабных сводок, журналистских репортажей и бюллетеней правозащитников. В чем же дело?

По оперативной информации нам стало известно, что в село зашли несколько групп боевиков. Их целью был вовсе не отдых после боевых столкновений в горах. Бандиты решили навести «порядок» на здешнем нефтепредприятии. Ночью они зверски убивают местного предпринимателя Саида Симбаригова. Он вел дела с опорой на администрацию села, а потому поддерживал контакты с федералами. Его труп был обезглавлен, а голова выставлена на пике в центре села. Впоследствии обезглавленное тело подбросили к ближайшему от села блокпосту.

За что так показательно растерзали Симбаригова? За лояльность к федеральным войскам? И за это тоже. Но главное в другом — в явном перераспределении доходов от нефтебизнеса, дающего республике 98 процентов официальных финансовых поступлений. Неофициально — этим промыслом живет по меньшей мере та часть Чечни, где эта нефть выкачивается. Тут же она перерабатывается в бензин и мазут, бензовозы-наливники увозят в соседние Ингушетию и Дагестан.

Наливник на чеченских дорогах столь же привычен, как, скажем, пассажирский автобус в любой точке на Юге России, а локальный нефтебизнес стал одним из главных источников пополнения казны чеченских экстремистов, по крайней мере их лидеров. «Левый» желто-мутный бензин по цене 6–7 рублей за литр продают прямо на улицах Грозного в десятилитровых бутылях, а то и просто в трехлитровых банках. Чадящих нефтеперерабатывающих мини-установок (или, как их прозвали, «самоваров») ежедневно взрывают около дюжины, «левых» наливников отлавливают десятки. И все же остановить этот противозаконный бизнес не удается.

Убийство предпринимателя в Мескер-Юрте, как выяснилось, совершили боевики из отряда Мовсара Бараева, племянника Арби Бараева. Но если Мовсар — строчка в ежедневной криминальной сводке (через полгода он «прославится» во время нападения на Театральный центр в Москве), то Арби — это фигурант всероссийского розыска. Впрочем, оба они уже, как знает читатель, уничтожены.

Сама спецоперация, как и предполагалось, принесла ощутимые результаты. Но обо всем по порядку.

В течение месяца Мескер-Юрт был оцеплен внутренними войсками и армейскими подразделениями. Милиция по очереди проверила более 300 домовладений. Тщательно осматривая

постройки и особенно то, что находится под ними, федералы обнаружили 53 тайника, из которых изъяли: около 150 тысяч патронов и 660 выстрелов к гранатометам, две противотанковые ракеты «Фагот», 15 подготовленных к закладке фугасов, 54 снаряда различного калибра, 320 электродетонаторов, около 30 кг взрывчатки… Кроме того, нашли четыре схрона, оборудованные в могилах на сельском кладбище…

Во время проведения спецоперации засевшие в селе боевики оказали сопротивление. Завязался бой. 14 бандитов были уничтожены. Двоих из них пришлось «выкуривать» из мечети, чтобы не подвергнуть ее разрушению.

Результаты спецоперации тщательно запротоколированы, засвидетельствованы прокуратурой и представителями местной администрации. Двое задержанных сообщили о лагерях и схронах, расположенных в Шалинском и Урус-Мартановском районах. Вырисовался и адрес следующей спецоперации — Чечен-Аул. Там, к слову сказать, так же, как в Мескер-Юрте, обнаружены оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, но, кроме того, и противотанковое вооружение (9 ракет и около 40 гранатометов).

Теперь, как говорится, несколько слов без протокола. Законно или незаконно действовали федеральные силы? Наезжающие в Чечню иностранные журналисты и правозащитники (они находились там и во время событий в Мескер-Юрте) получают по-военно-му лаконичный ответ: да, спецоперации проходят в соответствии с приказом № 80 командующего ОГВ(С). Этот приказ как раз и предусматривает правовую регламентацию проведения подобных мероприятий. Оказаться в положении полковника Буданова (хотя это тема отдельного разговора) никто не хочет.

Не хочется продолжать дискуссию, если собеседник (особенно из числа правозащитников) к стволам и пластиту, не говоря о контрабанде, относится как к местной экзотике. Зато маска, скрывающая лицо омоновца (что делать, если он — чеченец), или заляпанный грязью нечитаемый номер на бронетранспортере (неоновой подсветки на нем не предусмотрено) берут такого «борца за права человека» за живое: вот, дескать, и в дверь сапогами стучали! Вместо того чтобы взять руку под козырек: «Не здесь ли, мол, квартирует господин Муса Мунаев — тот, что за тысячу долларов приобрел государственный пропуск для частного наливника и вообще слывет тонким знатоком нарезного оружия?» В ответ — не иначе как: «Ну что вы, милейший господин, Мунаев уже десять лет как занимается переводом мировых классиков на русский язык, а ваши хлопоты, право, пустое».

Вообразить такой диалог в Мескер-Юрте способны разве что журналисты А. Политковская и П. Фельгенгауэр, вопреки фактам не желающие верить, что за соседним забором обнаружен тайник с оружием и боеприпасами.

Существует и такое, чисто чеченское: «ужас, кошмар, что федералы творят!» В действительности это нередко означает эмоциональную оценку запрета на въезд-выезд на время проведения операции. Хотя в начале ее у главы села берут списки нуждающихся в экстренной медицинской помощи или в срочном отъезде — чтобы проверку начать именно с них.

Еще один пример — похожая на анекдот история с политически интригующим началом и конфузным завершением.

В селе идет спецоперация. С криком «Федералы насилуют!» бежит по улице пожилая чеченка. Кричит так, что слышно, наверное, в Страсбурге, где заседают «озабоченные нарушением прав человека в Чечне» участники парламентской ассамблеи Совета Европы. Эх, какой убойный видеоматериал просится для сюжетных репортажей западных телекомпаний: сильно возбужденную бабусю не сразу догоняют двое дюжих омоновцев: «Кого, мамаша, насилуют? Где?»

— Вон там, контрактники…

В зале чеченского дома за столом сидят несколько военных-контрактников. Годящаяся им в матери пятидесятилетняя чеченка заботливо разливает по чашкам чай, а дед — по возрасту чуть ли не вдвое старше ее — увлеченно показывает гостям альбом с марками — флора и фауна (достал вместе с документами). Ничего более интригующего в доме не нашлось, даже для посетителей… «Что же ты, мамаша, орешь?» — спрашивают омоновцы. «А я вижу, солдаты вошли в дом. Там дед и женщина. Что же им там делать?»

Всегда ли столь идиллически строятся отношения между местным населением и армией? Конечно же, нет. В Мескер-Юрте дважды переворачивали вверх дном имущество некоего Малаева, который Аллахом, женой и хлебом клялся, что пулемет видел только в фильме «Чапаев». И дважды у него находили склады артиллерийского вооружения, которые за время спецоперации неоднократно перемещались из «уязвимых» подвалов в проверенные дома, где были установлена личность хозяина и проведен досмотр. В третий раз проверяющие зашли к Малаеву случайно, по ошибке, и опять обнаружили целую оружейную мастерскую, да еще с так называемым «чемоданом подрывника» — для особо «ответственных» диверсионных заданий. Кстати, тогда подорвался на фанате омоновец.

Селения, где проводятся спецоперации, вслух никто не

называет бандитскими или контрабандистскими. Но именно в них каждый четвертый-пятый селянин, даже если сам не держит по ротному боекомплекту, ведет себя зачастую как булгаковский кот: «Сижу, починяю керосинку, никому не мешаю, а тут военные…» Именно с таким видом отвечал на журналистские вопросы один из представителей местных властей. Когда, показав на полутораметровую трубу противотанкового «Фагота», его спросили, откуда она появилась в соседнем с администрацией доме, то он так и сказал: «Не знаю, военные откуда-то принесли…»

Есть и такая жесткая реальность: у нас нет другой армии, кроме той, в которую призывают молодых людей. И в составе которой солдат идет в Чечню. Вспомним, что происходило на родных просторах, например, во время проведения футбольных матчей или во время просмотра того же футбола у Манежной площади в Москве в 2002 году — вдали от «темпераментной» Чечни… Нравственнее и законопослушнее, чем само общество, армия быть не может, тем более на войне. Скажу больше: в поиске различий между войной и «спецоперациями» мы рискуем оказаться в этическом тупике. Ответьте: что сделаете лично вы, если двенадцатилетний пацан прицелится в вас из гранатомета? Станете ловить, чтобы за ухо отвести к отцу либо к завучу школы? Или для начала первым нажмете на спусковой крючок?

Спецоперация в Мескер-Юрте — это срез жизни сегодняшней Чечни, то есть той части России, в которой вчера шла война, а завтра должен наступить мир. Не будем лукавить: он наступит, если всечеченской «спецоперацией» будет «зачищена» вся республика. Если преступник окажется в тюрьме, а автомат Калашникова — в армейской пирамиде. Увы, такие времена еще не наступили.

Верховный главнокомандующий В. В. Путин

Штрихи к портрету

Что бы я здесь ни написал о Путине — все равно будет плохо. Если напишу комплиментарно — скажут: Трошев подхалим; если стану «цепляться» за какие-то упущения нашего президента — погрешу против истины, вернее, против себя самого, поскольку такой подход не отражает моего личного отношения к Путину; если начну хитромудро плести узоры из достоинств и недостатков Владимира Владимировича, дабы угодить привередливому читателю, — опять же покривлю душой, потому

что не приемлю подхалимажа даже перед широкой публикой. Кроме того, берясь принародно давать характеристику своему верховному, я как бы нарушаю писаные и неписаные законы субординации. Конечно, это не критическая ситуация, подобная реальной боевой, когда комполка командует: «В атаку, вперед!», а кто-то из офицеров начинает дискуссию: «А стоит ли идти в эту атаку, товарищ полковник? Может, дождемся, пока наша артиллерия раздолбает передний край?», но все же… Не в наших традициях «раскладывать шефа по косточкам». Это в Китае в годы культурной революции, когда выкашивали верхушку партии и государства, подчиненные в куски рвали своих начальников. Хотя в 1917-м, после Февральской революции, нечто подобное было и в русской армии. Но недолго.

В общем, принимая решение поместить в этой книге штрихи к портрету Верховного главнокомандующего, я заранее обрекаю себя на критику с разных сторон. Заранее знаю, что эта глава будет многими читаться «под лупой». И тем не менее я решился публично высказаться. Это, естественно, не так рискованно, как встать в полный рост над окопом под огнем, но все же… Уверен, что в меня полетят критические «камни». Не спасет меня и обещание писать искренне. За правду на Руси тоже частенько доставалось. Что ж… Делай, что должен, и пусть другие говорят, что хотят, — не помню, кто так или почти так сказал, но мысль, надеюсь, понятна.

Почему я взялся за эту главу? Считаю необходимым пояснить. Во-первых, писать что-либо о Кавказе, о событиях в Чечне и вокруг нее без упоминания имени В. В. Путина и его роли в моем положении по меньшей мере странно. Во-вторых, по службе мне приходилось несколько раз общаться с ним, когда он находился сначала в должности и. о. Президента РФ, а затем и Президента России, и с его ближайшим окружением, и каждая встреча была сопряжена с незабываемыми впечатлениями — нет смысла это утаивать от людей. В-третьих, общественный интерес к личности Владимира Владимировича так огромен, что, даже если отбросить военно-политические аспекты его деятельности, наши с ним служебные контакты, все равно останется чисто человеческое отношение к фигуре первого лица государства. Для меня оно важно, важно и для широкой публики. Так что, думаю, тут авторский интерес совпадает с интересом читательским.

Итак, к делу. Вначале оговорюсь, что о В. В. Путине я уже упоминал в книге «Моя война». Там речь шла о приезде Владимира Владимировича в Чечню в марте 2000 года. Многие помнят, что он туда прилетел на военном штурмовике. Коротким описанием этого визита (в Грозный и Ханкалу), а также

совещания в Моздоке (летом того же года) я тогда и ограничился. Теперь хочу начать с «ближних подступов». Надеюсь, понятно, о чем речь — о возможности порой пробиться к первому лицу сквозь плотный строй личной охраны и ближайшего окружения Президента РФ. Тема эта проста до примитивности и для всех понятна, а для многих еще и актуальна.

Первая встреча с В. В. Путиным вне Чечни, вне войны состоялась еще летом 1998 года в Дагестане. Он был тогда еще первым заместителем руководителя администрации Президента РФ. А я тогда тоже «ходил в замах», еще не был первым лицом округа. Мы познакомились, но почти не общались, что не дало мне возможности, как говорится, почувствовать этого человека. Тем более что держался Путин скромно, свое мнение не навязывал. Помню, что очень внимательно всех слушал, старался поглубже вникнуть в суть обсуждаемых проблем.

Выражаясь молодежным сленгом, разборка тогда шла крутая. В Махачкалу прилетели Сергей Степашин (он в то время руководил МВД), представители Совета безопасности России, ФСБ, Федеральной погранслужбы, региональные лидеры… Моя позиция тогда мало кого волновала — докладывал командующий войсками СКВО генерал-полковник Казанцев. Анализируя ситуацию вокруг фактически самоуправляющейся Чечни, в которой кипели междоусобные страсти и группировки экстремистского толка готовились к агрессии против России, а также влияние «чеченского фактора» на Дагестан и соседние регионы, Казанцев резко критиковал руководство МВД и других силовых ведомств. Это вызвало закономерную ответную реакцию. И пошла разборка по полной программе. Для Казанцева это был тяжелый момент. Даже поднимался вопрос о снятии его с должности (об этом я более подробно писал в «Моей войне»).

Как повел себя в этой ситуации В. В. Путин — не знаю. Знаю только, что у меня остались впечатления о нем как о скромном человеке, вдумчивом, искренне пытающемся разобраться в обстоятельствах дела и не склонном к резким, необдуманным шагам. Учитывая это, думаю, что он не принадлежал к «группе радикалов».

Поскольку в тот момент мы с Владимиром Владимировичем (каждый в своей сфере и на своем уровне) находились как бы не на первых ролях, то и о доступности говорить не приходится. Об этом тогда даже не думалось. Проблема возникла уже после первых встреч в Чечне и Моздоке, где барьеры в общении различных должностных лиц не ощущались. Это случилось в Ростове-на-Дону осенью 2000 года, куда Путин, уже будучи президентом, прибыл с рабочей поездкой в область.

Я был командующим войсками СКВО и, как положено, встретил Президента России — Верховного главнокомандующего, надеясь из первых уст услышать его мнение и ответы на вопросы, волновавшие и всю страну, и лично меня. Больше того, я рассчитывал даже на личную встречу, которая не то что не исключалась, но и с большой долей вероятности предполагалась. Увы, «надежды юношей питают» — меня даже не допустили в зал Донской публичной библиотеки, где проходила встреча В. В. Путина с некоторыми региональными лидерами и представителями общественности. Там были журналисты, библиотекари, преподаватели вузов, студенты… А мне, командующему, охрана дала от ворот поворот. «Вас нет в списке», — ответил молодой парень с переговорным устройством в ухе.

Я так опешил, растерялся, что даже не знал, как реагировать. Меня будто кипятком окатили с головы до ног, но виду показывать не стал и поехал к себе в штаб.

Как позже выяснилось, В. В. Путин хотел со мной переговорить. Нужда в моем мнении по ситуации в регионе возникла еще во время разговора в библиотечном зале. Владимир Владимирович окинул взглядом «круглый стол» и, не увидев меня, подозвал своего помощника и что-то шепнул ему на ухо. Стали искать меня, но не нашли. Звонить и вызывать не стали — слишком жесткой была программа пребывания Президента РФ на Дону. Он улетел, мы так и не пообщались.

Я узнал о желании Владимира Владимировича поговорить в тот же день, но было поздно, чтобы что-то исправить. Поэтому опять разволновался, но теперь уже из-за чувства собственной вины. Понял, что погорячился, не настоял. «Ну, недосмотрели люди из ближайшего окружения президента, ответственные за протокол, — думал я, — ну, бывает. Их тоже понять можно. Не исключено, что работают недавно, опыта не нажили, а я вспыхнул, обиделся, как студент-первокурсник. Не к лицу это человеку моего положения А он, оказывается, хотел встретиться, потолковать и по обстановке в регионе, и по нашим военным делам. А я его подвел…»

Второй случай, который меня покоробил (и опять президент о нем наверняка и сегодня не знает), произошел в Адлере, в аэропорту. Я прилетел чуть раньше Путина, чтобы встретить своего Верховного главнокомандующего, но охрана опять меня не пропустила.

Но я же не посторонний, я генерал Трошев, командующий войсками военного округа. Я там должен быть!..

Молодой парень в черном костюме, с пистолетом и

наушником, был неумолим: дескать, ничего не знаю, вас в списках нет, отойдите отсюда.

Мои уговоры сообщить по рации своему старшему охраннику ни к чему не привели. Правда, чуть позже, как бы извиняясь, он сказал:

— Вы извините, товарищ генерал, но у меня служба. А за людей, которые создают вот такие унизительные проблемы для вас, мне очень стыдно, — и опустил глаза.

Я молча пожал ему руку.

В общем, я простоял вместе с водителями служебных машин на обочине аэродрома. Они посматривали с сочувствием на меня, отчего мне было еще обиднее, а я посматривал в сторону самолета Президента РФ. Там Владимир Владимирович здоровался и разговаривал с полпредом В. Казанцевым, с губернатором А. Ткачевым, с мэром города и еще множеством чиновников различного уровня. А про меня никто не вспомнил и не заступился, не протащил сквозь охрану. В тот день круг моего общения составили шоферы служебных легковушек. Хорошие были ребята, эти водители: анекдоты рассказывали, успокоили меня очень тактично, даже развеселили. Я их уже скоро всех в лицо и по именам знать буду. Но все равно в Ростов я улетел с неприятным осадком в душе. С Верховным тогда так и не встретился, хотя Устав к этому обязывает, да еще самолет тучу керосина спалил зазря.

Для непосвященного читателя вынужден оговориться, что все эти страсти-мордаста с охраной и тоннами топлива для перелета — не личные амбиции Трошева, не желание «царедворца» покрутиться на глазах у лидера страны и засвидетельствовать свое почтение, не жажда потренировать позвоночник в «прогибах» перед начальством. Речь идет о том, что мне, как командующему, по Уставу положено встречать Верховного главнокомандующего на территории вверенного мне военного округа. Служебная обязанность у меня такая. И если я ее не выполняю, то меня наказать должны. Это во-первых. А во-вторых, мне, как военачальнику, который несет прямую ответственность за то, что происходит в Чечне и вокруг нее, который руководит воюющими войсками, а кроме того, еще и участвующими в ликвидации последствий бесконечных стихийных бедствий на юге страны, всегда есть о чем доложить президенту — Верховному главнокомандующему. Причем поводы для разговора и проблемы, решение которых нужно докладывать и согласовывать с первым лицом государства, как правило, более серьезны и актуальны, чем у многих гражданских чиновников, зафиксированных в протоколах президентских встреч.

И пусть не обижаются на меня, к примеру, те же мэры городов, но, ей-богу, неужто их проблемы важнее тех проблем, которые решают в данный момент военные?! Я понимаю: другое дело, когда нет войны, когда все спокойно в регионе, когда армия занимается плановой боевой подготовкой, озабочена лишь строительством строевых плацев и подготовкой к парадам… Но ведь война идет! Пусть не широкомасштабная (слава богу!), специфическая, но она же идет — рвутся мины, гибнут люди… И в такой обстановке президент страны прилетает в неспокойный регион, его встречает мэр маленького благополучного курортного городка, а командующего воюющими войсками держат за «забором» из плечистых охранников на расстоянии пушечного выстрела от своего Верховного главнокомандующего! Парадокс. Уму непостижимо. Такие несуразицы даже далекому от политики и армии человеку очевидны.

К слову, всегда, как только я, презрев протоколы, правдами и неправдами прорывался к Путину, у него находился повод со мной побеседовать.

— Геннадий Николаевич, нам с вами нужно переговорить, — пожав руку, говорил Владимир Владимирович.

Я кивал, пристраивался к «свите» и ждал своей очереди.

Как-то (это было именно тогда, когда Ткачев «пробил брешь» для меня в толще охраны) президент, увидев меня на аэродроме и поздоровавшись, сразу отвел в сторону, и мы стали обсуждать ряд актуальных вопросов. А вся большая группа сопровождавших и встречавших его лиц терпеливо топталась у самолета в ожидании окончания нашего разговора тет-а-тет.

Оказывается, нужен был я Путину в тот момент Причем срочно. А меня не хотели пропускать.

Высказывая все эти претензии к «протоколу», не называю конкретных фамилий не потому, что боюсь кого-то обидеть, навлечь на того или иного чиновника гнев начальства и тем самым, возможно, спровоцировать ссору с сотрудниками Администрации Президента РФ. Я действительно не знаю механизма составления протокола и тех, кто за это отвечает. Я в самом деле не понимаю, почему один человек (вроде бы, ответственный за протокол) звонит мне и вызывает на встречу с Путиным, а другой (тоже, вроде бы, ответственный) мою фамилию в какие-то списки не вносит, и я оказываюсь «за бортом» — лечу за сотни километров в другой город, чтобы послушать, как шоферы анекдоты травят.

Я знаком со многими людьми из ближайшего окружения президента. Все они по отношению ко мне проявляли явное

уважение и даже дружелюбие. Не было случая чтобы, увидев меня, не подошли поздороваться, поинтересоваться служебными и личными проблемами. Да так оно и должно быть всегда. Одно общее дело делаем…

Свои претензии по поводу протокольных «заморочек» я никому раньше не высказывал, но не могу не вспомнить мой разговор с одним из заместителей главы Администрации Президента РФ.

— Понимаете, — сказал я ему, — все эти «мелочи», если они накладываются одна на другую, формируют настроение и даже отношение. Вот при Борисе Николаевиче Ельцине, например, командующие войсками округов ко всем государственным к праздникам получали поздравительные открытки за его подписью. Как говорится, мелочь, а приятно. Теперь нас Верховный не поздравляет. Я далек от мысли, что раз открытку не послал, значит, мы ему не нравимся. Но в совокупности с другими деталями взаимоотношений невольно начинаешь задумываться: может, что-то не то делаешь?..

Он, в принципе, со мной согласился. И со временем открытки от Верховного главнокомандующего я стал получать. Видимо, он до Президента довел наш разговор, а может, даже не до него, а до того чиновника, которому самому положено было это делать, без напоминаний и подсказок.

Чтобы читатель не фыркнул: дескать, Трошев из-за открытки обиделся, я упомяну здесь еще один момент, чтобы четче просматривался общий фон, на котором рождаются мысли о «мелочах».

Однажды возвращаюсь поздно ночью домой из командировки. Лариса, моя супруга, спрашивает:

— Обращение Путина слышал?

— Какое Обращение? Я только что с аэродрома.

Она мне стала объяснять. Включила телевизор, когда передача заканчивалась. Многие детали мной упущены. В общем, понял, что было Обращение президента к народу по одной из важных проблем. Ладно, думаю, завтра все выясню из утренних теленовостей.

На следующий день сразу косяком пошли звонки с Генштабом и Минобороны по разным служебным вопросам. Пока разговаривал, в приемной народу набилось как сельдей в бочке — нужно срочно решать массу проблем. Короче говоря, одним глазом косился на телеэкран, другим — в бумаги, одним ухом слушал телекомментаторов, другим — посетителей. В общем, опять не уловил многих нюансов Обращения. Только к вечеру, получив газеты, стал разбираться в сути проблем, поднятых

президентом, и то в комментариях журналистов…

Подобных примеров связи командующего с лидером страны — множество. И это при том, что среди публики, перед которой выступает президент, — масса людей, которые запросто могли бы узнать мнение В. В. Путина и в телевизионном варианте. Ничего бы не потеряли. А вот я потерял. Не уловил многие нюансы и акценты.

На эту тему я высказался однажды в беседе с президентом.

— Владимир Владимирович, — говорю, — там иной раз в зале перед вами сидят бизнесмены средней руки, чуть ли не фермеры (пусть они не обижаются, я отнюдь не умаляю важность их работы), но нет людей, напрямую обязанных вас слышать, видеть «вживую», а то и в обсуждении вопросов участвовать. Ведь мы, командующие (нас шесть человек всего!), — в значительной степени олицетворение федеральной власти на местах. Конечно, мы не единственные в регионах, но тем не менее. А нас напрочь перестали звать в Москву… Командующий не просится на каждое совещание к вам в Кремль — у них такой возможности-то нет. Однако на знаковые мероприятия, проводимые президентом, командующих стоило бы приглашать. А то мы порой, как разведчики, газеты анализируем и выслушиваем минимум трех телекомментаторов с разных каналов, чтобы вывести среднее арифметическое и максимально приблизиться к истине: что, как, зачем и кому вы говорили…

Путин со мной согласился.

Вообще же хочу заметить, что Владимир Владимирович умеет слушать и слышать. Не помню случая, чтобы он кого-нибудь грубо обрывал, мешал сделать доклад или высказаться по сути вопроса. Я уже упоминал об этом его качестве, когда рассказывал о совещании в Махачкале летом 1998 года. Позже, в Ростове-на-Дону, в штабе округа, мы с генералом Казанцевым докладывали ему свои варианты решения по «чеченской теме». Он только один раз перебил, сделав это очень тактично. Извинился, что прерывает нас, но задал такой вопрос, ответ на который требовался немедленно и мог изменить всю логику доклада и, соответственно, выводы.

Впрочем, ничего удивительного в такой манере поведения нет: Путин прекрасно понимал, что люди военные лучше кого бы то ни было знают обстановку в республике (тогда еще проводились масштабные боевые операции), им виднее, к их предложениям нужно относиться внимательно…

Кстати, по поводу такта. Во время очередной поездки в Астрахань президент в один из моментов сказал мне: нужно обговорить один вопрос. И вот мы в резиденции губернатора

Астраханской области Анатолия Гужвина. Я настраиваюсь на беседу с Верховным главнокомандующим. Слегка нервничаю, роюсь в своей папке с документами, потому что в таких случаях всегда хочется иметь под рукой какую-нибудь шпаргалку (мало ли о чем спросит). Хотя у Путина нет этой манеры устраивать экзамен какому-либо должностному лицу по «арифметике».

— Цифр пока не надо, Геннадий Николаевич. Это после, если понадобятся, — не раз говорил он. — Главное — идея, замысел…

Но все равно по привычке, выработанной годами, всегда старался запастись «опорными» документами. Меня пригласили, когда я уже наскоро успел еще раз пробежать глазами основные бумаги (как позже выяснилось, совершенно не понадобившиеся мне в тот момент).

В кабинете губернатора Владимир Владимирович находился один. Гужвина не было. Мы стали беседовать. Разговаривали минут десять, обсуждали крайне важные вопросы. И тут постучался и вошел Анатолий Петрович, чтобы доложить президенту о том, что тот попросил его накануне выяснить.

Договорить мы с В. Путиным не успели, появление Гужвина оборвало меня на полуслове, и в той ситуации я не знал, как быть: то ли продолжать речь, то ли сделать паузу. Двусмысленность положения усиливалась тем, что Анатолий Петрович явился не по своей воле — президент попросил его прояснить какой-то вопрос и доложить, что тот по-быстрому и сделал. Во-вторых, мы находились в личном кабинете губернатора, то есть как бы в гостях. В-третьих, Гужвин, хоть и гражданский человек, но занимает важный державный пост, прекрасно понимает, что такое военная и государственная тайна.

Владимир Владимирович мог бы его попросить выйти и подождать. Гужвин все бы понял и вряд ли обиделся. Хотя, конечно, ему, как и всякому человеку, при котором явно секретничают, было бы неприятно. Президент мог бы также дать мне понять, что беседу стоит продолжить и при губернаторе, что тоже было бы естественным. Но тогда в неловком положении оказался бы я. Дело в том, что обсуждали мы очень деликатную тему, а некоторые вопросы касались только нас, военных.

Короче говоря, все вышеизложенные соображения пронеслись в моей голове за считанные секунды. На какой-то миг я замялся, не знал, как быть. И тут президент незаметно для губернатора глянул на меня и приложил палец к губам: мол, перенесем разговор на потом. Я облегченно вздохнул. Ситуация разрешилась наилучшим образом. Гужвин стал докладывать, а я тут же откланялся.

Иду по коридору и думаю: это же надо, как он ситуацию

«разрулил»! И губернатор не в обиде, и я избавился от необходимости лавировать в беседе, и время у меня теперь есть, чтобы хорошенько подготовиться ко «второй серии» разговора… В общем, в этом случае В. В. Путин проявил себя человеком тактичным и даже деликатным…

Само собой разумеется, основное содержание моих встреч и бесед с Верховным главнокомандующим не может быть вынесено на обсуждение широкой публики по вполне понятным причинам. Вопросы и проблемы, которые мы решали, возможно, навсегда останутся тайной. Что вполне закономерно. Поэтому пусть читатели меня простят за немногословие и не судят строго. Я лишь то могу рассказать, что могу.

Одной из проблем, возникших на юге России, была проблема надежного прикрытия государственной границы, а отсюда и вопрос передислокации некоторых частей. Никто уже не сомневался, что на территории Грузии находится банда Гелаева и что не сегодня, так завтра она будет пытаться прорваться на территорию Чечни.

Верховный главнокомандующий давно был обеспокоен этой проблемой. По данному вопросу он консультировался и с министром обороны РФ, и с начальником Генштаба. В конце концов дошла очередь и до меня. Мое мнение оригинальностью не отличалось. Я тоже считал, что передислокация нужна. Налицо был явный дисбаланс: в отдельных регионах наблюдалась переизбыточная концентрация войск (например, в Северной Осетии), в других же субъектах Федерации — вообще ничего (несколько военкоматов — не в счет).

Гелаевцы начали то тут, то там прощупывать границу, в том числе и через те участки, где в глубине территории или вовсе не было войск, или силы были явно недостаточны для блокирования и уничтожения бандитских отрядов. Участок российско-грузинской границы, проходящий по территории Чечни, гелаевскими бандитами был уже проверен и изучен в достаточной степени и не обещал ничего хорошего для успешного похода. Теперь готовились прорываться в других местах. Последующие события под Галашками (в Ингушетии) в сентябре 2002 года подтвердили наши опасения, об этом я подробно рассказывал ранее.

Короче говоря, передислокация назрела сама собой. Уже много лет, несмотря на войну в Чечне и военную реформу, ничего подобного не происходило. Но как отнесутся к этому республиканские лидеры и местное население? Вот в чем был вопрос.

В книге «Моя война» я рассказывал, какой политический

скандал и вооруженный конфликт возник, когда я в феврале 1996 года попытался провести военную колонну через территорию Ингушетии. Даже люди погибли. А что будет сейчас? Над этим думал я, думали в Генштабе и Минобороны, думал и президент страны.

И вот совещание в Сочи. Присутствовали главы администраций всех субъектов Федерации Юга России. Были приглашены и силовые ведомства. В. В. Путин всех представил и попросил участников внимательнейшим образом отнестись к тому, что будет говорить командующий войсками СКВО и другие военные. Я высказал свое видение ситуации и свои предложения. Выступили и региональные лидеры. В общем, разговор состоялся серьезный и заинтересованный.

Когда совещание закончилось (было это в Бочаровом ручье), все вышли прогуляться и перекурить. И тут меня пригласили к Владимиру Владимировичу. Он находился в цокольном этаже, в зале с низкими потолками. Вместо одной стены зала — широкое окно, за ним морской пейзаж. Когда я вошел, президент стоял в задумчивости и смотрел на море. Услышав мои шаги, быстро повернулся и подошел.

— Вот видите, Геннадий Николаевич: мы с вами долго судили-рядили, с какой стороны «подъехать» к руководителям субъектов, а они сами стали просить, чтоб на их территории войска разместили…

Итоги совещания радовали В. В. Путина не меньше, чем меня.

Кстати, на территории Ингушетии решено было «посадить» мотострелковую часть. Вопросы о месте ее дислокации и обустройстве Верховный главнокомандующий попросил периодически ему докладывать. «Держите это на личном контроле, Геннадий Николаевич. Это очень важно», — подчеркнул Путин.

По этому вопросу я около трех часов беседовал с Президентом Ингушетии Муратом Зязиковым. Специально прилетал к нему, и сел самолет на аэродроме в станице Слепцовской, где с 1994 года не приземлялся ни один военный самолет, словно Ингушетия была не в России! Теперь обстановка изменилась. Вот что значила смена руководителя республики.

Решено было вначале разместить на новом месте одно подразделение, которое взялось бы за обустройство военного городка, а затем перевести сюда и всю часть. Зязиков пообещал помочь в этом деле. И не только материально. Чтобы соответственно подготовить местное население, он планировал даже официально обратиться к народу республики. Короче говоря, дело пошло. Обо всем этом я доложил Верховному

главнокомандующему.

Кстати, о докладах. Поскольку военные вопросы В. В. Путин всегда держал на контроле и старался глубоко вникать в суть армейских дел, он не раз звонил мне напрямую, минуя Минобороны и Генштаб, и интересовался проблемами. Я, как положено, докладывал. Но это порой раздражало некоторых военачальников в Москве.

— Ты чего президенту звонишь через мою голову? — задавал мне иной раз вопрос мой старший начальник.

— Я ему не звонил, он сам на меня вышел, — объяснял я, но раздражения на другом конце провода тем не менее не мог снять.

Увы, такова наша армейская жизнь. Строгая субординация не всегда вписывается в жизненные рамки, а иногда даже провоцирует недоразумения.

Еще о недоразумениях. Касательно взаимоотношений военачальников. Однажды в них вмешался и Верховный главнокомандующий. Было это в период активных боевых действий в конце 1999 — начале 2000 года. Из-за некоторых шероховатостей в управлении действиями западной группировки войск обострились отношения между Казанцевым и Шамановым (об этом я частично писал в своей книге «Моя война»). Поползли слухи о снятии Шаманова, о ссорах между генералами. Вплели туда же и меня. Все это просочилось в прессу. Короче говоря, пошла сплетня набирать обороты. И В. В. Путину журналисты стали задавать вопросы.

— Мы боевыми генералами не разбрасываемся, — коротко ответил он.

И как-то все само собой успокоилось. Дескать, воюйте, ребята, спокойно, никто никаких разборок устраивать не будет.

Это было правильно. На войне никогда ничего гладко не проходит. Как правило, без столкновения мнений и характеров не обходится. Что ж, по каждому спорному моменту комиссии из Москвы для разборов высылать? В свое время это даже скорый на расправу Сталин на второй год Великой Отечественной войны понял. Поначалу гонял Мехлиса по фронтам для экзекуций, а затем кое-чему научился и перестал всерьез воспринимать наветы этого армейского инквизитора. Больше того, многих уже сидевших из тюрем выпустил — всех подгребал, кто мог немца бить. Впрочем, не буду углубляться в прошлое. Факты общеизвестны… Другое дело, что не всегда усваиваем мы уроки истории. В данном случае глупости не повторили. И слава богу!

Говорю об этом еще и потому, что однажды сам оказался в ситуации, грозящей серьезными последствиями. Не исключал я и так называемых оргвыводов. Речь идет о памятном для многих

моем выступлении перед журналистами в Ханкале, когда я в эмоциональном порыве сказанул, что бандитов надо принародно вешать. Господи, что тогда началось! Правозащитники и либералы готовы были рвать меня на куски. Даже симпатизировавший мне Дмитрий Рогозин (он в Госдуме занимается международными проблемами) высказался с осуждением:

— Ну, Трошев же умный мужик. Как он мог такое выплеснуть, тем более публично?

Честно признаюсь: никто бы меня больше и строже не осудил, чем я сам. Клял себя за несдержанность, но слово не воробей. То, что шум в прессе поднялся, — этому я не удивился. Хотя странно было, что слова мои восприняты были так, будто я — опытный дипломат, который совершил роковую ошибку. Мне хотелось кое-кому сказать: «Ребята, я старый вояка, ветеран войны, а не ветеран дипкорпуса!»

Не буду кривить душой: меня, конечно, тревожило, как на мою несдержанность отреагирует В. В. Путин. Реакция не заставила себя долго ждать. На одной из пресс-конференций у него спросили впрямую обо мне, то есть о тираде, которую журналисты по всему свету разнесли.

— Трошева можно понять, — коротко ответил президент.

И все. И разговоры потихоньку смолкли. А ведь многие надеялись, что Верховный главнокомандующий меня снимет с должности. Нет, простил, потому что чувствовал, по всей видимости, состояние моей души.

Как бы то ни было, но история эта послужила мне хорошим уроком. Надеюсь, и для многих других будет поучительна. Дело в том, что некоторые военные люди считают: мы, дескать, народ фронтовой, грубый, нам политесы ни к чему. В общем, козыряют даже этим. Потому что чувствуют: простой публике нравится эдакая окопная замшелость, гусарская лихость и тому подобное. В этом есть даже что-то экзотическое. Такой настрой офицеров затягивает, к нему привыкаешь.

А потом вдруг возникает ситуация, когда ты становишься фигурой политической: на тебя смотрят не только как на военного, но и как на представителя государства, реализующего его генеральную линию. Это, кстати, зависит не только от больших погон и высокой должности. Какой-нибудь наш молоденький лейтенант в Косово, в Таджикистане или в Абхазии — в том же положении, что и я в Чечне. И вдруг каждое твое слово, поступок, манера поведения, даже жест начинают восприниматься окружающими как позиция или облик всех Вооруженных сил, а то и страны. А ты не готов к этому внутренне,

не настроился. В общем, здесь ухо надо держать востро. Простая небрежность, несдержанность — и готов международный скандал. И попробуй потом оправдаться, что я, дескать, фронтовой рубака, а не военный атташе.

Двести лет назад герою войны с Наполеоном атаману Платову прощали все: и грубые манеры, и даже хмельные кутежи с прусским полководцем Блюхером… Европа задыхалась от любви к матерому русскому казаку. Британская королева в его честь прием устроила. Но времена изменились. Теперь Европа со своими ОБСЕ и Европарламентом за каждую мелочь к нам цепляется. Да что Европа, и своих ревнителей военных нравов в Чечне хватает. Что уж обо мне говорить! Самому В. В. Путину досталось. Вспомните, как накинулись на нашего президента, когда он на пресс-конференции резко ответил на бестактный вопрос французского журналиста репликой про обрезание. Кто-то тогда заступился за него, сказав: «Какой вопрос — такой ответ». Пользуясь случаем и не боясь обвинений в подхалимаже, тоже хочу защитить своего Верховного главнокомандующего от публичных нападок. В свое время он сказал по поводу меня: «Трошева понять можно…» Теперь и я замечу: Путина понять можно.

Кто хотел понять, давно все понял. И про «двойные стандарты», где есть «хорошие» и есть «плохие» террористы, и про «мирное население», с которым якобы воюет в Чечне армия, и про Масхадова, который к «Норд-Осту» вроде отношения не имеет, но почему-то за месяц до захвата террористами центра сделал на видео запись о готовящейся его людьми «спецоперации» в Москве…

Понятно, что В. В. Путина вся эта «либеральнобандитская» брехня просто достала. Да, я утверждал и доказывал, что наш президент — человек вдумчивый, выдержанный, тактичный. Но ложь он не терпит: ни из уст европейских и отечественных политадвокатов, обеляющих басаевых, бараевых и «примкнувших к ним» Масхадовых, ни из уст российских чиновников, неспособных справляться с порученным делом.

— Не обманывайте! — обращался он к функционерам не раз на совещаниях. — Сообщите реальные данные! Не завышайте, но и не занижайте цифры! Скажите правду, чтобы можно было понять, как исправлять ситуацию…

Было это не единожды по поводу целой череды стихийных бедствий, обрушившихся на Юг России. Информация о ликвидации последствий наводнений была, мягко говоря, противоречивой, и Владимир Владимирович прилетел разбираться лично.

Я редко его видел таким. В свитере, болониевой курточке. Был строг и спрашивал дотошно. Тут уж не до идей и замыслов, требовались конкретные цифры.

Докладываю: округ выделил более четырех тысяч человек на аварийные работы, для этого задействована большая часть инженерных войск со специальной техникой, руководит работами генерал Красников, восстановили столько-то мостов, столько-то дорог…

Путин слушает молча и кивает.

— Кроме того, — добавляю, — офицеры собрали несколько миллионов рублей и передали пострадавшим, на днях отправили колонну «КамАЗов» с вещевым имуществом для тех, кто остался гол и бос, провели субботник и воскресник — личный состав работал безвозмездно на тех участках, которые согласовывались с местными руководителями пострадавших регионов.

Президент смотрит на С. Шойгу. Тот признается:

— Без армии МЧС в одиночку не справилось бы…

Путин кивнул. Но на этом не кончилось. Уже когда сели в вертолет и на небольшой высоте стали облетать зону бедствия, еще дважды подзывал меня к себе и, глядя вниз — на последствия стихии, спрашивал, что еще войска могут сделать, чтобы помочь людям.

Приземлились в поселке, который губернатор Ставрополья А. Черногоров решил показать президенту как образцовый. Вышли из вертолета. Кругом грязь непролазная. Дома, правда, стоят, но дороги даже не отсыпаны, дренажа нет.

Путин в своих ботиночках, почти не глядя под ноги, пошел прямо по чавкающей грязюке. Мы все, человек десять прилетевших плюс местное руководство, за ним.

С. Шойгу и А. Черногоров, жестикулируя, комментировали и показывали, что сделано. А вокруг люди, женщины плачут, кто-то приветствует президента, кто-то жалуется на местную власть, кто-то благодарит. Владимир Владимирович к людям подходил, отвечал на приветствия и вопросы. Но долго не задерживался, хотел увидеть побольше своими глазами. Увидел…

В конце концов помрачнел. Хотел высказаться, но при людях сдержался. А ведь мог разнос учинить публично. Народ это любит — когда царь бояр стегает. Но президент только челюсти сжал и желваками заиграл. Зато так посмотрел на С. Шойгу и А. Черногорова, что даже у меня спина похолодела…

— Если вы мне показали лучшее, то как же тогда выглядит худшее?! — спросил Путин позже на совещании.

А уж энергетику, который предложил повысить тарифы на электроэнергию, досталось по полной программе.

— Вы в каком государстве живете?! Вы на общей беде нажиться, что ли, хотите?! — в упор посмотрел на чиновника президент, и все присутствующие нервно засуетились.

Некоторое время спустя «под раздачу» попал А. Ткачев (губернатор Краснодарского края):

— Вы будете виноваты, — обратился к нему В. В. Путин на совещании, озвучив в процентах ход работы по ликвидации последствий стихийного бедствия в крае, — я с вас спрошу!

Сидя на этих совещаниях, глядя, как жестко президент разговаривает с ответственными должностными лицами, я им сочувствовал. Сам-то, хоть и отчитался за свою работу, но тоже мог попасть под горячую руку. В то же время понимал, что по-другому в такой ситуации поступать нельзя. Сам грешен. У нас в армии разносы покруче. Вояки — народ в этом смысле закаленный. А здесь, наблюдая за некоторыми участниками совещания, невольно в душе жалел их.

Еще о жесткости президента. Помню разговор, который состоялся в моем присутствии. Владимиру Владимировичу доложили, что один из глав администрации, на которого завели уголовное дело, снял с работы двух прокуроров.

— Впервые такое слышу, — изумился президент и распорядился разобраться.

Уже на следующий день этот глава администрации покинул свое кресло. Я мысленно поаплодировал Владимиру Владимировичу и вспомнил, как чеченцы — местные жители тех районов, которые освобождали войска нашей восточной группировки, зимой 2000 года пришли ко мне со списками и подписями в поддержку В. В. Путина, он тогда исполнял обязанности Президента РФ.

— Передайте ему, чтоб президентом становился. Порядок нам нужен. Надоело всем это бандитство… Путин может порядок навести. Мы ему верим…

Я пообещал, что списки и письма передам.

Однако закончить эту главу хочу не рассказом о требовательности и взыскательности Владимира Путина, а примером иного порядка, высветившим другие черты характера Верховного главнокомандующего.

В начале сентября 2001 года Владимир Владимирович посетил с рабочим визитом Кабардино-Балкарию. Программа его пребывания была очень насыщенной — мероприятий много. И вот в один из моментов Владимир Владимирович Кокову говорит: «Валерий Мухамедович, насколько мне помнится, в этом районе живет ваша мама (видимо, кто-то из близкого окружения президента подсказал ему это). Давайте навестим ее, мне

кажется, что она рада будет»… Коков, не ожидая такого разговора, как-то растерялся, но тут же решительно пригласил В. Путина в гости.

Тут, как всегда, вынырнул человек из свиты:

— Невозможно, Владимир Владимирович, у вас протокол, масса мероприятий, не успеем!

Я-то на себе испытал этот протокол. Действительно, жесткая «вещь». Соблюдался он всегда строго. Но тут В. В. Путин ответил:

— Нет, протокол протоколом, но мать — это святое. Не могу не заехать, Валерий Мухамедович!

Я удивился.

Это было очень трогательно — приезд в село. Мать у Кокова — женщина пожилая, ей около 90 лет, ходить уже не может. Сидит во дворе в кресле, насторожилась, когда услышала шум машин, а затем голоса людей.

— Здравствуй, мама, — сказал Валерий Мухамедович, — я президента Владимира Владимировича Путина к тебе привез.

Мать руки протянула, попыталась встать. В. В. Путин тут же поддержал ее, обнял. Родня во дворе аж прослезилась. У меня у самого сердце защемило.

Потом были разговоры. Односельчане пришли, хорошие слова говорили. Речь держали в основном старики — каждый лет под сто. Степенно общались, теплые слова говорили Владимиру Владимировичу. Он отшучивался. Гости улыбались. Хозяева звали за стол…

Все было просто и искренне. Мне показалось, что во дворе даже светлее стало.

Как переломить ситуацию?

Разгромив крупные бандитские формирования, армия в Чечне свою миссию выполнила. Увы, это было достигнуто ценой жизни нескольких тысяч офицеров и солдат, до конца выполнивших свой воинский долг и остановивших распространение террора и распад страны. А те, кто сегодня говорит, что мог бы сделать это лучше и эффективнее, видимо сберегая свои патриотические порывы, отсиживался в это время на значительном удалении от Аргунского ущелья. Бог, как говорится, им судья.

Что я, как человек военный, понимаю под словами «армия выполнила свою задачу»? Главное то, что на сегодняшний день в Чечне не осталось ни одного бандформирования, угрожающего устоям федеральной власти, а содержание ежедневных сводок соответствует в основном тематике телепрограммы «Криминал», но не выпусков новостей. Заслуга армии состоит еще и в том, что она вернула менее «волевым» государственным структурам утраченную ими власть и служебную инициативу. Армия помогла милиции и ФСБ навести порядок: поймала и сдала прокурорам мерзавцев, ставивших фугас, поставила часовых у спасенных или восстановленных мостов… В сознании многих из нас вчерашний экстремист-сепаратист, то есть фигура политическая, сегодня — всего лишь бандит с оружием в руках. Он не «национальный освободитель», а «клиент» РУБОПа. А ведь вспомните, что было несколько лет назад? Любой уголовник-чеченец выставлялся как борец за свободу.

В общем, завершив контртеррористическую операцию, армия свою задачу выполнила. И все же есть одно «но». Чтобы поставить точку в десятилетней кавказской эпопее, нужна надежная гарантия безальтернативности мира в Чечне. Укреплением этой гарантии по всей территории республики и занимается армия. Именно поэтому на территории Чечни обустроилась всерьез и надолго 42-я дивизия, совершенствуется деятельность военных комендатур.

На первый план, как известно, вышла работа спецслужб по поимке главарей бандформирований. Объединение подразделений специального назначения под единым руководством позволило повысить эффективность их работы. Внезапные и адресные действия «спецов» приносят ощутимые результаты. Подтверждение этому — заметное ослабление организованного сопротивления бандитов. Все чаще целые отряды боевиков сдаются властям вместе с оружием, надеясь на амнистию, которую, кстати, может себе позволить только сильная

государственная власть.

Представителями спецслужб, других силовых структур, находящихся в Чечне, приобретен не только опыт, но и обеспечены надежные источники информации и агентура в бандформированиях, с помощью которых в результате спецопераций удалось ликвидировать ряд влиятельных полевых командиров, захватить в плен и менее крупные фигуры среди бандитов и наемников.

Не стану приводить подробный статистический анализ: сколько уничтожено боевиков, сколько единиц оружия, боеприпасов захватывают чуть ли не ежедневно в результате спецопераций и поисково-разведывательных мероприятий в Чечне. Об этом регулярно сообщают средства массовой информации. Однако хочу подчеркнуть, что спецоперации по нейтрализации остающихся боевиков, изъятию оружия, а также пресечению подпольного нефтебизнеса проходят в соответствии с боевыми распоряжениями. Они же, в свою очередь, не могут противоречить известному приказу № 80 командующего ОГВ(С) на Северном Кавказе. Этот приказ регламентирует правовые аспекты деятельности войск, придает им максимально допустимую открытость, гарантирует государственную и общественную подконтрольность спецмероприятий. Под их результатами ставят свои подписи и глава администрации населенного пункта, в котором проведена проверка, и соответствующий прокурор. Тем не менее всегда находятся недовольные, которые готовы «протрубить» на всю страну уже набивший оскомину тезис: «федералы» опять нарушили права человека, опять после проведения очередной «зачистки» пропал без вести такой-то уроженец Алхан-Калы или Мескер-Юрта…

Никто не отрицает, в том числе и командование группировки войск, что иногда со стороны военных допускаются противоправные действия и даже грубые нарушения законности. Для этого и существует прокуратура. Именно она, возглавляемая главным военным прокурором А. Савенковым, начиная с осени 1999 года приняла к производству 145 уголовных дел. Окончено расследование 12 дел об убийствах. Осуждены 34 военнослужащих. Эти цифры дают общее представление о состоянии законности в группировке.

Скажу больше: если в целом по стране тяжкое преступление совершается каждые 30–40 минут, то «чеченские показатели» в армии на порядок ниже и спокойнее. Другое дело, что злоупотребления в армии вообще и в северокавказской группировке в частности более на виду, чем, к примеру, мздоимство и воровство некоторых чиновников (в том числе

«полусиловых» ведомств). Это во-первых.

Во-вторых, пропавшими без вести (не без участия родственников) прикидываются и те, кому не хочется, чтобы их нашли. Приведу только один пример. Судя по лозунгам майского (2002 года) митинга у Дома правительства в Грозном, проходившего под хорошо отрепетированное: «Вывод войск!», уроженец Урус-Мартана Руслан Дадашев, «пропал без вести» в Шалинском районе еще в 2000 году. Его фотографию демонстрировали и на июньском (2002 года) митинге в Шатое. На сей раз Дадашева называли «зверски убитым при зачистке Лермонтов-Юрта», которая там если и проводилась, то еще во времена поручика, давшего селу свое имя.

Уважаемые родители Руслана Дадашева! Ваш сын жив и находится в составе одной из банд под Ведено. Если вы действительно соскучились по своему непутевому отпрыску, то посоветуйте ему «со штатным» оружием прибыть в военную комендатуру Веденского района. Если за ним не числится ничего, кроме «экстремального туризма», вы его обнимите явно раньше, чем соберется очередной митинг в защиту «жертв произвола федералов». Более того, в информационных сводках руководства контртеррористической операции упомянутая Алхан-Кала по меньшей мере четырежды за весну — лето 2002 года фигурировала как место разбоя боевиков, облаченных в форму федералов. Может, о судьбе пропавших без вести люди спрашивают не у тех и не там?

В-третьих. Пусть те, кто действительно потерял в круговерти чеченских событий последнего десятилетия своих родственников и близких, простят меня. Но всплеск митинговых, публичных поисков пропавших порой на редкость точно совпадает с визитами в Чечню высокопоставленных международных эмиссаров. И списки сочиняются, и фактура обогащается перед Домом правительства Чечни аккурат за день до посадки вертолета с визитерами из Страсбурга. Федеральному собеседнику международного гостя порой ничего не остается, как, смахнув со лба пот, пообещать разобраться. Необходимость в этом, правда, отпадает иногда уже на следующий день. «Замученные» и «похищенные», не ведая о всемирно-гуманитарном внимании к своей особе, спокойно едят шашлык на свадьбе двоюродного брата. А некоторые (бывает и так) находятся в местах лишения свободы за совершенные чисто уголовные преступления…

Тема завершения контртеррористической операции в Чечне волнует сегодня многих: и государственных мужей, и простых домохозяек. Вновь стали появляться «готовые» рецепты, как

разрешить ситуацию. Некоторые отчаянные головы, преимущественно из числа либералов, предлагают «отпустить» Чечню с миром, другие не прочь вновь сесть за стол переговоров с Масхадовым. В том числе с их подач нет-нет да выплеснется на страницы газет очередная страшилка о «геноциде чеченского народа».

Вести разговоры о том, как долго будут наводить порядок в Чечне, можно бесконечно. Ясно одно: коль широкомасштабные боевые действия уже завершены (это, кстати, не отрицает никто, даже правозащитники), на первый план, кроме адресных спецопераций, выходят правоохранительные органы, милиция и т. д. Другое дело, эффективность их работы зависит от многих факторов, которые отличают Чечню от других 88 субъектов Российской Федерации.

История вопроса

Размышляя о том, почему конфликт принял такой затяжной характер, почему его эпицентром стали горные районы, почему именно там больше, чем в равнинных районах, распространились антироссийские настроения, хочу поговорить об этом подробнее.

Одна из особенностей менталитета чеченцев заключается в умении сохранять в памяти родословную своего тейпа до восьмого и более колена. Не раз в доверительных беседах доводилось слышать от собеседника, как его предок еще при царе Александре III и даже при Александре II совершил тот или иной смелый поступок, за что был награжден. А уже об их участии в движении Шамиля говорили тем более. В то же время из поколения в поколение в чеченских семьях с содроганием вспоминают о царском наместнике генерале Ермолове. Его именем (оно звучит по-чеченски Ярмул) родители пугали своих детей. Здесь до сих пор помнят его слова: мирный чеченец — это мертвый чеченец. Все это не стерлось в памяти народной.

За годы советской власти, что бы ни говорили сейчас, было сделано очень и очень много для улучшения материального и культурного положения чеченского народа, для укрепления уз дружбы с другими народами. И успехи в этом плане были, без преувеличения, колоссальными.

Любимыми местами отдыха многих грозненцев стали предгорья Урус-Мартановского района за селом Грушевым (так оно тогда называлось) или у подножия горы Бандук под Шатоем, с неописуемой красоты видом на Шатойскую котловину, реку Аргун, средневековые сторожевые башни. Мог ли кто-либо тогда подумать о том, что здесь будут проходить ожесточенные, кровопролитные бои? Летом детишки выезжали в Сержень-Юрт, где располагались многочисленные пионерские лагеря. Мне неоднократно самому в детские годы выпадало проводить летние каникулы в этих местах.

И тем не менее по некоторым объективным и субъективным причинам многое в обустройстве жителей горных районов было недоделано. Что имеется в виду? Известно, что чеченские семьи, как правило, многочисленны. Особенно в селах. А экономика развивалась медленно. В горных селах скапливалась избыточная рабочая сила. Или, как тогда было принято говорить, население, не занятое общественно-полез-ным трудом. А попросту говоря, скрытая безработица, которая из года в год все более и более возрастала. Выход из создавшегося положения был один — отходничество, которое тогда не только на бытовом уровне, но и

в СМИ, и в официальных органах стали именовать шабашничеством. Произносился этот термин с явно негативным оттенком.

Бригады шабашников формировались из близких родственников или хорошо знавших и доверявших друг другу людей с единственной целью — заработать. И они работали. Работали, что называется, от зари до зари.

Из года в год, отправляясь из Чечни в северные районы России, в Казахстан и Западную Сибирь, они все более и более неофициально утверждались в статусе особой социальной прослойки общества, не особенно им почитаемой.

Не менее важно то, что в этих бригадах формировался особый микроклимат, особые отношения между членами бригады, между членами бригады и бригадиром, между бригадой и работодателями, между членами бригады и местным населением. Они далеко не всегда были безоблачными. Далеко не всегда соответствовали существовавшим законам, общепринятым тогда нормам морали, нравственности. А отсюда: не в этих ли условиях возникло, а затем и закрепилась это нелепое по своей сути определение — «лицо кавказской национальности»? Не там ли его корни? Еще. Не тогда ли стали зарождаться принципы организации, которые оказались востребованными в новых условиях, при формировании групп боевиков? Известно ведь — ничто не возникает на пустом месте.

Гайдаровско-чубайсовские реформы всем видам шабашничества положили конец. Работодатели в северных районах России сами остались без работы. Работодатели Казахстана оказались в зарубежье. А источник-то поставки свободных рабочих рук — горные районы Чечни — сохранился. Кто не замедлил воспользоваться этим источником? Наверное, те, у кого в руках оказался и поныне пока безотказно действующий стимул — доллар..

Один из самых мрачных (если не самый мрачный) периодов в истории чеченского народа, как и других репрессированных народов, была их депортация, на века оставшаяся в народной памяти и, несомненно, негативно отразившаяся на формировании общественного сознания определенной части чеченского народа. Те чеченцы, кому сейчас за шестьдесят, — живые свидетели той страшной даты — 23 февраля 1944 года. Мне много об этом рассказывал мой дед, Михаил Никитович. В частности, он мне поведал о том, что на протяжении нескольких десятилетий о депортации категорически запрещалось говорить вслух. Официальными органами создавалась видимость, будто ничего особенного не произошло. Дело доходило до курьезов.

Помню, в начале 1970-х годов, уже будучи офицером Советской армии, в отпуске гостил я у своих родственников в Грозном. Надел военную форму. Выхожу из дому. Навстречу сосед. Чеченец. Протягиваю ему руку и улыбаюсь. Поздравляю его с праздником, а было это 23 февраля. Он, не выпуская моей руки из своей, глядя мне в глаза, отвечает: «Для кого праздник, а для кого день скорби». Готов был сквозь землю провалиться, не хотел его обидеть. Но урок этот запомнил на всю жизнь.

А вот что мне рассказал профессор Грозненского университета Ф. Боков. В 1975 году в связи с 30-летием Победы над фашистской Германией под эгидой обкома партии была организована научная конференция на тему: «Чечено-Ингушетия — фронту». Пикантность этого мероприятия состояла в том, что с февраля 1944 года Чечено-Ингушетия как таковая не существовала. Но это никого из организаторов научного шоу совершенно не смущало. Что касается промышленности — там все шло без сучка и задоринки. Какая разница. Была республика — промышленность давала фронту все, на что она была способна. Ликвидировали республику, создали Грозненскую область — та же промышленность продолжала давать фронту все, что могла. А вот с сельским хозяйством дело обстояло совсем иначе. Суть сообщения Федора Павловича на этой конференции заключалась в следующем.

1943 год. Несмотря на то что вся техника была мобилизована на нужды фронта, да и лошади, являвшиеся значительной тягловой силой, также были мобилизованы, а поэтому во многих случаях колхозникам приходилось даже под зерновые обрабатывать поля вручную, республика к январю 1944 года выполнила план поставок государству по всем видам сельскохозяйственной продукции. А в феврале сельское население республики — чеченцы и ингуши, выполнившие это задание, были высланы. Где же логика? Уже один только этот факт с достаточной убедительностью говорит о том, что депортация целого народа была акцией неоправданной ни с политической, ни с экономической точек зрения.

Размышляя над происшедшим в Чеченской Республике, невозможно пройти также мимо еще одного факта.

Я уже говорил о том, что где-то в конце брежневского периода правления с прямого благословения ЦК партии по всей стране была запущена пропагандистская идея о «добровольном вхождении» народов в состав России. В Чечено-Ингушетии эту «идею» подхватил и при активнейшей поддержке обкома партии в красивой упаковке «Концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России» преподнес общественности доктор

исторических наук, профессор В. Виноградов. Для пропаганды «концепции» с целью «интернационального воспитания трудящихся» ему открыли зеленую улицу. Буквально все печатные и электронные СМИ были предоставлены Виноградову в безраздельное пользование. В республиканской типографии под видом научных изысканий непрерывным потоком печатались псевдонаучные «труды» его самого и немногочисленных последователей. Всем отделам пропаганды и пропагандистским учреждениям было вменено в обязанность предоставлять трибуну Виноградову. На республиканском стадионе устроили грандиозное пропагандистское шоу, транслировавшееся по телевидению на всю республику.

Первыми о неприятии этой «концепции» и ее научной несостоятельности, хотя и в узком кругу ученого совета Научно-исследовательского института истории, языка и литературы, официально выступили молодые научные сотрудники Абдула Вацуев и Магомет Музаев. А вскоре после их выступления в местной газете «Грозненский рабочий» была опубликована информация «с заседания бюро обкома», на котором было подвергнуто критике «проявление» этими учеными в их выступлениях «махрового национализма». Вскоре после появления такой отповеди в официальном органе, без какой-либо проверки, без беседы с учеными, они были уволены из института. А точнее говоря, изгнаны из института и из науки вообще.

На них навесили тогда ярлыки диссидентов. Кстати, дочь Вацуева Асет с недавнего времени успешно выступает в роли ведущей популярной программы «Страна и мир» на телеканале НТВ.

Бездумное вдалбливание в сознание населения республики высосанной из пальца «концепции» и жестокая расправа с ее оппонентами не могли не вызвать ропота среди интеллигенции. Лишь немногие, в том числе Федор Павлович Боков, выступили в защиту молодых ученых и сумели доказать фарисейство и лживость этой концепции. А на лжи, как известно, никакой работы, а тем более воспитательной, построить невозможно. Изгнание из научно-исследователь-ского института молодых, перспективных работников является не чем иным, как расправой за их убеждения. Так неприятие этой «концепции» было вынесено официальными кругами из узких рамок научной аудитории на «суд широкой общественности». Но вскоре наступили другие времена…

Народ сделал выбор

30 марта 2003 года в Чечне состоялся референдум. Свыше 90 процентов населения республики проголосовали за новую чеченскую конституцию, за Чечню в составе России. Впервые в своей истории чеченцы сами, добровольно определили свою судьбу. Причем ничего подобного у них до этого никто не спрашивал. Ни двадцать-тридцать лет назад, когда партия спускала циркуляры и концепции типа «добровольного вхождения», ни сто пятьдесят лет назад, когда покорялся Кавказ, ни в начале 1990-х годов, когда Дудаев провозгласил «независимую Ичкерию». Результаты референдума многих ошеломили. Многих, но не самих чеченцев. Жители республики сделали свой выбор в пользу мира, а не войны. Хотя, конечно, наивно полагать, что после референдума на всей территории Чечни воцарятся спокойствие и стабильность, прекратятся взрывы и диверсии. Это как раз понимают многие чеченцы, и в первую очередь, те, кто наводит порядок в собственном доме.

В книге «Моя война», в одной из глав под названием «Неожиданные союзники» я рассказывал о том, как войска восточной группировки освобождали от бандитов Гудермес, Аргун, Шали… Уже тогда, когда вовсю шли настоящие войсковые операции, на помощь нам зачастую приходили чеченцы. До сих пор с благодарностью вспоминаю братьев Ямадаевых, Джабраила и Халида, Супьяна Тарамова, других. Они были в числе первых, кто плечом к плечу с «федералами» уничтожали бандитов. Тактика выдавливания боевиков при поддержке местных жителей позволяла нашим подразделениям, во-первых, не разрушать жилые дома в селениях и не подвергать людей опасности, а во-вторых, наносить точечные удары по скоплениям боевиков на дорогах и в лесных массивах.

После окончания активных боевых действий Ямадаевы активно включились в создание правоохранительных структур республики. Халид был назначен заместителем военного коменданта Чечни, а его братья Джабраил и Сулим стали командирами комендантских рот. Однако весной 2003-го пришло печальное известие. При проведении одной из операций погиб Джабраил Ямадаев. Я хорошо знал этого мужественного парня.

Вспоминается солнечное морозное утро в декабре 1999 года. Войска восточной группировки вошли в горное селение Беной. Собрался митинг, на нем присутствовали практически все жители Беноя. Решили водрузить на самом видном месте российский флаг. Джабраил Ямадаев сказал тогда мне: «Товарищ

командующий, можно сделать так, чтобы флаг водрузили чеченцы?»

«Конечно», — согласился я и передал в руки Джабраила триколор. Пожалуй, уже тогда, на глазах сотен людей и десятка телевизионных камер чеченцы во главе с Ямадаевым фактически провели свой «референдум».

До сих пор в Чечне и вокруг нее не умолкают споры о том, кто должен наводить порядок в республике. Среди множества вариантов предлагался такой: формировать стрелковые роты, личный состав которых укомплектовывать местными жителями. Конечно, некоторые подобные подразделения, мягко говоря, не отличаются твердой дисциплиной и в реальной боевой обстановке от них пользы мало. А вот, к примеру, стрелковой роте в Урус-Мартановском районе даются прямо противоположные характеристики. Бойцы этого подразделения участвуют в самых сложных и опасных операциях, оказывая неоценимую помощь в восстановлении спокойствия в районе.

Характерно, что история этого подразделения по большому счету началась еще во время прошлой чеченской кампании. Еще тогда местным ополченцам удалось навести в своем районе твердый порядок, и по сравнению с остальной Чечней здесь был создан настоящий оазис спокойствия. Даже после подписания так называемого хасавюртского мирного соглашения в 1996 году силами стрелковой роты еще несколько месяцев удавалось в отдельно взятом районе сдерживать стремительно накатывающийся хаос. В тот период времени здесь строго соблюдались российские законы. Конечно, долго терпеть у себя под боком неподвластную территорию новый бандитский режим не мог, и скоро в Урус-Мартан были высланы карательные отряды. Бои шли ожесточенные, но соотношение сил было далеко не в пользу тех, кто хотел мира и порядка у себя дома.

С началом контртеррористической операции многие бывшие ополченцы вновь взяли в руки оружие. Они активно сотрудничали с федеральными войсками. А когда начала формироваться стрелковая рота, первыми вступили в нее. Сегодня бойцы роты — самые яростные противники боевиков. Причем их самоотверженность подкрепляется хорошим знанием обстановки, местных особенностей и традиций.

Служба в стрелковой роте пользуется большой популярностью у местных мужчин. Подразделение состоит из жителей города и района, которые проходят службу по призыву и по контракту. В контрактники (их большинство, и это в основном те, кто за плечами имеет большой боевой опыт) берут после серьезного конкурса. Попадают сюда служить по рекомендации и

только после тщательной проверки. Многие родители из Урус-Мартана стремятся направить своих сыновей на срочную службу именно в это подразделение, что вполне объяснимо. Ведь сегодня ни в городе, ни в районе практически нет никакой работы.

Все больше и больше чеченцев служат и в комендантских ротах. Активно формируется во всех районах республики местная милиция. Работает МВД Чечни.

Нефтяной Гольфстрим

Сегодня абсолютное большинство политиков, военных, простых граждан понимают, что мир в Чечне не может быть установлен только силовым способом. Употребляя газетный стереотип, «умиротворение мятежной республики, ее замирение с Россией» должны базироваться и на социально-экономическом факторе. Только в этом случае произойдет возвращение, реинтеграция Чечни в российское политическое, экономическое и правовое пространство. Однако первые шаги, предпринятые на этом непростом пути, оказались недостаточно эффективными: у государства не хватает средств.

На экономическое развитие всего Северного Кавказа в предстоящие несколько лет предполагается расходовать не более 1,5 миллиарда долларов в год. А по предварительным оценкам, лишь на одну Чечню, ее восстановление и развитие необходимо не менее 1,5–3 миллиардов долларов в год в течение десяти лет! При этом, как утверждают экономисты, неизбежны заранее предсказуемые неэффективные расходы и даже разворовывание значительной части выделяемых средств.

Таким же неэффективным будет и так называемое шефство российских регионов над Чечней или различными ее сферами жизнедеятельности, создание в Чечне филиалов и предприятий смежников. Специалисты утверждают, что сегодня и завтра Чечня — это инфраструктурный тупик.

Утопическими являются и планы создания единого Северокавказского хозяйственного комплекса с внутрирегиональным разделением труда.

Я не экономист. Не могу утверждать, насколько реалистичны эти прогнозы. Но хорошо знаю одно: пока еще Чечня существует во многом за счет криминальной и теневой экономической подпитки, в том числе и из других регионов России. А переломить такую ситуацию можно только в том случае, если попытаться коренным образом изменить, трансформировать ту модель социально-экономического поведения населения Чечни, которая выработалась здесь в последнее десятилетие — бандитизм, набеги на сопредельные территории, работорговля, криминальный бизнес внутри и за пределами республики.

Что я имею в виду? Параллельно с честными тружениками — врачами, артистами, учеными, квалифицированными рабочими, то есть всеми, кого война согнала с насиженных мест и разбросала по российским городам, — в этих же городах появились агрессивные преступные группировки. В хаосе 1990-х

годов именно они оказались на гребне волны, подминая под себя наиболее прибыльные сферы криминального, а затем и легального бизнеса.

Впрочем, лидеры этих группировок хорошо понимали, что рано или поздно хаос кончится и надо обеспечивать себе тылы. А лучшего тыла, чем формально независимая от России Чечня, придумать трудно. Часть денег (и немалая часть) стала вкладываться в такую «независимость». Но при этом «независимая» республика лишалась главного источника своего существования — российского бюджета. В конце концов пришло прозрение. Одни тут же пошли на попятную, другие сумели получить финансовую поддержку из-за рубежа. Но только для себя лично, а не для своего народа. Однако Чечне надо было как-то жить, продолжать «сосать» деньги из российского бюджета. И тогда была придумана совершенно гениальная афера, которая наверняка войдет в учебники по экономической преступности. Афера с чеченскими авизо. Вспоминаете?

Всего за пару лет своей самопровозглашенной независимости (1991 и 1992 годы) Чечня вытащила из кармана страны около 400 миллиардов рублей наличными! Эти деньги в мешках вывезли в Чечню на пассажирских самолетах и скорых поездах, которые к тому времени еще курсировали в Чечню из Москвы.

Вот только несколько выдержек из аналитической справки МВД РФ 1995 года, когда в Чечне уже разгорелись боевые действия. Динамика этого вида преступлений характеризуется следующими цифрами:

1992 г. — 328 дел, ущерб — свыше 94 миллиардов рублей;

1993 г. — 469 дел, ущерб — 148 миллиардов рублей;

1994 г. — 120 дел, ущерб — 175 миллиардов рублей.

Следственной частью МВД РФ в период с 1992 по 1994 год расследовалось 11 уголовных дел, по которым проходило 2393 фальшивых авизо на сумму свыше 113 миллиардов рублей.

Обналичивание похищенных сумм проводилось с участием 892 российских банков и 1547 предприятий, расположенных в 68 регионах страны.

К уголовной ответственности привлечено 417 человек. Более 300 до сих пор находятся в розыске, 46 из объявленных в розыск скрываются сегодня на территории Чечни и Ингушетии.

Наибольшее количество хищений с применением фальшивых авизо было зарегистрировано в Москве и Санкт-Петербурге, в Ставропольском и Краснодарском краях, в Московской и Томской областях, Дагестане.

Опыт северокавказских преступных группировок был использован для совершения аналогичных преступлений в

центральных областях России и Сибири. Успехи, достигнутые организаторами преступлений, и получение значительных сумм от преступной деятельности привели к созданию устойчивых преступных групп, которые стали использовать похищенные денежные средства на становление и финансирование криминальных структур.

Ни один из московских финансистов, так или иначе участвовавших в афере века с чеченскими авизо, не был новичком в своем деле. Каждый прекрасно понимал, что он делает. Ведь львиная доля этих денег пошла не на хлеб чеченцам, а на оружие и боеприпасы, на оплату «услуг» государственных чиновников и средств массовой информации. И все эти «товары», включая журналистов, покупались не в Турции или Иордании, а у нас самих, в России.

Вторым важным источником подпитки криминала в Чечне являлась и продолжает является нефть. Уже после окончания первой чеченской войны перед руководством самопровозглашенной республики во весь рост встала проблема финансирования своей «независимости». Вся надежда была на «трубу», проходившую по северному маршруту, — экспортного трубопровода Баку — Грозный — Новороссийск. И, вероятно, если бы чеченские полевые командиры действительно (как это предполагалось мирными соглашениями) уступили власть гражданскому руководству Чечни, то «труба» могла бы стать неплохим подспорьем для экономики республики. Но власть осталась криминальной, и первая же партия нефти, закупленная в Баку для транспортировки на Запад через Новороссийск, не могла дойти до порта в течение года!

По пути бакинская нефть попадала на сотни частных перегонных мини-заводиков, принадлежащих разным полевым командирам. Ворованные солярка и бензин вполне решали финансовые проблемы каждого полевого командира и его личной охраны. Но никак не могли решить главную проблему Чечни как независимого государства. Того государства, которое по идее должно иметь бездефицитный бюджет, а при его дефиците — перспективу займов или инвестиций извне. Ичкерийские лидеры вряд ли задумывались над этим. Нефть им нужна была прежде всего для своего личного достатка, для закупки оружия…

Впрочем, «труба», но уже в более широком смысле слова, и поныне является источником доходов криминала. До 1992 года добыча нефти в республике ежегодно составляла 2–2,5 миллиона тонн. Состояние республиканского нефтедобывающего комплекса соответствовало всем техническим требованиям и принятым в стране стандартам. Рентабельность добывающей отрасли была

высокой. Из 56 фонтанных скважин работали 43, остальные находились на капитальном ремонте. В добывающей отрасли трудились семь тысяч человек. Все предприятия нефтеперерабатывающей промышленности работали на полную мощность. До 18 миллионов тонн нефтепродуктов ежегодно поставляла республика стране и за рубеж.

В период дудаевско-масхадовского режима добыча нефти резко сократилась до 600 тысяч тонн в год, а к 1999 году упала до 400 тысяч тонн. Это было связано не только с боевыми действиями на территории Чечни, но и в значительной степени с массовыми хищениями нефти. Более 700 тысяч тонн «черного золота» ежегодно похищалось и вывозилось за пределы республики. Кроме того, на территории самой Ичкерии большое количество ворованной нефти перерабатывалось на кустарных производствах. Количество таких мини-заводиков в то время достигло 15 тысяч! Они действовали даже в тех районах, где нефть вовсе не добывалась.

С 1994 года добыча нефти в Чечне была полностью прекращена и возобновилась только в середине 1996 года. Однако объем нефтедобычи оставался очень низким. Почти 90 процентов средств, направленных федеральным центром на восстановление нефтекомплекса республики, были похищены.

Период «самостийности» нанес нефтеперерабатывающей и нефтедобывающей отраслям колоссальный урон. Было уничтожено более 500 километров нефтепроводов, полностью разграблен резервуарный парк, демонтированы линии перекачки. Приблизительная оценка ущерба, причиненного нефтекомплексу в результате разрушения оборудования, составляет 9–12 миллиардов рублей, и для его восстановления потребуется не меньше 15 миллиардов рублей.

Незаконная добыча, переработка и реализация нефтепродуктов и сегодня остаются одним из основных источников доходов криминальных структур и поступления от них денежных средств на поддержание бандитов.

В моем архиве сохранилась справка об итогах проведения армейскими и милицейскими подразделениями специальных мероприятий по пресечению хищений нефтепродуктов, незаконного оборота нефти в Чеченской Республике за 2001-й год и за зимние месяцы 2002 года. Вот что в ней, в частности, говорится:

«В ходе проведения специальных мероприятий проверено более 4,5 тысяч объектов топливно-энер-гетического комплекса Чечни и приграничных районов, выявлено 5,5 тысяч правонарушений, по которым возбуждено 179 уголовных дел.

Установлено и уничтожено около 3 тысяч объектов незаконной добычи, хранения, переработки и транспортировки нефти и нефтепродуктов. Изъято из незаконного оборота 1253 тонны нефти и 3245 тонн нефтепродуктов, около 400 единиц автотранспорта, составлено 5379 протоколов об административных правонарушениях. Всего по линии топливно-энергетического комплекса выявлено 287 преступлений (каждое четвертое из всех зарегистрированных преступлений в республике)…

В ноябре — декабре 2001 года силами ОГВ была проведена еще одна специальная операция под кодовым наименованием «Труба». В ходе операции уничтожено 272 кустарные мини-установки по переработке нефтепродуктов.

За январь — февраль 2002 года обнаружены и уничтожены 1941 мини-установка по переработке сырой нефти, изъято из незаконного оборота 235 тонн горюче-смазочных материалов…»

Как видим, нелегальные заводики растут независимо от активности силовиков. А все потому, что нередко в преступном бизнесе замешаны, к сожалению, и некоторые представители органов местной власти республики.

Вот только несколько примеров. На Терском хребте, недалеко от села Первомайское, действовали несколько заводиков, принадлежащих некоему Аслану Байсангурову, который пользовался покровительством главы администрации района. Сам же Байсангуров, как выяснилось, активно поддерживал Масхадова, оказывая помощь его боевикам, а часть выручки от проданных нефтепродуктов передавал одной из криминальных группировок, действующих в Чечне.

Там же, в Грозненском районе, было установлено, что к хищениям нефти был причастен Расул Тасуев, глава администрации поселка Виноградное. За денежное вознаграждение он давал разрешение на «добычу» нефти жителям Аргунского и Шалинского районов и продавал лицензии на право ее переработки. В свою очередь, его прикрывал глава администрации района Шаид Жамалдаев и его сотрудник Молди Нухаев, получавшие немалую часть выручки за проданную нефть.

Основным маршрутом, по которому «налево» уходит большое количество нефти и нефтепродуктов, является маршрут на Хасавюрт. На границе с Дагестаном высокопоставленными чиновниками правоохранительных органов, непосредственно отвечающими за порядок на административной границе, на выгодных условиях, в сговоре с реализаторами нефтепродуктов специально создавались коридоры для прохождения автотранспорта с самопальным бензином и соляркой.

Нефтепродукты кустарного производства, выработанные «под крышей» местных властей и коррумпированных представителей правоохранительных органов, отправлялись и в Северную Осетию, Кабардино-Балкарию, Калмыкию и в Ставропольский край. Имеющиеся на пути следования блокпосты бензовозы, как правило, проходят беспрепятственно. Пропуском является взятка.

Нужно признать, что сигналы об этом мне, как командующему группировкой, а затем и войсками округа, поступали не раз. Увы, за всеми «нечистыми на руку» не уследишь. Но вдвойне досадно, когда в сделках с преступниками замечены сотрудники правоохранительных органов. Так, по одной из оперативных информаций в Заводском районе Грозного, на территории завода имени А. Шарипова, действовало 60 скважин и значительное число мини-заводиков по переработке нефти. Обеспечивали их деятельность сотрудники администрации Чеченской Республики и командир дислоцировавшейся в Заводском районе части внутренних войск МВД РФ.

Вместе с тем в основном именно силами внутренних войск осуществляется борьба с незаконным оборотом нефти. Воинами внутренних войск взяты под охрану 63 нефтедобывающих скважины, 6 нефтеналивных парков, 2 нефтеналивные эстакады, водозабор, сепараторная установка. Однако этих усилий мало. Нефть, добытая незаконно, как говорят пограничники, по-прежнему обеспечивает финансами теневую экономику сопредельных территорий.

Невидимый нефтяной Гольфстрим Чечни в целом поддерживает криминальный климат, подпитывает преступный бизнес Северного Кавказа, который, к сожалению, некоторые специалисты рассматривают даже как некий позитивный фактор. Дескать, именно теневая экономика является буфером между старыми и новыми формами хозяйствования. Но даже беглый анализ статистических данных, кстати приведенных в открытых источниках, дает возможность обозначить главные отрасли теневого оборота на Северном Кавказе. В их числе наряду с кустарной переработкой морепродуктов (икра осетровых пород рыбы) и нелицензированного производства алкоголя из контрабандного спирта, значится также и нелицензированное производство нефтепродуктов и их продажа. И вот результат. По оценкам дагестанских экономистов, размеры денежной массы, то есть эмиссии денег, осуществляемой Дагестанским отделением Центробанка России, в 4–5 раз больше, чем в центральных областях страны.

Важным показателем того, что в наличном обороте региона находятся немалые суммы денег, служит величина объемов

покупки иностранной валюты населением. Доля рублевых затрат на ее приобретение в Дагестане из года в год растет. По официальным данным, жители республики тратят на это около 10 процентов своих доходов. В одной только Махачкале действует 60–70 меняльных лавок, в которых без заполнения документов можно продать или купить иностранную валюту.

В Ингушетии, одном из типичных сельскохозяйственных субъектов Федерации, в результате повсеместного упадка сельской экономики в последние годы без работы остались многие жители. Приспосабливаясь к трудностям, они нашли себе другие занятия, в том числе кустарное производство горючего. Сырьевой базой для кустарей служат нефть Чечни, ввозимая в республику незаконно, и собственные месторождения.

В Северной Осетии — Алании в последние годы экономическая жизнь концентрируется в основном вокруг спиртоводочной промышленности. По данным МВД РФ, эта отрасль еще два-три года назад выпускала каждые две из пяти бутылок водки, производимых в Российской Федерации. По информации налоговых служб республики, 2/3 от всего выпускаемого объема водки нелегально производится на легально действующих предприятиях.

Конечно, эти факты говорят об огромных недоработках правоохранительных органов. Но не только.

К сожалению, со стороны Москвы Северный Кавказ многие годы слышал лишь то, что он является частью «великой и неделимой страны». Не делалось, к примеру, даже серьезных попыток обеспечить соответствующее информационно-пропагандистское сопровождение действий федерального центра на Северном Кавказе. Например, чтобы объяснить населению Чечни всю несостоятельность надежд на ее чудесное превращение во второй Кувейт в случае обретения ею независимости. Кстати, монархическая власть Кувейта не разворовывает нефть и доходы от ее реализации, а, наоборот, создает нефтефонд для будущих поколений. У нас же в Чечне, во-первых, доходы от природных богатств идут в грязные карманы, а во-вторых, уничтожаются сами природные богатства. Почва республики настолько загажена неразумной добычей и переработкой нефти, что вскоре на ней ничего живого не останется. Грядет экологическая катастрофа. О каком будущем можно говорить?

Послесловие

В давние времена у горцев был распространен обычай названного родства — куначество. Закреплялось это побратимство специальным ритуалом: мужчины клялись друг другу в вечной верности, обменивались оружием. Национальность тут не имела значения, главным считались общность интересов, духовная близость. Кунаки становились верными, беспредельно преданными друг другу братьями, разлучить которых могла только смерть. Есть ли у чеченцев сегодня верные кунаки? Да, как ни парадоксально может показаться на первый взгляд, есть. Это русские, армяне, евреи, люди других национальностей, которые жили бок о бок с чеченцами все эти годы. Вместе переживали и трагические периоды истории, и периоды расцвета. С помощью этих кунаков чеченцы в прошедшем веке совершили в своем развитии прорыв, равный, пожалуй, всей своей предшествующей истории. От почти поголовной безграмотности чеченский народ поднялся до всеобщего обязательного среднего образования. Не имевший ранее своей письменности, он обрел своих национальных мастеров литературы и искусства. В области истории, философии, политической экономии выросли свои доктора наук, профессора. Не говоря уже о нефтяных отраслях индустрии. Их продукция поставлялась по всей нашей стране, во многие зарубежные государства.

В Чечне закончилась война, но еще не наступил мир! Республика оказалась сегодня в тяжелейшем социально-экономическом положении, метастазы терроризма пытаются пустить корни. Ценой своей жизни русским и чеченцам приходится платить за восстановление мира. Как заплатили за него Джабраил Ямадаев, Муса Газимагомадов, десятки других мужественных чеченцев, которые плечом к плечу с воинами российских силовых структур защищали и восстанавливали сегодня мир и спокойствие на этой земле. Я хорошо знал этих людей, у них никогда не было злобы к русским, они осознанно сделали свой выбор. Как нет злобы и ненависти у тех многих тысяч людей пожилого возраста, которых ночью 23 февраля 1944 года грузили в товарные вагоны и увозили за пределы своей малой родины. И они, как и подавляющее большинство чеченцев, сделали свой выбор, придя спустя почти шестьдесят лет после тех трагических событий на избирательные участки 30 марта 2003 года в день проведения референдума и отдав голоса за Конституцию новой Чечни в составе России.

Иллюстрации

«В большинстве писем и на встречах с читателями меня спрашивали: почему в книге («Моя война» — Ред.) говорится только о войне, ведь Чечня — это еще и особый менталитет населения, и богатая, сложная история, и специфическая социально-экономическая ситуация, и объект политических интриг в международных отношениях? …В общем, стало понятно, что без второй книги не обойтись…»

Командир Кавказского корпуса А. П. Ермолов писал о тактике действий российских войск против горцев: «Наказывать не трудно, но по правилу моему надобно, чтобы самая крайность к тому понудила».

Однако «хищничество», как называл Ермолов тактику противника, — набеги, было так распространено, а взаимное ожесточение столь велико, что правило это не могло не нарушаться.

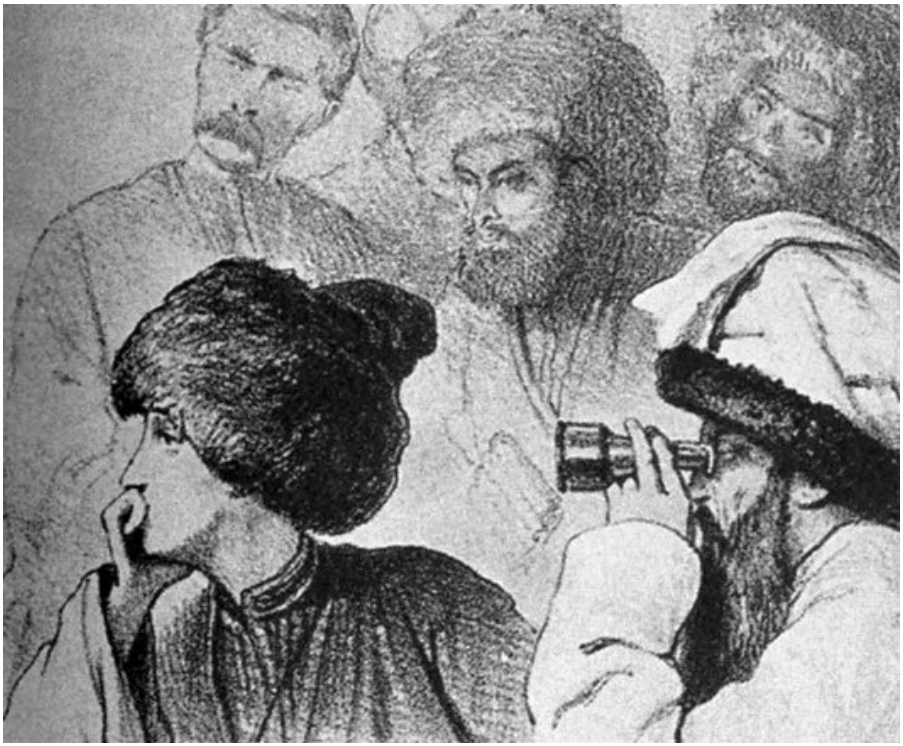
Двадцать пять лет (1834–1859 гг.) просуществовало на Кавказе жесткое теократическое государство во главе с идейным преемником шейха Мансура третьим имамом Дагестана и Чечни Шамилем.

Понимая, что в покое его не оставят, Шамиль возвел столицу имамата — крепость Ахульго (Призывная гора), считавшуюся неприступной. В августе 1839 г. русские войска взяли крепость. Шамилю с женой и старшим сыном удалось бежать.

В 1858 г. наместник на Кавказе командующий 200-тысячной Кавказской армии князь А. И. Барятинский вытеснил Шамиля из Чечни в Дагестан.

26 августа 1859 г. после жесточайшего штурма крепость Гуниб, где укрывался Шамиль, пала. Имам сдался в плен и с почетом был отправлен с семьей в «большую Россию».

Со временем отношение Шамиля к России кардинально изменилось. Он не уставал призывать горцев никогда не воевать с русскими, а жить с ними в дружбе.



Шамиль с сыном в театре.

Шамиль в 1 -м Кадетском корпусе, где был воспитан его сын Джемалуддин.

Посещение Императорской Публичной библиотеки.

Лидер Ичкерии Д. Дудаев: «Любое вооруженное вмешательство России в дела Чечни будет означать новую Кавказскую войну. ...это будет война без правил. Мы перенесем эту войну туда, откуда она будет исходить». (Из интервью «Красной звезде», ноябрь 1991 г.)

Эта угроза не была услышана руководством России, безответственно поддерживавшим мятежного генерала.

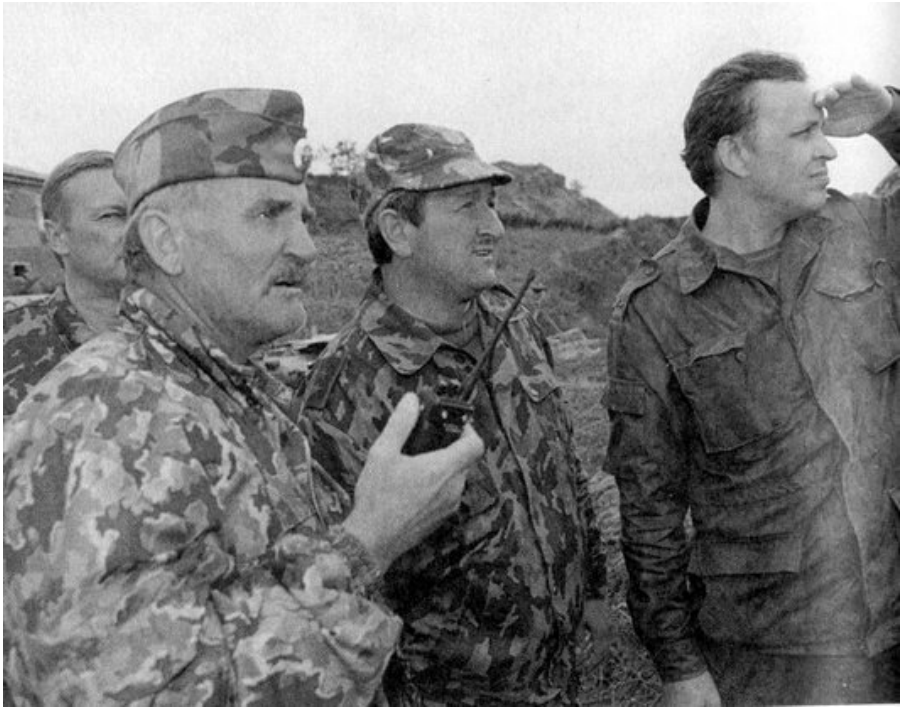
После вывода российских войск в Чечне было оставлено 400 тысяч единиц стрелково оружия, 42 танка, 34 БМП, 14 БТР, 139 артиллерийских систем, 270 самолетов, 2 вертолета, 27 вагонов с боеприпасами... Россия сама вооружила армию Дудаева.

Публичные казни, телесные наказания стали обычной практикой «независимой Чечни».

Захватив в июне 1995 г. Буденновск, Ш. Басаев поставил на колени российскую политическую элиту.

Исключительная религиозность — особенность духовной культуры вайнахов — используется сепаратистами для разжигания антироссийских настроений.

Г. Трошев: «Иначе как предательским не могу назвать Хасавюртский договор 1996 года».

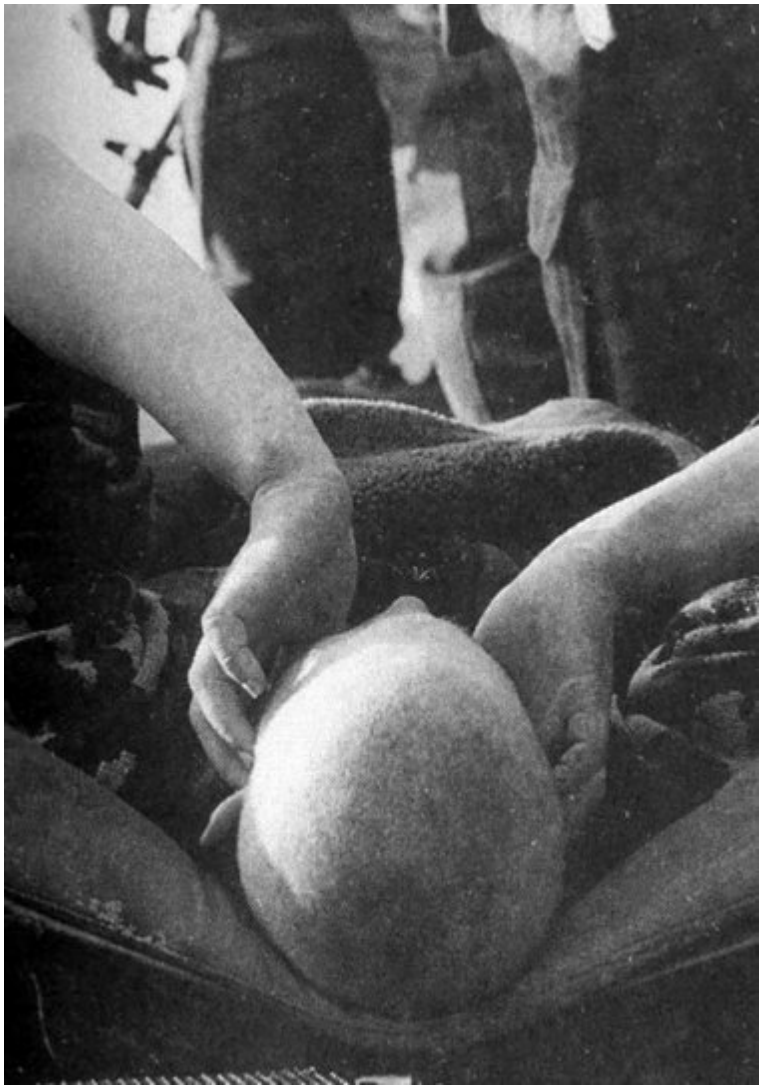


На командном пункте во время боев в Кадарской зоне. Слева генерал М. Лабунец, справа — военный журналист С. Тютюнник. Дагестан, сентябрь 1999 г.

Жители освобожденного от боевиков селения Беной пожелали сами установить над ним российский флаг. Декабрь 1999 г.

«Такса» за урон российской армии зависит от бюджета конкретного полевого командира и составляет обычно: убийство

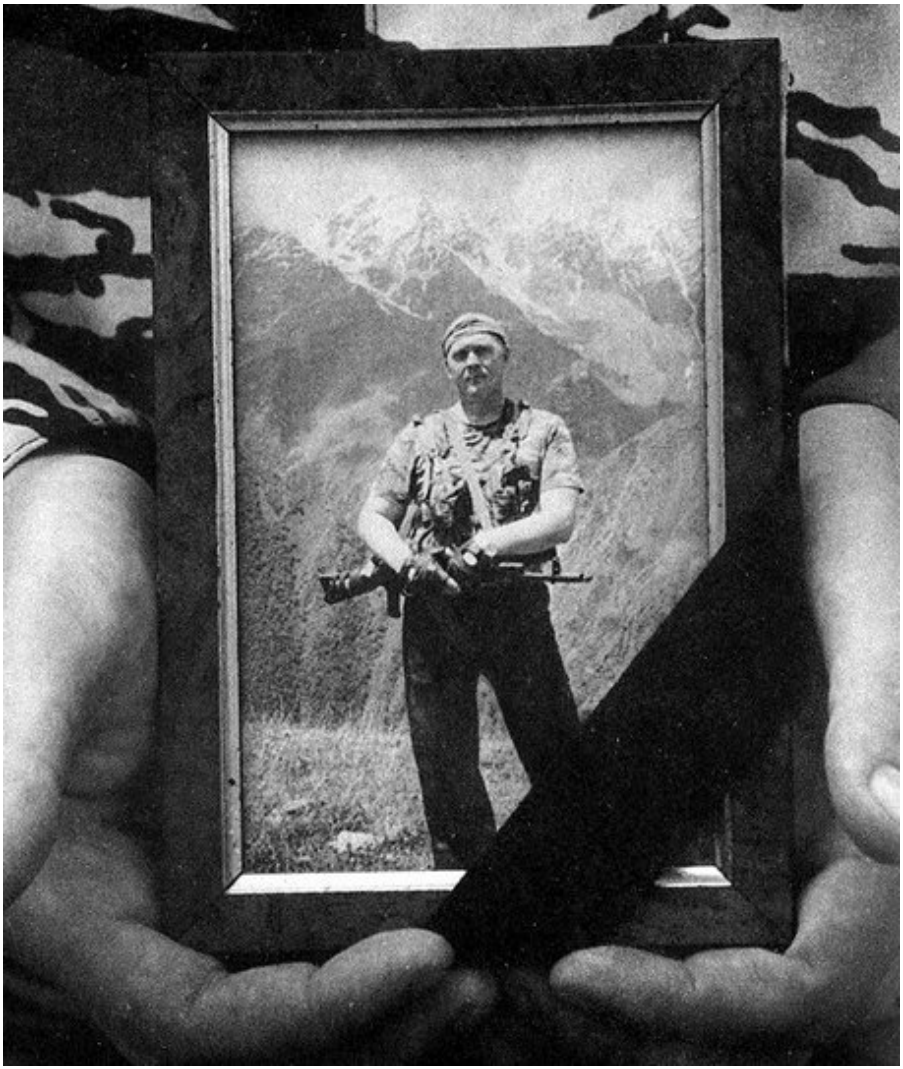
солдата — 500 долл., офицера — 1000 долл.; подрыв автомашины — 500 долл., танка, БТР — 1000 долл.; уничтожение вертолета — 2000 долл.



Г. Трошев: «Военных журналистов уважаю, стараюсь говорить с ними откровенно».

На военной базе в Ханкале. Справа — начальник пресс-службы СКВО Г. Алехин. Октябрь 2001 г.

Прощание с товарищами, погибшими в результате катастрофы сбитого боевиками вертолета Ми-26. Август 2002 г.



Разгромив крупные бандформирования, армия в Чечне свою миссию выполнила. Увы, это было достигнуто ценой жизни нескольких тысяч офицеров и солдат, до конца выполнивших свой воинский долг и остановивших распространение террора и распад страны.

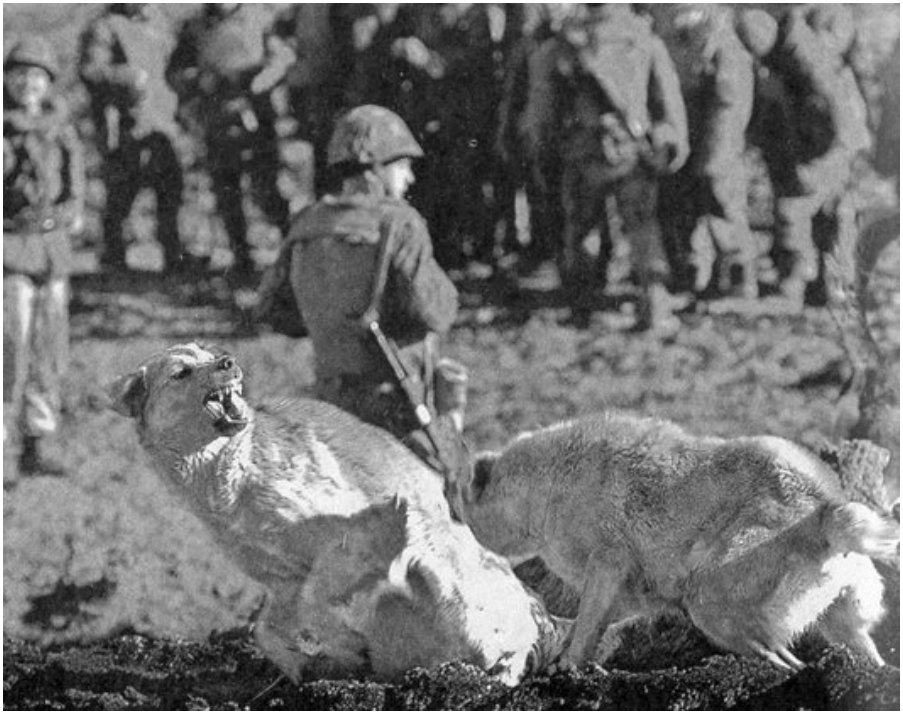
В Чечне закончилась война, но еще не наступил мир. Республика оказалась сегодня в тяжелейшем социально-экономическом положении. Люди безмерно устали за десятилетие существования в состоянии стресса.

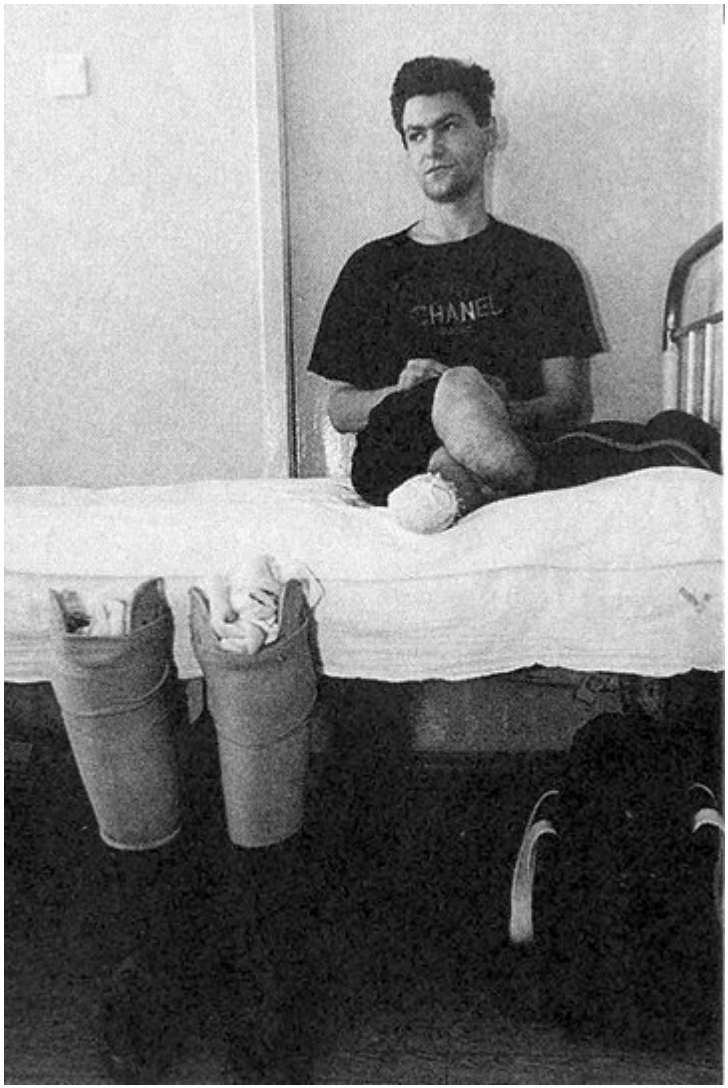
Шок в Женеве: в аэропорт доставлен «груз-200» с телами шести сотрудников Красного Креста, убитых боевиками в Новых Атагах. Декабрь 1996 г.

Взрыв жилых домов в Москве в 1999 г. — первые теракты такого масштаба в России были восприняты частью мирового общественного мнения как «акция отчаяния борцов за независимость Ичкерии».

За месяц до захвата Театрального центра на Дубровке в октябре 2002 г. «президент Ичкерии» А. Масхадов записал на видео заявление о готовящихся в Москве крупных терактах.

В июле 2003 г. две женщины камикадзе привели в действие взрывные устройства во время рок-фестиваля в Тушино. Достоверно известно, что еще три десятка «невест аллаха» подготовлены в чеченских лагерях на роль живых бомб.





Между главарями бандформирований постоянно идет грызня за контроль над поступающими извне финансовыми ресурсами, поток которых в последнее время резко сократился. Соперничество приобретает крайние формы, вплоть до устранения конкурентов.

Деньги регулярно разворовываются, в основном арабскими командирами, «зарплата» рядовым боевикам не платится. Народ Чечни давно стал заложником и жертвой войны, цель которой отнюдь не его благо.

Суть перехода от масштабных боевых действий к фазе отдельных контртеррористических операций — методичное Уничтожение и нейтрализация главарей бандформирований и продолжающих сопротивление боевиков.

МИНЫ

Потерпев поражение в открытых боестолкновениях, боевики развязали в Чечне минно-фугасную войну. Гибнут не только российские военнослужащие, но и местные жители.

Г. Трошев: «Спецоперации, проводимые на территории Чечни в соответствии с приказом № 80 командующего ОГВ воспринимаются иными «правозащитниками» как нарушение прав человека. К сожалению «зачистки» — это реальность сегодняшней Чечни, где закончилась война, но куда мир пока не пришел».

Ущерб, причиненный нефтекомплексу Чечни за годы войны, оценивается в 9–12 млрд рублей, на его восстановление нужно не менее 15 млрд рублей.

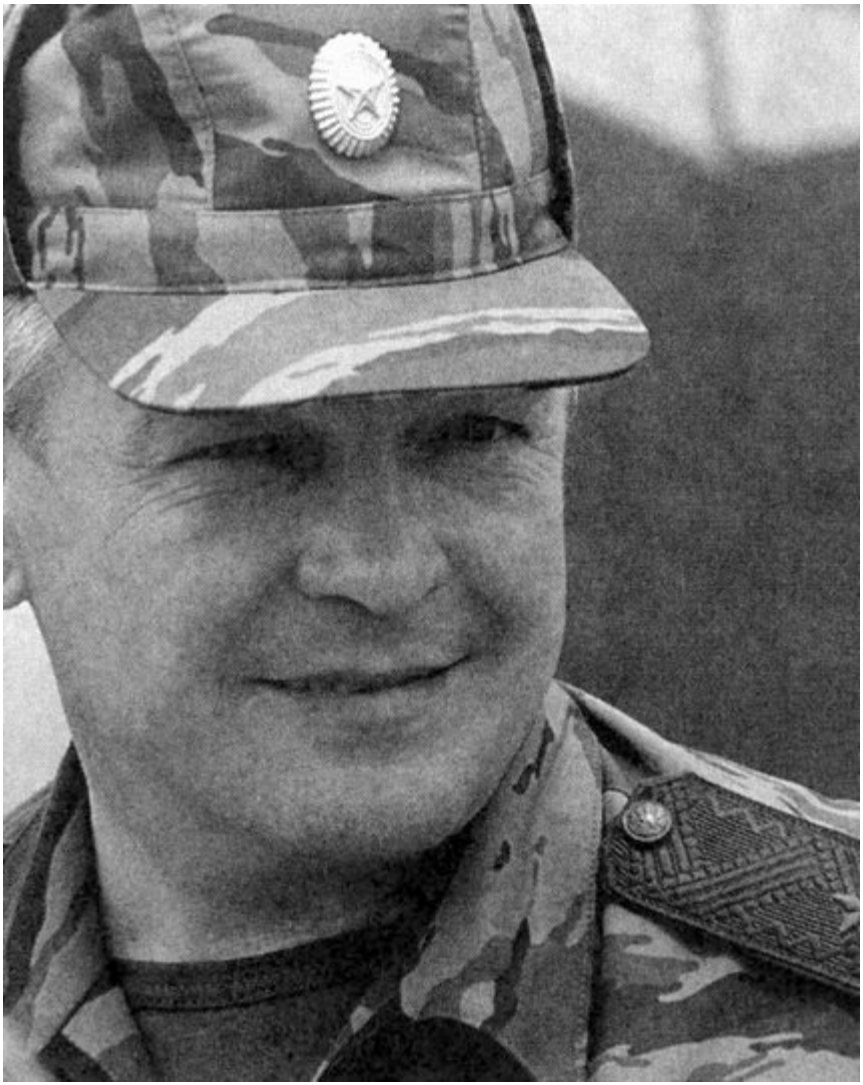
«Самопальный» бензин остается главным источником дохода местного населения, а часть выручки идет на финансирование бандформирований.

В этом бизнесе замешаны некоторые представители местной

власти.

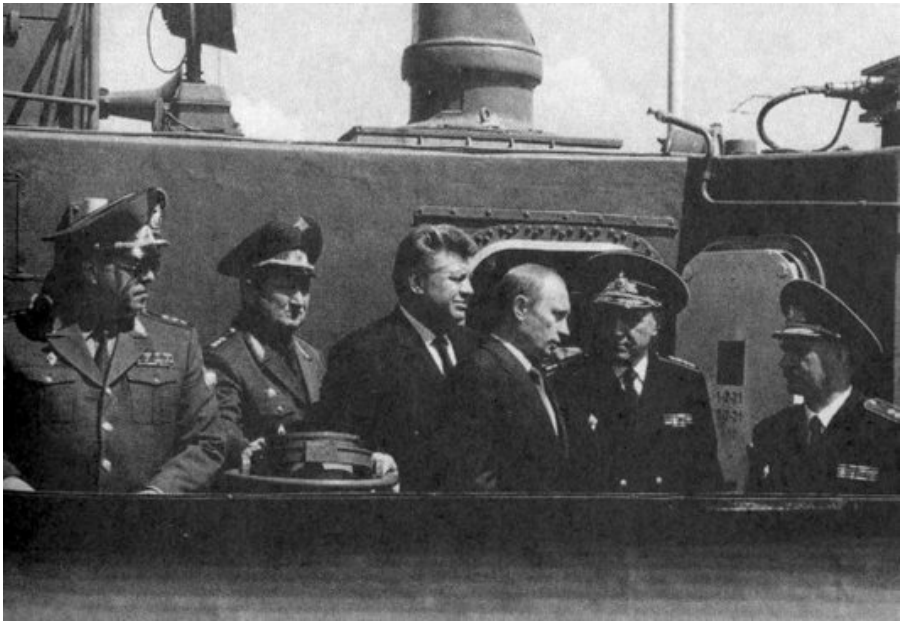
Не одно поколение чеченцев должно вырасти в мире на своей земле, чтобы из памяти народа навсегда исчез образ войны.

Губернатор Ростовской области В. Ф. Чуб — настоящий член военного совета округа, действующее лицо, а не декоративная фигура.



Командующий ОГВ в Чечне генерал С. А. Макаров. За его плечами опыт участия в боевых действиях в обеих чеченских кампаниях.

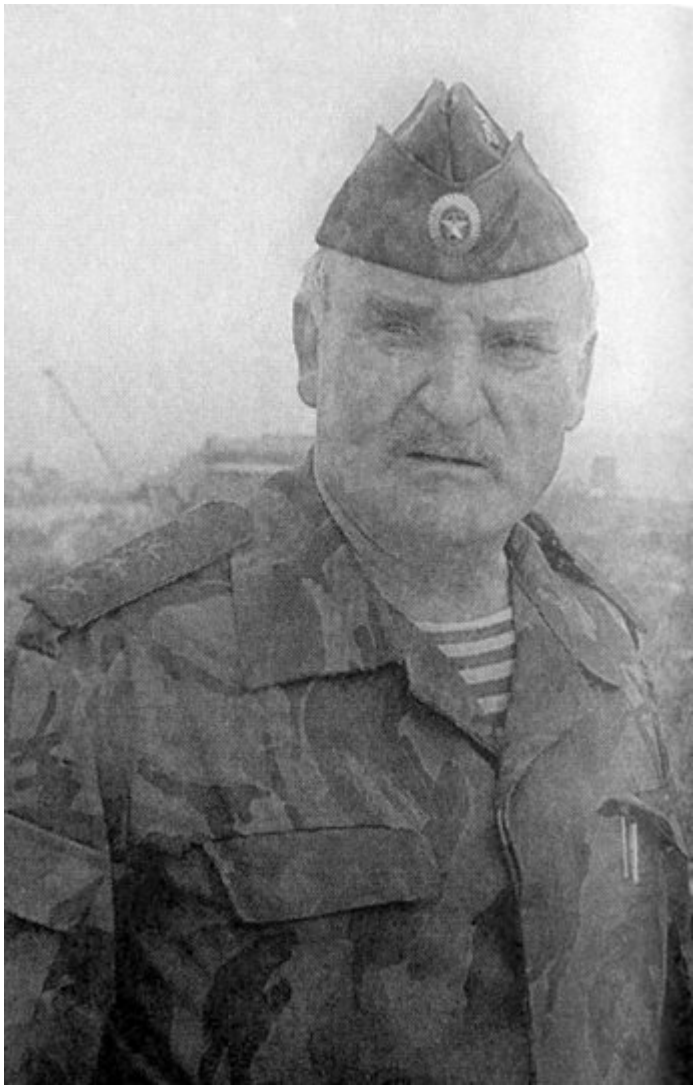
Верховный главнокомандующий В. В. Путин. Чечня, март 2000 г.



На учениях Каспийской флотилии. Август 2001г.

В начале сентября 2001 г. во время посещения Кабардино-Балкарии В. Путин нарушил протокол, чтобы заехать домой к престарелой матери главы республики В. Кокова. «Протокол протоколом, но мать — это святое», — сказал он тогда.

Поздравление президента с 50-летием. Волынское-3, 7 октября 2002 г.



«Пахарь войны» боевой генерал Герой России М. И. Лабунец.

С одним из реальных претендентов на должность Президента Чеченской республики — А. Кадыровым. Село Центорой, сентябрь 2002 г.

На референдуме по конституции Чечни 30 марта 2003 г. больше 90% населения республики сделали выбор в пользу мира.

Лет двадцать назад даже в страшном сне я, как и множество военных моего поколения, не мог представить, что придется воевать на родной земле, да еще со своими же соотечественниками. Но иначе мы поступить не могли. Жизнь заставила.

notes

Примечания

1

Вайнахи — древние обитатели Кавказа, этническая общность, к которой в настоящее время относят чеченцев, ингушей и живущих в Грузии бацбийцев.

2

Стиль информации разделов «Особая папка» оставлен без изменения. — *Примеч. ред.*